

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАРТ
2006**

**АДАР
5766**

№ 3 (167)

НАСТОЯЩИЙ ЛИДЕР

Á áōtá i dēābē ífātē dāāēí. Á íābātē āá āātú i dēōīāyō ē íāí ó āāāē ē m̄ dāōēāpō m̄āāō, ēāē āōīāēōm̄y ē çēí ā Áīēē çēí ā āōāō ōīēīāí íē – íāāí āēā íāē-āī āōīāā çāīāñōū, āñōū íāō – í íāēí í íāí āāōū «Ōīēīāí āōāō», – íēāçāē dāāēí, – íā ífōīí ó :ōí ōí āē í dāīēāçīāāōū í íāāō, ā í dññōí :ōíāū āāāē ā ēbāīí íēō-āā íā çāī āōçē. Í í ífōīí í í çāāñ íēíēēñ: «Áīō ý ēō í dāōōí dāāē í íāāēāpūēōñ ōīēīāāō – ā āāōā çēí ā āōāō dāīēíē, ý çāññí :āēíāē ífātē, ēñíō-ó íāīp dāíōāōēp!..» Í íōāē dāāēí ā āpōī í íāāū ē m̄ dāōēāāō: «Éāēp çēí ó āí íāēāāōā ā ýōīí āāō?» «Dāíípp ē m̄ōīāp», – íōā-āāō íēííōēē. «Á íōēūā āí çīāāōā?» – «Áā āīō, āāāē āēā āōīāā í íēōīāpō...»

Этот анекдот в парадоксальной форме доносит до нас важную истину. Всё зависит от самого человека, каждый человек сам определяет свою жизнь. Иными словами, каждый человек потенциальный лидер.

Мы привыкли думать, что лидером может быть только человек необыкновенный. Но на самом деле каждый из нас в какой-то области является лидером: один лидер в своей профессии, другой в общине, третий в семье, четвертый в классе. Каждый из нас вынужден принимать решения, касающиеся не только его, но и других людей – а это и есть функция лидера.

Конечно, можно сказать, что лидер в семье или даже в общине – это одно, а мэр города или глава государства – совсем другое. От политического лидера, за которого мы голосуем на выборах, мы требуем особых качеств: личной харизмы, умения произносить речи, готовности принимать «судьбоносные решения» и т. д. Конечно, все эти качества не повредят, но они не затрагивают главного – того, что объединяет большого политика и любого из нас, оказавшегося в ситуации лидера пусть даже самого маленького коллектива. Это способность не забывать за «большими цифрами» об интересах отдельного человека.

Тора рассказывает нам о первом лидере еврейского народа, Моше. Когда Б-г воззвал к нему в пустыне и велел идти в Египет, чтобы возглавить народ и вывести его из рабства, – какова была реакция? Моше сперва отказался – дескать, он менее известен, чем Аарон, и вообще Аарон – старший брат; наконец, Моше косноязычен – как он будет говорить с народом?! По сути, Моше предъявлял к лидеру те же требования, что и каждый из нас. Он просто не понял, почему Б-г выбрал именно его.

Так почему же Б-г предпочел неизвестного и «нехаризматичного» Моше другим лидерам, в том числе его старшему брату Аарону, который всё время находился среди своего народа и был его духовным вождем? Ответ мы сможем понять, если внимательно вчитаемся в текст Торы. Святые книги содержат мало подробностей жизни Моше до того момента, когда Б-г возложил на него обязанность возглавить процесс освобождения евреев из рабства. Но все приведенные эпизоды характеризуют его как человека, способного рисковать собой ради нескольких людей, ради одного человека и даже ради одного животного! Вспомним, почему Моше, выросший при египетском дворе и наверняка готовившийся к блестящей карьере, вынужден был бежать из Египта? Он увидел, как египетский надсмотрщик избивает еврея, а вокруг не было никого, кто бы мог за него заступиться, – поэтому Моше сам напал на надсмотрщика и убил его. Потом, находясь в Мидьяне, он не раздумывая вступился за дочерей жреца Итро, на которых напали пастухи, и этим доказал, что готов защищать не только соплеменников, но и саму справедливость.

Наконец, история с заблудившейся овечкой, после которой, собственно, Б-г и сделал Моше вождем еврейского народа. Это было последнее испытание, и Моше выдержал его с честью. Он доказал, что всегда и при любых обстоятельствах заступится за слабого, поможет ему.

Вчитайтесь в историю о спасенной овечке! Чтобы выручить ее, Моше не только три дня шел по пустыне, рискуя умереть от жажды. Он оставил всё стадо, рассудив, что большое количество овец вместе, под присмотром пастушьих собак, находится в меньшей опасности, чем одно заблудившееся животное. Нельзя бросать одного ради многих – это было его главным принципом. Жаль, что таких лидеров сейчас не слишком много в мире: всё больше подсчитывают, сколько голосов то или иное решение принесет на предстоящих выборах. Слишком часто готовы принести интересы отдельного человека или группы людей в жертву так называемым «интересам большинства»...

Моше чувствовал боль любого существа и всегда готов был прийти на помощь. Он не спрашивал себя, должен ли он, входит ли это в его обязанности: если мог – всегда делал. Именно из-за того, что для Моше во главе угла стояло благо каждого, а не абстрактное «всеобщее благо», Б-г и счел его достойным возглавить еврейский народ на решающем этапе его существования. И Моше убедительно доказал, что забота об одном человеке не только не противоречит заботе обо всем народе, но, наоборот, является ее обязательным условием. На протяжении всей своей жизни он оставался заступником за своих соплеменников перед Б-гом, защищал евреев, даже когда те совершали самые тяжкие грехи.

...В заключение еще одна история, показывающая, что забота о меньшинстве подчас куда важнее, чем действия «в интересах большинства». Один человек нанялся водителем автобуса в крупную компанию. Ему дали маршрут, проходящий по малонаселенным переулкам, первые дни автобус ходил полупустым. Через неделю наш водитель рассудил, что лучше он поедет в густонаселенные кварталы и будет возить людей, не сверяясь с маршрутом. Весь день его автобус был полон, вечером водитель принес в кассу вдвое больше денег, чем обычно. К его удивлению, глава фирмы тут же распорядился его уволить: по контракту с властями, фирма должна была обеспечить транспортными услугами не только центр, но и малонаселенные окраины, из-за самостоятельности водителя условия договора были нарушены, и обслуживание городских линий отдала другой компании.

Áéááí úé dáááéí Dítíéé Ááðé Éáçáð

ПОУЧЕНИЯ ДЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ С ХАСИДСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

(АНТОЛОГИЯ ПРАЗДНИКОВ)

נִינּוֹ אֵלֶּם וְאֵי אֵלֶּם אֵלֶּם אֵלֶּם אֵלֶּם אֵלֶּם

נְאֻמֵי יָא אָאָדָא - אָאִי וְדִ אָאִי עֵב עֵ אָאִי וְיָאִי בּוֹעֵי יָוָא

אֲוִנִי וְאֵי עֵדָאִי עֵב

В обращении на Пейсах рабби Йосеф-Ицхок, шестой Любавичский Ребе, рассказывал, как рабби Шнеур-Залман, Алтер Ребе, подталкивал внука, Менахема-Мендла (позже ставшего третьим Любавичским Ребе и получившего прозвище Цемах Цедек), к занятиям Торой.

Однажды Алтер Ребе давал указания учителю внука, как лучше изучать с мальчиком первый раздел книги Ваикро. Когда старшие закончили беседу, Менахем-Мендл спросил: почему в слове «Ваикро» у буквы «алеф» уменьшенное начертание?

Алтер Ребе так сформулировал свой ответ. Этот стих, открывающий книгу, гласит: «Ваикро <и воззвал> к Моше Б-г». В то же время первая книга Диврей а-йомим открывается именем первочеловека, Адама, и в нем мы встречаем увеличенное начертание «алефа». Откуда это различие?

Адам осознавал свой особый статус, никогда не забывая, что «вылеплен» рукой Самого Б-га. И сказано: «Мудрость Адама превосходила мудрость ангелов, что правят небесами» (Брейшис Раба, 17:4). Осознание своего величия подтолкнуло Адама к греху, когда вкусил он от плода Древа Познания.

Моше тоже во всей полноте осознавал свой особый статус, но это осознание повлияло на него совсем иначе. Он отнюдь не проникся чувством собственного превосходства, напротив – сердце Моше оставалось сокрушенным и смиренным. Словами Торы, «человек этот, Моше, был скромнейшим из всех людей, что на земле» (Бемидбар, 12:3). Моше и помыслить не мог о том, чтобы чувствовать себя выше кого-либо из людей, даже если духовный уровень иных из них был весьма и весьма низок. Происходило это от того, что он верил: наши качества – не наша заслуга, они даны нам по воле Создателя; будь кто-то наделен столь же возвышенной душой, как Моше, будь у него предки, достигшие столь же многого на путях духа, как предки его отца, Амрама, человек этот обязательно превзошел бы своими свершениями Моше.

Осознание своего величия привело Адама к греху. Эта непрестанная мысль о собственном величии выражена в увеличенном «алефе» в начертании его имени в Торе. Моше же всегда осознавал свою ограниченность, достигнув высочайшего смирения, что нашло свое выражение в уменьшенном начертании «алефа» в слове «ваикро».

יִי־אִי־וֹוִי־בִּי־וֹאָאִי־?

Предложенное рабби Шнеуром-Залманом объяснение ставит перед нами целый ряд вопросов. Менахем-Мендл спрашивал об уменьшенном алефе в слове «ваикро» – алефе, символизирующем смирение Моше. Почему же тогда рабби Шнеур-Залман погрузился в параллельное толкование увеличенного алефа в имени Адама? Заметим: многие комментаторы, толкующие значение уменьшенного алефа в слове «ваикро» как символ смирения Моше, вовсе не касаются увеличенного алефа Адама.

Менахем-Мендл, как мы помним, только начал изучать Тору, он еще не узнал об увеличенном алефе в имени Адама, встречающемся в Торе намного чаще. Почему же рабби Шнеур-Залман включает в свое объяснение отсылку к тексту, который ребенок будет изучать намного позже?

Более того, мы знаем: Тора необычайно корректна всякий раз, когда говорит о достоинстве того или иного создания. Вспомним, что Тора «не говорит пренебрежительно даже о животных, которые нечисты» (Бава Басра, 123а). Разве не распространяется это на первочеловека, созданного рукой Г-сподней? Разве можно без особой причины сказать об этом создании что-либо отрицательное?

И еще один момент: почему Алтер Ребе пускается в длительные рассуждения о смирении Моше, вместо того чтобы кратко остановиться на этом, как делает Тора? Почему приводятся подробности; почему уточняется, что Моше осознавал свое величие, но приписывал его не себе, а особым качествам и предкам, которыми он был удостоен от Б-га, – при этом сказано, что, удостойся таких же даров кто-то иной, он достиг бы большего, чем Моше?

צִי־אִי־עֵאֵוֹאָעֵעֵ־אִי־יִוֹוֹאָעֵאֵ

В Торе, как она была дана на Синае, присутствовали тройкие начертания букв: увеличенные, средние и уменьшенные. Средние буквы в Торе преобладают, напоминая нам, что следует придерживаться среднего пути и избегать крайностей, даже если при этом мы ревнуем о чистоте и благочестии.

На первый взгляд кажется, что истолкование увеличенного алефа рабби Шнеуром-Залманом предполагает, что эта буква выражает отрицательное качество, которое подтолкнуло Адама к греху, а уменьшенный алеф олицетворяет удивительное смирение Моше.

Но ведь очевидно: буквы большего начертания в Торе имеют более высокий статус, чем средние или маленькие. Это понятно даже ребенку: если в Торе использована большая буква, то сделано это потому, что в «Торе истины» соответствующему смыслу придается большее значение. Вот почему многие комментаторы говорят о том, что увеличенный алеф в имени Адама свидетельствует о том, что «не было никого, кто мог бы сравниться с ним величием <...> или превзойти его в мудрости, которая позволила <Адаму> назвать каждое животное его именем, истинно тому подобающим» (см. Паанеах Раза и Тойлдойс Ицхок, комментарий на соответствующий стих).

אָאָעֵעֵ־עֵאֵ אָאָאִי־אֵ

В Ликутей Тора Алтер Ребе объясняет, в чем именно Адам выше, чем Моше. Увеличенный алеф, пишет рабби, соотнесен с Адамом, который до грехопадения пребывал на очень высоком духовном уровне. Он мог воспринимать Б-жественное влияние духовного уровня «большого алефа», который есть «Кетер, каков тот есть в начале начал, и сущность Б-га» (речь идет об эзотерическом аспекте кабалы). О Моше же в Торе сказано: «И не мог Моше войти в Шатер Откровения, ибо облако пребывало на нем, и Слава Б-га наполняла шатер» (Шмойс, 40:35). Классическое хасидское толкование указывает, что это «облако» относится к Б-жественному потоку, изливающемуся из «возвышенного и страшного царства» (см. Ликутей Тора), сфиры Кетер, – царства, которого Моше не достиг. Вот почему в слове «ваикро» написан уменьшенный алеф: Б-жественный поток, которого был

удостоен Моше, был всего лишь потоком, данным через цимцум – сжатие и уплотнение высших уровней Б-жественности.

Собственно, отсылка Алтер Ребе к увеличенному алефу в имени Адама скорее дезориентирует нас и противоречит утверждению о том, что уменьшенный алеф указывает на величие Моше. Увеличенный алеф соотносится не с самим Адамом после того, как он поддался греху и вкусил от плода Древа Познания, а с теми качествами Адама, которыми он обладал до грехопадения.

Возможно, Алтер Ребе не вполне прояснил текстуальный аспект проблемы; он был прежде всего озабочен прояснением принципов служению Б-гу и тем, каким образом эти принципы вытекают из уменьшенного алефа в соответствующем разделе книги Ваикро.

Кроме того, историю эту следует рассматривать в контексте того, как и почему Алтер Ребе лично на себя взял образование внука – собственно, этот контекст подразумевается рассказом моего тестя. Именно здесь кроется объяснение того, почему Алтер Ребе так глубоко был вовлечен во все, что связано с изучением Торы юным Цемах Цедеком.

ÈÑÈDÀ ÁÁÀÌ Á

Поясняя высочайший уровень, на котором пребывал Адам, всецело осознающий «свои выдающиеся качества», Алтер Ребе хотел подчеркнуть этим, что такое осознание необходимо каждому еврею, ибо оно происходит от «искры» Адама, пребывающей в каждой душе. Как гласит известное изречение, «наши лучшие качества мы должны знать точно так же, как мы знаем свои недостатки». Знание своих сильных сторон связано с подобающим служением Г-споду, как оно заповедано нам Торой; по сути, это форма служения Б-гу, свойственная тем, кто пребывает на уровне цадика – человека в высшей степени благочестивого.

Поскольку Адам был сотворен рукой Г-спода, очевидно, что он был полностью отделен от зла, ибо Б-г есть творец добродетели, ибо «благ есть Г-сподь». До Адамова грехопадения в мире не было смешения добра со злом. Это происходило потому, что «клипос» («скорлупы», как называют хасиды зло) были разделены и существовали по отдельности. Грех породил ущербность в Адаме и в мире. Но поскольку содеянное Б-гом пребывает вечно, то превосходные качества, заложенные в Адаме при творении, также пребывают с ним и его потомками вечно, даже после грехопадения, – но уже в омраченной, сокрытой форме.

Обратим внимание на точную фразу, произнесенную Алтер Ребе: «Адам, который, через осознание своих превосходных качеств, согрешил, вкусив от плода Древа Познания», представлен как «Адам, пишущийся с увеличенным алефом». Эти слова указывают: даже после грехопадения Адам был на высочайшем духовном уровне, связанном с увеличенным алефом. Известно, что евреи названы Адамом («нарекаешься Адам» (Иевомойс, 61a), потому что в душе каждого еврея пребывает частица – «искра» – души Адама. Его вечные качества передаются, в большей или меньшей степени, всем евреям, в какое бы время они ни жили.

Один из примеров – наречение имен живым тварям. Мудрость Адама «превосходила мудрость ангелов, что правят небесами», в силу чего он мог давать имена всем живым созданиям в соответствии с их «живою душой». Каждый еврей обладает определенной мерой этого качества, и, как сказано у Аризаля, наречение имен детям их родителями связано с «малым пророчеством»: родителям ниспосылается вдохновение свыше, чтобы они могли дать ребенку имя, соответствующее его «живой душе».

В каждом еврее, независимо от его духовного уровня, присутствует какое-либо из духовных качеств Адама до грехопадения. Разница же заключается в том, что Адам был наделен также прекрасным физическим телом, ибо и физические его аспекты были «сотворены рукою Б-га». Святость же, явленная в каждом еврее, происходит только от души, которая является «частью безграничной сущности Б-га Свыше» (Тания, гл. 2). Таким образом, душа не имеет отношения к греху. Как сказано в комментарии Зоги на стих «если душа должна совершить грех» (Ваикро, 5a): «Тора и Б-г изумлены и в

недоумении восклицают: “Если душа должна совершить грех!”» Даже если еврей погрязнет во грехе, душа его остается верна Б-гу.

С этим связано глубинное значение стиха: «Народ Твой – все праведники» (Ишаяу, 60:21). В каждом еврее присутствует уровень духовности цадика, связанный с уровнем Адама до грехопадения. Хотя всякий еврей может впасть в грех, погрязнув в деяниях, чуждых добродетели, когда потом он возвращается к Торе и заповедям, за это возвращение ответственен именно тот уровень Адама до грехопадения, который явлен в душе каждого из нас. И связано это не со специфическими качествами тшувы (когда кто-то отделился от Торы и добра, а затем вернулся), но с духовным служением цадика, который с самого начала не имел касательства ко злу или греху.

Изначально цадик не имеет ничего общего со злом; всё его бытие пронизано святостью, и только с ней он себя соотносит. Это возвышение святости во всяком еврее может стать причиной осознания высших качеств. В таком осознании есть необходимость, ибо оно может служить основанием для восхождения на более высокий уровень служения Б-гу. Так гордость становится толчком к восхождению выше тех преград, которые мир ставит для святости, и эта гордость помогает еврею самоотверженно и ревностно служить Б-гу, а служение приближает его к духовному служению цадикиков.

נֹדָאִי עָאִי עָא עֵנִי דָאִי עֵר

Тора очерчивает безопасные пределы, которые необходимо помнить, когда мы осознаем «наши выдающиеся качества». Даже тогда, когда человек действительно обладает соответствующими качествами, он должен быть крайне осторожен, чтобы избежать негативных последствий, которые проявились в истории Адама.

С этим положительным самопознанием в человеке должно сочетаться понимание «собственной малости», ибо, полагаясь на представления о собственной значимости, мы, упаси нас Б-г, можем оступиться и впасть во грех. Для еврея, лишённого совершенства цадика, осознание своих выдающихся качеств непременно должно быть уравновешено «знанием собственной малости», иначе тщеславие, порожденное ощущением значимости, сделает его уязвимым для зла.

Именно по этой причине Алтер Ребе обратился со словами, с которых мы начали наше рассуждение, к Цемах Цедеку, когда тот только-только принялся за изучение Торы. Цемах Цедеку суждено было стать не просто цадиком, но и Носи – лидером евреев. Зная об этом, Алтер Ребе хотел подчеркнуть, насколько для Цемах Цедека важно бежать всяческого греха. Если даже Адам пал, то для всякого цадика в высшей степени необходимо беречься гордыни, исток которой – в осознании собственных достоинств.

Помня об этом, мы поймем, почему Алтер Ребе так подробно говорит о смирении Моше. Недостаточно было просто пояснить, что Моше воспринимал свои выдающиеся качества как дары, которых он удостоен. Цемах Цедек (как и все евреи) должен был знать, что Моше стал еще смиреннее потому, что считал: получи его одаренность любой другой человек, он достиг бы гораздо большего и превзошел бы Моше.

Это значит, что еврей должен стремиться к полнейшему смирению – вплоть до самоотвержения и самозабвения. Одним из показателей истинного самоотвержения является не просто полный отказ от внимания к своему «я», но осознанный поиск в других тех качеств, которыми они тебя превосходят! Мы можем наблюдать это в повседневной жизни. Встречаются люди, которым удается сохранять пассивность и терпимость, когда их унижают. В то же время многие из этих людей про себя думают: «Да, конечно, я ничего не значу, но человек, оскорбляющий меня, значит еще меньше, он – еще ничтожнее меня!»

Чтобы обрести чувство смирения и в то же время воспринимать другого как человека, обладающего ценностью и достоинством, нужно пребывать на достаточно высоком уровне самоотвержения и духовного служения. Дарование Торы сопровождалось очищением от нечистоты, вызванной грехом Адама. Моше, в высшей мере обладавший смирением, достиг столь высокого уровня, что исправил грех, совершенный человеком, вкусившим плод с Древа Познания.

יֵאֵנְעָאֵעָא יֵיִוָא

Осознание человеком тех качеств, в которых он превосходит окружающих, обязательно должно сочетаться со смирением. Подобное смирение вовсе не отрицает и не игнорирует положительные качества. Однако, даже зная о своих выдающихся способностях, человек не может позволить себе чувство личного превосходства, ибо должен помнить, что его таланты – дар Б-жий, а не результат собственных усилий. Такое смирение присуще не одному только Моше, оно присутствует в каждом еврее, ибо в каждом из нас есть «искра» Моше. Более того, именно осознание личного превосходства порождает необходимость смирения, которое должно простираться вплоть до стремления быть «скромнейшим из всех людей».

В применении к каждому из нас это значит, что, в силу полученного нами духовного наследия, в нас есть множество выдающихся качеств, которые мы должны осознать. Сталкиваясь с необходимостью исполнить заповедь или серьезную духовную задачу, мы не должны уклоняться от этой необходимости, ссылаясь на смирение. Тора утверждает: в каждый момент нашего бытия мы обладаем высочайшими качествами, идущими от Адама, каким он был, покуда не согрешил. И пусть этот уровень не был реализован каждым из нас в прошлом, однако осознание самого этого обстоятельства подтолкнет нас к тому, чтобы, опираясь на духовность Адама, совершенно преодолеть грех.

С другой стороны, всегда необходимо понимать, что все эти замечательные качества – дар Б-жий. И, обладая этими дарами другой человек, он распорядился бы ими лучше и достиг бы куда большего. Осознание духовной избранности должно вести не к надменности, а к тому, чтобы в глазах других быть скромным и смиренным.

Через подобное самоумаление и самоотвержение человек достигает истинного величия: как сказано в Зогаре, «тот, кто мал, – тот велик». Такой человек может достигнуть уровня, о котором сказано: «И призвал Моше Б-г» (Ваикро, 1:1). «Ваикро» («призвал», «воззвал») указывает на призыв Б-га к качествам Моше, укорененным в душе каждого еврея. Этот призыв Б-га, открывающий раздел Торы, посвященный жертвоприношениям, дает еврею возможность совершить свое Б-жественное служение и принести жертву. И жертвоприношение это вскоре будет совершаться в третьем Храме: «И свершим пред Тобой назначенные нам жертвы <...> как повелевает нам Твоя воля» (молитва Мусаф).

יִּוְדַעְי

נְאִי יָא אֵאֲנֹי עֵיֵא דְאִוְאִי עָא

Мы соблюдаем праздник Пурим в память о чудесном избавлении еврейского народа от уничтожения.

Времена, когда это произошло, можно считать наиболее счастливым и благополучным периодом в истории нашего рассеяния. Евреи добились важной роли в управлении страной. Мордахай, глава Сангедрина, был также важным человеком в правительстве, сидевшим на собраниях «у царских ворот» (Эстер, 2:19). Эстер была женой царя Ахашвероша, а, как сказано в Талмуде, «жена человека подобна телу, коим он обличен» (Брохойс, 24а). Во всей еврейской истории мы не найдем другого примера, когда еврейская женщина была бы, как царица Эстер, женой монарха, властвовавшего над огромной, цивилизованной по тем временам страной (Мехилта, 14а). Уже из этого очевидно, что за всю долгую историю рассеяния не было периода, когда евреи могли бы в большей степени считать себя в безопасности, нежели во времена Ахашвероша.

В реальности всё обернулось иначе. Именно в те времена, когда евреи пребывали в полной уверенности, что им ничто не угрожает, было приказано «истребить, убить и погубить всех Иудеев: от отрока до старца, <и> детей, и женщин – в один день» (Эстер, 3:13). Это был самый жестокий приказ в отношении евреев, который когда-либо отдавался; никогда за всю историю не было подобной угрозы полного исчезновения еврейского народа, как в правление Ахашвероша.

В те или иные эпохи рассеяния евреи были разбросаны по разным странам. Как говорят мудрецы, «Б-г проявил к нам милосердие, рассеяв среди разных народов» (Псохим, 87б). Ведь если в одной какой-то стране принимали решение об избиении евреев, то это не распространялось на евреев, живших в других странах, более того, эти другие страны могли стать убежищем для спасавшихся бегством оттуда, где в данный момент евреев уничтожали.

Даже во времена фараона, когда все евреи оказались в его власти, а из Египта сбежать было невозможно, – как пишут мудрецы, «до того времени ни одному рабу не удалось бежать из Мицраима, потому что страна была закрыта наглухо» (Мехилта и Раши на Шмойс, 18:9), – даже тогда повеление фараона об уничтожении евреев касалось лишь младенцев мужского пола: «Принимая роды у евреек, не спускайте глаз с родильных кресел, если сын – умертвите его, а если дочь – пусть живет» (Шмойс, 1:16). Во времена же Ахашвероша все евреи были в его власти, ибо эта власть охватывала весь обитаемый мир; Ахашверош пожелал уничтожить евреев в один день, и не было времени для бегства; кроме того, приказано было перебить всех евреев, до одного.

יְיָ יִלְעֹדֵתֵי עַצְמוֹתַי

Можно задаться вопросом: как при нормальном течении событий, в эпоху, когда, казалось бы, евреям ничего не грозит, мог быть отдан столь ужасный приказ?

Талмуд объясняет: «Ибо они <евреи> получали удовольствие от пиршеств этого злодея».

Здесь есть прямое указание на то, что евреи и материальный мир, естественный ход вещей принадлежат двум различным сферам. Судьба евреев всецело зависит от соблюдения Торы и ее заповедей. Внешне ничто не предвещало жестокости распоряжения, отданного Ахашверошем, и говорить об угрозе, нависшей над евреями, казалось диким и нелогичным. Однако удовольствие, которое евреи получали от пиршеств, для них запретных, привело к тому, что судьба их была predetermined – появился приказ уничтожить их всех, до единого.

В том, как они были спасены Б-гом и восторжествовали над своими гонителями, можно усмотреть действие тех же начал. Жестокое распоряжение было отменено не благодаря естественному развитию событий, но в силу раскаяния евреев и полного их обращения к Б-гу.

Когда Мордехай и Эстер узнали о приказе царя, казалось, их первым побуждением должна была быть попытка дипломатично переубедить Ахашвероша, явиться к нему в качестве послов своего народа. Но Мегила сообщает нам, что первыми словами Эстер, сказанными Мордехаю, были: «Иди, собери всех Иудеев, находящихся в Шушане, и поститесь ради меня: не ешьте и не пейте три дня – ни ночью, ни днем» (Эстер, 4:16). Попытка отменить приказ царя изначально связывалась с постом и раскаянием.

Более того, Эстер объявляет Мордехаю: «Я со служанками моими <тоже> буду так же поститься» (Эстер, 4:16). Влияние Эстер связано было с тем, что «снискала она его <царя> расположение и благосклонность больше всех девиц» (Эстер, 2:17). Понятно, что после трехдневного поста красоты у царицы не прибавилось бы. Тогда чем же было оправдано решение поститься?

Ответ может быть таков: насколько приказ царя был противоестественен, настолько и противодействовать ему можно было лишь средствами, выходящими за рамки естественного порядка вещей. Спасение евреев могло быть достигнуто раскаянием, а один из актов покаяния – пост. Если все евреи в Шушане постились, то ни одному из членов общины не разрешено было игнорировать пост, поэтому понятны слова Эстер: «я со служанками моими <тоже> буду так же поститься».

Впрочем, всё это были лишь внешние формы, а не истинная причина избавления еврейского народа. Внешний порядок вещей не имеет первостепенного значения. Если истинная сила, влияющая на

происходящее, – укрепление человека в Торе и заповедях, то минимальное внешнее подчинение реальности не окажет отрицательного воздействия на ход событий.

Изгнание отделило нас завесой от духовной реальности, – а в силу этого и приказ царя, и наше раскаяние, которое привело к его отмене, предстали в облике событий, связанных с материальным и внешним. Истинной же причиной, повлекшей за собой угрозу уничтожения евреев, было пренебрежение заповедями Торы – как причиной избавления стало наше возвращение к ним. Получая удовольствие от пиршеств жестокого тирана, евреи спровоцировали приказ об их избиении, а пост и раскаяние повлекли за собой отмену этого приказа.

ÍÄÄ ÇÄÊÍÄÌ È Ì ÐÈÐÌÄÛ

Уроки, которые можно извлечь из этого рассказа, актуальны и сегодня: всегда есть люди, настаивающие на том, что бытие еврейского народа в условиях рассеяния может быть обеспечено дипломатическим взаимодействием с властью преобладающими, причем сугубо мирскими средствами. А подтверждение этому видят в рассказе Торы о том, как было отменено решение царя Ахашвероша. Следует подчеркнуть: сторонники этих взглядов ложно толкуют Тору, и их толкование обнажает неверие во внутреннюю суть еврейства, определяющую существование нашего народа.

В Торе сказано: «Вы стоите сегодня все...» (Дворим, 29:9). Мудрецы, толкуя этот стих, подчеркивают: «Даже когда внешний мир колеблется, вы стоите твердо и безопасно» (Сангедрин, 4б и Мидраш а-годол на Дворим 29:9). Это значит, что существование прочих народов полностью подчинено природным законам. Над евреями же природа не довлеет, как над всеми прочими: они подчинены Торе и ее заповедям.

Во времена бедствий, когда зло берет верх, мы не должны полагаться лишь на дипломатию и усилия других народов. Эти усилия не смогут обеспечить наше выживание. В подобных ситуациях мы должны пересмотреть наши деяния, исправить упущения и укрепиться в исполнении Торы и ее заповедей. Тогда наши усилия в этом мире увенчаются успехом. И там, где все другие в подобных же обстоятельствах потерпят поражение, мы сможем выстоять неколебимо, ибо сказано: «вы стоите...»

Более того, мы и воспринимать подобную ситуацию должны не так, как воспринимают ее те, кто всецело принадлежит земному миру и подчинен законам природы. Наша задача – укрепиться в исполнении Торы и ее заповедей, – тогда земные действия в этой ситуации увенчаются чудесным успехом, источник которого лежит в Б-жественных сферах, пребывающих над законами природы.

ÏÄÐÄË×ÍÄÇ ÐÄÄËÛÍ ÌÑÒÛ - Ä-ÆÄÑÒÄÄÍÍÄÄ ÄËÄÄÍÑËÍÄÄÍËÄ

Принцип, утверждающий, что евреи не подчинены природе, приложим не только к еврейскому народу в целом, но и к каждому еврею отдельно. Еврею всегда следует помнить: источник восполнения всех его нужд – это Б-г, Который превыше законов природы.

Это вовсе не отменяет необходимость действовать, подчеркнем: вслед за «благословит тебя Б-г» сказано «во всем, что будешь делать» (Дворим, 15:18). Но деяние не даром стоит в этой формуле на втором месте: оно есть лишь внешнее проявление, первично же – благословение Б-га, которое является выражением уз, связывающих нас с Ним, и связь эта поддерживается изучением Торы и исполнением заповедей. Когда человек помнит о том, что первично, тогда внешние средства, используемые для достижения целей, приведут его к успеху.

Сказанное позволит нам понять формулу Иерусалимского Талмуда, утверждающую, что сажающий побег «верует в Него, Живущего вечно, и <потому> сажает». На первый взгляд трудно понять, каким образом подобное отношение к своим действиям является манифестацией веры. И вероотступник,

и тот, кто не верит, сажают и сеют – и собирают урожай, ибо в силу естественного порядка вещей зерно дает всходы и приносит урожай.

Однако этот стих особенно исполнен смысла, в нем – сущностное определение веры еврея. Рост злаков – феномен, проявление которого не определяется верой и ощущением полной зависимости от Б-га, – тот, кто отпал от Б-га, тоже увидит, как посеянное принесло урожай. Еврей же обладает сознанием того, что он особо выделен в этом мире, и судьба каждого еврея не всецело определяется законами природы. Он знает, что если для всего мира зерно, дающее плоды, лишь исполняет законы природы, то для еврея посеянное дает урожай лишь потому, что он верует в Б-га и полагается на Него.

Это верно не только в отношении тех, кто живет плодами трудов своих и сделок, но и тех, чья жизнь всецело посвящена изучению Торы. Истинный успех в занятиях Торой – отнюдь не результат выдающихся талантов, он зависит от помощи Небес, которая дается в ответ на духовное благоговение. Именно эта эмоция позволяет человеку всецело погрузиться в изучение Закона и отдать этому занятию все силы – и тогда он «обретает» гораздо больше, чем мог бы обрести просто напряженными усилиями: «обретение» предполагает великое открытие, превосходящее приложенные усилия. Если отсутствует это сущностное благоговение, то талант и усилия не увенчаются успехом, ибо Тора есть мудрость Б-га. Тогда же, когда явлены благоговение и любовь к Б-гу, Он ниспосылает великий успех, превышающий то, что составляет норму для этого.

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ВНЕ СХЕМЫ

Ñèì íí Áæáéí áñí

Ì ù äîëæí ù äáðèòù á ñáí áíáó äîëè:

ó í áñí áò áñí áðà

Äðáíí áá èçðá: áí è á

Наш мир: предсказуем он или нет? Случаен он или подчинен Замыслу? Предопределена ли наша судьба?

На первый взгляд может показаться, что ответ на эти вопросы имеет отношение к вере в Б-га. Если мы принимаем Б-га как Творца вселенной, то сотворение вселенной, несомненно, отвечало цели и плану. Если же мы отвергнем такую предпосылку, то наше бытие с таким же успехом может объясняться результатом случайного набора обстоятельств, не подчиненных никакому плану и направлению.

Религия точно так же опирается на четко зафиксированную, даже абсолютную структуру – неизменные законы, которыми определяется и регулируется наше поведение. Многие светские мыслители, напротив, придерживаются релятивистского подхода, отрицающего непреложные правила.

Однако рано или поздно становится понятно, что эти два подхода невозможно четко отделить друг от друга; они пересекаются. Даже если следовать логике случайного выбора, то согласимся: в нашей вселенной правят на редкость твердые законы. Какую область ни взять – от физиологии до космогонии, – невозможно не признать, что мы живем в мире фундаментальных систем, управляемых строго определенными и неизменными законами (так называемыми «законами природы»). А вера в Б-га и религия предполагают, что существует свобода воли, что наш выбор не предопределен, наше будущее может оказаться удивительным и непредсказуемым.

Конечно, можно привести сильный аргумент: мир, управляемый «законами природы», непроницаем, в нем нет места для случайности. Еще до появления теории вероятности француз Лаплас и другие ученые писали: если бы мы имели исчерпывающие знания о всяком явлении, то могли бы точно предсказывать все события, которым еще предстоит случиться. Поскольку же мы живем в мире причинном, где действует причинно-следственная связь, то для подлинно случайных явлений места не остается. Иными словами, случайность и вероятность не являются объективно измеримыми величинами, а скорее представляют собой меру нашего незнания. Подбрасывание монеты, к примеру, не обязательно приводит к случайному результату: если мы всё знаем о форме и весе монеты, силе подбрасывания, атмосферных характеристиках помещения, расстоянии от руки до пола и т. д., то можем с уверенностью предсказать, выпадет «орел» или «решка». Но если эта информация нам недоступна, то удобнее предположить о случайности выбора и приписать выпадению «орла» и «решки» вероятностный характер.

Парадоксальным образом находятся люди, которые используют этот же научный подход, чтобы объявить случайным всё наше бытие. Логичнее, казалось бы, другой подход: мыслители, не допускающие в бытии никакой случайности, должны принимать и то обстоятельство, что само бытие определено Великим Зодчим...

Получается, что взгляд на бытие, основанный на вере в Б-га, в большей степени оставляет место неопределенности, проистекающей из свободы воли, нежели научный подход.

Так какой же смысл мы можем извлечь из этих противоположных подходов? Что в нашей жизни предопределено, а что зависит от нашего выбора?

И, разумеется, самый важный для нас вопрос: являемся ли мы жертвами обстоятельств или же способны сами управлять своей судьбой?

Удивительный ответ дает нам Пурим. Название этого праздника происходит от персидского слова «пур» («жребий») – Оман бросал жребий, чтобы выбрать дату истребления евреев.

Странное название для праздника – «жребии». Разве существует что-либо более случайное, чем лотерея? Почему дано такое название празднику, который напоминает о спасении целого народа от геноцида?

А потому, что Пурим учит нас важнейшей вещи: сущность бытия не в порядке, а в непредсказуемости. Б-г, Творец вселенной и законов природы, не связан никакими законами и схемами. На Своем, сущностном, уровне Б-г выше всяких схем и определений. Но тот же самый Б-г, с присущей Ему непредсказуемостью, сотворил и явил высокодетерминированную вселенную. Индетерминизм породил в высшей степени детерминированную совокупность законов. Сущность Б-га – вне детерминизма и индетерминизма, и потому Он может их сочетать.

Есть случайность и случайность. Есть случайность, которая вне всяких схем и законов: когда события выходят из-под контроля и носят произвольный характер, бытие становится непредсказуемым и теряет направленность. Это то, что мы называем «стечением обстоятельств» – обстоятельства управляют нашей жизнью; мы теряемся, смысл существования ускользает. Но есть и такая случайность, которая происходит из того «места», где не действуют никакие законы, которое вне и выше всяких схем.

Структура бытия, как учат нас мистики, порождается Сущностью Реальности, которая вне всяких структур. Иногда наши собственные структуры заслоняют от нас видение этой сущности. Наши планы, расписания, организационные схемы могут помешать нам добраться до самой сердцевины. Наша задача – увидеть в системе трансцендентное.

Пурим воплощает в себе эту силу. Он достигает «места», которое вне «структурного различения» (ад лой йода). Логика и законы бытия должны были предвещать персидским евреям трагический конец. Оман обладал властью и убедил царя Ахашвероша уничтожить еврейский народ. Но всё вышло по-другому. Вопреки всем обстоятельствам, несмотря ни на какую логику, положение коренным образом изменилось, и вместо трагедии наступил один из величайших праздников: Оман был повешен на той самой виселице, которую предназначал для Мордехая. Неожиданно, совершенно внезапно тьма превратилась в свет.

Пурим – это подлинный рассказ о жизни, которая происходит «за сценой». Здесь действуют не человеческие планы, а рука Б-жья. Среди, казалось бы, случайной цепи событий по-настоящему судьбы вершат именно скрытые силы.

Та же самая сила Пурима действует на протяжении всей истории. Многие великие народы приходили и уходили. У них были грандиозные планы, мощные армии, несметные богатства, великая культура, – каждой империи в пору ее расцвета казалось, что это навсегда. Увы, ни одна из них не выжила. Египет, Ассирия, Вавилон, Персия, Греция, Рим, Византия, Испания, Португалия – все они пали. Что произошло с их государственными системами, структурами и планами мирового господства? Земными человеческими планами могут созидаться только земные, преходящие структуры. Вечная жизнь порождается силой, которая вне логики, вне обстоятельств, вне установленных схем.

Это положение имеет далеко идущие последствия. Неважно, что твоя жизнь устроена таким образом, что тебя третируют родители, сверстники и общество, что ты пережил такой-то опыт, – ты никогда не являешься жертвой обстоятельств, у тебя всегда открыто окно туда, где бросается вызов схемам. При всей предсказуемости жизни, со всеми ее причинами и следствиями, не существует законченного, непреодолимого детерминизма, управляющего жизнью. Всегда есть шанс открыться непредсказуемости, которая, в свою очередь, откроет новые возможности.

Пурим говорит нам: миром правят не наша логика и не наши планы. В случайном опыте могут проявляться высшие силы, но наивысшая сила присутствует и в самой случайности.

Да, мы живем в структурированном мире. Да, нами правят его законы. Но в то же время мы учимся использовать схемы для преодоления схем. Мы должны делать всё возможное в рамках законов природы и наших собственных правил. Но в то же время следует помнить: наша внутренняя сущность превосходит всякие планы. Когда мы что-то делаем данными нам от природы силами, открывается глубинная сущность.

Об этом говорит Пурим: возьми свои схемы, свою зафиксированную реальность, «выверни» ее вовне, «переверни вверх дном», и ты увидишь, как возникает нечто новое.

Твоя жизнь проходит во мраке, глубоком мраке. Но Пурим учит: в один момент мрак превращается в свет.

Ты ощущаешь себя ограниченным, закрытым. Пурим открывает новые возможности.

Ты чувствуешь безнадежность. Пурим внезапно дает тебе надежду.

Твоя жизнь замечательна, но тебе любопытно, как высоко ты можешь взлететь? Могут ли смертные достичь небес? Можем ли мы обрести бессмертие, сотворить вечность? Пурим учит: мы это можем.

И всё это потому, что в рамках неподвижной схемы действует основополагающая непредсказуемая свобода, не связанная никакими схемами, законами и определениями.

Между прочим, этот парадокс ныне признан современной физикой. Согласно положениям квантовой механики, фундаментальный индетерминизм существует на микроуровне. На этом уровне материя не имеет формы и очертаний, она находится в «вероятностном состоянии» и потенциально способна к самым различным изменениям. Эта вероятность или неопределенность есть результат не отсутствия знаний, а вероятностной природы материи.

Но еще более поразительный факт заключается в следующем: в то время как базовая, субатомная структура, составляющая основу всего сущего, фундаментально индетерминирована, бытие на макроуровне фундаментально структурировано и детерминировано! Как это возможно, чтобы непредсказуемая основа могла порождать предсказуемый результат? Например, главный элемент компьютерного чипа подчиняется принципу неопределенности субатомного индетерминизма. Однако работа компьютерного чипа приводит к абсолютно детерминированным результатам, от которых мы ежедневно зависим.

Где встречаются два мира – предсказуемый и непредсказуемый? Наука этого еще не объяснила.

Но что неизвестно науке, всегда было известно Пуриму.

Итак, где встречается предсказуемое и непредсказуемое? У тебя на пороге. И в Пурим открывается дверь, соединяющая обе реальности.

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ВИЗИТ ИСЛАМСКОЙ ДАМЫ

Èáí í èä Dääçèõí àíèèé

Èðáí ñèäý àòíí íáý áíí áà

Í àèáíò èí ñèíá áíííáàðíòáí «Ùàí àí».

«Èàðèèàòóóí úé ñèáí áàè» á Ááðíí á

Ñáýçáí ù ýòè òðè ñáíòèý èèè íáò?

Я не сторонник теории заговора – история движется не директивами «в запечатанных конвертах», а разлитыми в воздухе (в СМИ) идеями, настроениями и т. д.

Идеи эти очевидны, хотя, опять же, до конца четко и не сформулированы. Это идеи, которыми наполнена мусульманская улица, – смесь обиды/неполноценности/избранности/ощущения своей силы и драйва. «Война миров», война племен, война цивилизаций... Тут важно само слово – ВОЙНА.

Ощущение своей нарастающей силы, которая ищет выхода, переливается через край. Например, так было с Германией в 1870–1945 годах, когда три раза, по разным поводам, эта поднимающаяся нация-империя бросала вызов «старой Европе» – Франции, Англии, добивалась своей гегемонии. Правда, немцы пытались доминировать не только в грубой силе, но во всем – в науке, технологиях, идеологии, культуре и т. д. Мусульмане попроще – не надеются доминировать в науке и технике. С них хватает грубого силового давления на «старый мир», который вечно принято представлять дряхлым, слабым, нерешительным – классическая картина столкновения молодости и старости. Потом старик опять будет долго чихать и кашлять на похоронах своего сильного и молодого соперника – старость не радость, знаете ли...

Иран – претендент на силовой/идеологический центр Ближнего Востока и всего исламского мира. Палестина – передовой отряд, нация-шахид, действующая прямо в логове врага. Скандал с карикатурами обозначает линию идеологического противостояния – так, на территории Европы мусульмане пытаются навязать свой устав европейскому монастырю, куда они пришли как гости.

Эта последняя ситуация, может быть, самая серьезная из всех названных, потому что она обозначает идеологическую цель. Цель, конечно, вроде бы дурацкая, но в столкновении воля, амбиций, символов цель всегда выглядит наивно, по-дурацки. Однако только за такие цели люди всю свою историю и проливали чужую и свою кровь. Мусульмане готовы ее проливать и презрительно спрашивают европейцев: ну а вы готовы? Или готовы только ползти в кусты?

В самом деле. По мере ослабления религии свобода слова, либеральные ценности, открытость, политкорректность и т. д. стали светской религией Европы – той идеологией, на которой держится цивилизация Запада. Вышиби этот идеологический стержень – и Европа окажется просто «опущенной».

Вы, господа европейцы, можете топтать своих божков сколько вам, уродам, влезет – это ваше дурацкое право. Но вот нашего Бога трогать – не смейте! Если исламисты продают свою волю, для них самих и для европейцев вывод был бы вполне очевиден: в столкновении богов и идеологий «по факту» победил Аллах. Мы, мусульмане, в него верим, нас он защищает. Вы, европейцы, в него не верите, как вы и ни во что не верите, жалкие вы людишки. Но нам плевать на вашу веру/неверие! Зато вы его, Аллаха, – БОИТЕСЬ. А страх за свою шкуру – единственное, что у вас, с вашей «культурой», есть. А раз вы Аллаха боитесь, то вы и НАС БОИТЕСЬ. И очень правильно делаете!

Вот и всё. На сегодняшний день достаточно четко зафиксировать вот эту позицию: мы вас – не боимся, вы нас – боитесь. И это происходит У ВАС в доме! Фиксация этой позиции означает начало нового этапа отношений христианской и исламской цивилизации, начало «крестового похода наоборот». А дальше видно будет – вот будет у Ирана бомба, будет и новый разговор...

Особенно трогательно это выглядит, разумеется, в Палестине.

Палестина живет (и считает это, разумеется, своим неотъемлемым правом!) на доброхотные даяния США, Европы, Израиля. Ну, с последним, после победы «Хамас», всё совсем уж просто – Израиль обязан оплачивать свое уничтожение, давая деньги законно избранному руководству Палестины.

Но не менее пикантна позиция Палестины и в отношении Европы. Мало того, что Европа обязана давать деньги на уничтожение Израиля (на это-то старуха даст, куда денется – может, даже и не без тайного удовольствия даст...). Интереснее другое. Так и быть, принимая «евродань», палестинцы... рвутся громить представительства европейских организаций из-за этих самых карикатур! То есть вы, господа хорошие, обязаны оплачивать не только уничтожение Израиля, но и – уже СЕГОДНЯ! – ПОГРОМЫ ПРОТИВ ВАС САМИХ! Вот наша благодарность вам! И вы – кушайте, кушайте, добавка будет...

Конечно, не стоит рисовать совсем уж карикатуру. Нет, Европа борется своими подручными средствами – пока, во всяком случае, пытается отстаивать свои ценности. В пьесе Дюрренматта «Визит старой дамы» приезжая миллиардерша требует от жителей маленького европейского городка, чтобы они убили одного горожанина, который ее, миллиардершу, когда-то обидел... Жители городка ломаются. Европа в целом пока сопротивляется, газеты перепечатывают пресловутую карикатуру. Посмотрим, надолго ли их хватит...

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

Я ЧУТЬ НЕ СТАЛ ЕГО СОАВТОРОМ...

*61 adōā ēmī tēi eēimī au 75 ēāō aīū ēdī ēqānō īī ōī adāīā:ēēō ē ēnō īdēēō ēēō adāōōdī
Oēi īīō (Nēi īīō) Ī adēēōō Aā ī adāīāū nī adāīēō yqūēīā nī-ēōāpōīy ēēānē-ānēēi ē, aīū
ēnēāīīāōāēūnēēā ōāēnōū, ēīō īdūā īūī Ī adēēō īāqūāē «īīīōēydeqāō īdīēēi ē», ī īāēī īāqūāōū
īādaqūī ēēō adāōōdī īā āēūā, nēāāōāēūnōāī aīnēēē ēēēūōdī ē īīāēēīīē īādaqūāī īīnōē. Ā
īīnēāīēā āāū āēēē nōādēē āā īāō-īūō ēīō adāīā nōāē dūnēē-ādāēēēā ēēō adāōōdī ūā nāyqē,
īī īōēdūē ē ēnēāīīāē ī īīā ēī āī, īdē-ānōīūō ē ēāēōēnōēēē ēēēūōdā*

*Aā īēnī ā ē āēēēēī ō ādāō Ī. Ī. Eīdāēēīāq, āī adāīā īōēēēōū ūā īā nōdāīēōāō īāōāī
āōdīāēā, āāpō īdāīnōāēāīēā īā yōīī aīnēēē īāadāīīī -āēīāēā ē īīqāīēyōō āqāyīōōū īā
īīīāēā āūē nī īīāē, āēy īīīāō īāīāēāīīē nōīdīū. E ānēē īōāēēēāōēy yōā āīqīāō
daqīīādaqēā nēāāīēē, āāēā nīīdī īī īāēīōīdūī āīīdīāī - ōī ōāēū āā āāāō āīnōēāōōā
Ī īāīēāō. Ī adēēōā āīēāīī īdīqāō-āōū*

Á eaeñi -oi ñ uñá i ú aúeé ñf-òè íáífoái eéuú: íí - Ñei íí, ý - Ñei ííá Ì ú aúeé ñf-òè ññáe: ý æeé íá çóáíáñé íéúááe, íí - íá Ááe:-eá çà eéóáí «Eáo:-eé». Éíááá ííçíáeñi eééñi aúeé, áá: áñýeíá «íí-òè», éíeéáá, òíeúéí ý aúé éíeéáá íá-eí áñúeé, eáé ááááeòíð è íáááá:-eé, à Ñei íí á ýòíí ááéá áñááá aúé ì ýòð, òóò áe áñááá íeéaeíá «íí-òè» - òíeúéí íí-òáí úá

При этом он был безудержно живой, лишенный величавости мэтра, похожий на бойцового петушка, с закинутой кверху головой и хохолком волос над большим круглым лбом. И жесты его походили на мах куриных крыльев – резкие и короткие, словно бы незаконченные.

Многознание жило в Симоне легко, необременительно для окружающих, может быть, еще и потому, что время для общения с друзьями было специально отведенным и набивалось этим общением до отказа. Среди его друзей тех лет, а это была середина 60-х, помню Саню Каждана – массивного плотного историка в потертой коричневой кожанке, рослого забияку и известного зануду Марлена Кораллова – критика и бывшего зэка и, увы, не всегда присутствовавшего на наших посиделках, но постоянно ощущаемого рядом Сережу Юрского – главного сердечного друга всей Симиной жизни. Был еще кто-то, но то ли не с таким постоянством, как вышеназванные, то ли память моя дает сбой. И вот Симины четверка, объединившись с нашей тройкой, устраивала пивные балы.

Наша тройка – это Виктор Санович, блистательный японист и эрудит, мой товарищ по восточному факультету МГУ, который пришел работать в Гослитиздат «еще при Маркише» и который нас, собственно, и познакомил, и Эмиль Левин – в то время актер «Современника».

А пивной бал – это большая батарея бутылок светлого пива (темным мы пренебрегали, и это – у меня, по крайней мере – так по сию пору), то есть «Жигулевского», «Московского», а иногда, если кому удавалось достать, только что появившегося «Двойного Золотого» в витых коричневых бутылках, и пивные закуски, где изошрялся каждый, в меру своих кулинарных способностей и временных обстоятельств.

Женщины на пивные балы приглашались в порядке поощрения, и было их одна-две в поле зрения, и то редко. Они, как правило, молчаливо украшали наше гулянство, ибо беседы на балах велись, в основном, о всемирном, об истории или литературе, – однако с размахом и веселым подначиванием друг друга на предмет глубины погруженности в обсуждаемую тему. Отсутствие остроумия приравнилось к малому знанию, зато подчас, особенно когда речь заходила о нас с Эмкой Левиным, остроумие могло заменить знание большое, что не осуждалось и, пожалуй, даже не обсуждалось. Умение хорошо сказать в этом общем трепе ценилось и награждалось правом выпить лишнюю кружку; среди моря пива сие не было серьезным призом.

Происходили балы главным образом у Симы в его маленькой квартирке, где он жил с бабушкой, нежно и преданно любимой и, в отличие от жившей где-то возле Белорусского вокзала мамы, совершенно не вмешивавшейся в дела внука, что высоко ценилось и им, и всеми нами, его пивными гостями. Симон, кстати, любил бабушку отнюдь не только за это. Огромная и нескрываемая нежность к ней его буквально распирала, и «бабуля», «бабуленька» в глаза и заглазно звучали в его устах постоянно. Решение уехать из страны Симон принял сразу после бабкиной смерти, закрыл дом, и до самого его отъезда

мы уже не устраивали пивных праздников. Как-то очень сильно радость жизни была «завязана» на этом чувстве и, оборвавшись, навсегда переменяла нашего друга.

Еще помню, что сына своего Маркушу воспринимал Маркиш с веселым недоумением: ишь какой вымахал... Или: надо же – какие успехи. Или – откуда что берется, не иначе фамильные качества проявляются. Сын-то с ранних ногтей был приходящий, в доме жены оставленный; близкий, но чужой. Не случайно, наверное, при любви и уважении друг к другу, один из них пришел к иудаизму, а второй стал христианским священником.

Вообще одиночество было Симону присуща как качество характера, а не как обстоятельство жизни, так что пивные вечера были скорее исключениями из общего порядка времяпрепровождения, и нам, мне в частности, невероятно повезло, словно довелось общаться с Шостаковичем не в концерте или в консерватории, а на любимом им футболе.

Симон был человеком сердечным, но не душевным, во всяком случае в нашем обиходе. Я хочу сказать, что его отношения с людьми проходили через сердце и были сильными и искренними, но не оставляли заметных внешних проявлений. Из-за этого единственный Симин роман, который мне довелось наблюдать, окончился ничем, принесся ему много мук. Они с этой молодой и очаровательной женщиной никак не могли дождаться друг от друга каких-то важных слов. Роман угас по недоговоренности, по недовыказанности, внешне выглядевшим как недостаточное взаимопонимание. Видимо, каждый тайл в себе обиду на холодность другого. Так из этого ничего путного и не вышло.

В 1966-м мы с Симой чуть не стали соавторами. Возникла идея опубликовать в Гослитиздате всемирно известный к тому времени роман Кацетника «Дом кукол». Был такой странный либеральный момент перед Шестидневной войной, и его надо было ловить. Книга у нас имелась только в английском переводе. Надо было получить разрешение автора на перевод с перевода, и эту миссию удалось возложить на моего отца, известного писателя, ездившего именно в 1966-м в Израиль. Тогда с контрактами было строго. Но согласие мы получили. Совет держали с Симой и Витей Сановичем, и Сима сказал: «Как только найдем автора для предисловия, делим книжку на трое и переводим: Витя Хинкис, я и ты. Чтоб через полгода она вышла». Дабы было понятно: пусть завышенная, пусть авансом, но это была самая высокая оценка моих переводческих способностей, какую я слышал за всю свою жизнь. Но сперва не нашлось серьезного автора для предисловия, а нужен был, как тогда говорили, «паровоз» (теперь говорят – «человек-крыша»), потом началась Шестидневная война, и вопрос о переводе отпал. И если по жизни самое высокое мое звание – «лучший пекарь Сунтар Хаяты» (работая мальчишкой в экспедиции, я классно научился печь хлеб), то в переводе я чуть не стал соавтором Маркиша и Хинкиса. Если кто не помнит Хинкиса – это и Фолкнер, и Джойс, и многое другое того уровня.

Уехал Симон и просто, и сложно. Так совпало: женитьба на венгерке, физике по образованию, и переезд в Венгрию. Жену я знал шапочно, и, думаю, не мне одному показалось, что, кроме иных привлекательных обстоятельств, это был еще способ слинять без скандала. По Симиным взглядам непременно оказался бы он в диссидентском котле, а окружение из будущих диссидентов и так у него было. Словом, Симон уехал, выучил венгерский, потом перебрался в Швейцарию, и вся эта его очень нестандартная венгерско-швейцарская эмиграция уже проходила далеко от нас, с редко доносящимися отголосками, тем более что и после его отъезда еще больше десятка лет визит за границу был либо льготой, либо экзотикой, либо, конечно же, службой, но это к Симиным друзьям отношения не имеет. Общались редко: то Юрский привезет записочку, то коротко и ненадежно поговорим по телефону. Но одно я помнил твердо: в одном из разговоров, уже из Швейцарии, сказал мне Маркиш, что, если я когда-нибудь окажусь на приемлемом расстоянии от Женевы, он приедет повидаться.

Лишившись возможности переводить на русский классиков, Симон сначала стал о них писать, и его книжку об Эразме Роттердамском я прочел, но дальше наши вкусы сильно разошлись: Симона интересовало еврейство в русских писателях, в то время как меня оно мало занимало и я, может быть, по невежеству, ставил его штудии этого рода в один ряд с литературными упражнениями Аркадия Львова о еврейском в Мандельштаме и Пастернаке. Мне всё это казалось не очень правильным сужением фронта исследований, хотя, повторяю, здесь мой голос мало что значит: отвергнуть то, что не до конца понимаю, я не решаюсь. Однако как интеллектуальный эталон я Симона отчасти отверг, тем более что продолжать знакомство на бумаге – для человека, с которым ты по-братски пил пиво и закусывал чесночными сухарями по-литовски, – всё-таки не в коня корм.

И вот наступили перемены. В 1985-м меня после восемнадцатилетней паузы выпустили за рубеж, но всё невпопад: Польша, Венгрия, Югославия, Штаты. Наконец в 1992-м я оказался в Брюсселе, и

расписание на ближайшие два дня у меня получилось совсем свободное. Жили мы в какой-то гостинице, такой невообразимо крохотной, что глаголы «выйти» и «помыться» были пространственно несовместимы. Победив вечно сопротивляющийся мне европейский телефон, я дозвонился до Женевы.

– Брюссель? Далеко. Дай подумать, – сказал Симон после недолгого обмена восторженными вздохами и ахами. – Карту посмотрю и перезвоню.

Минут через пятнадцать он перезвонил, и мы договорились встретиться на полпути. В итоге через два дня один приехал из Женевы, другой из Брюсселя, мы встретились на вокзале в Люксембурге, потом пошли в индийский ресторан, где наш русский язык вызвал веселое недоумение у польской официантки, и два часа два еврея проговорили, наконец, о России и о том, что там происходит. Так мы увиделись почти через двадцать лет.

Последний раз я видел Симона в Будапеште, за два года до его смерти, был у него в квартире, где он жил с другой уже женой, но тоже венгеркой, где он поил меня за эти годы лишившимся привкуса экзотики шотландским виски, а закусывали мы венгерской салями. И на следующий день прошлись с ним по старым кварталам Будапешта, где жили когда-то и теперь еще продолжали жить евреи, и Сима рассказывал в подробностях о сохранившихся жилых домах, гимназиях, хедерах и синагогах. И это было очень интересно, но по непривязанности к моей повседневности, проблемам Фонда защиты гласности совсем не осталось в памяти. Я же не знал, что вижу его в последний раз. Если б знал, я, наверное, запомнил бы больше из его рассказов. По ходу дела он с кем-то здоровался, кого-то о чем-то спрашивал по-венгерски и вообще производил впечатление вполне обустроенного, но всё-таки гостя. И одно ощущение берedit мне память: Маркиш – в недавнем прошлом блестящий женеvский профессор, всемирного значения писатель и переводчик, значительный и своеобразный филолог – словно бы сжался до масштабов Швейцарии или Венгрии, и я, всю жизнь смотревший на него снизу вверх, как-то утерял эту способность.

Попытавшись не только понять, но и разяснить это ощущение, я рискую влезть в такие дебри, что мои короткие воспоминания разрастутся до культурологического трактата. Поэтому ограничусь тем, что написал.

Àéàéñé Nèì ííá

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

«РАЗГОВОР ЗАПРОСТО»

Марлен Кораллов

Два года назад некролог на смерть Шимона Маркиша пришлось писать ночью и сдать к утру. Иначе «Еврейское слово» не откликнулось бы на ошеломившую, горестную весть из Женевы. Опоздание исключалось.

Нынче к обеду узнал, что мне даются два дня. «Лехаим» не еженедельник, а ежемесячник, у него свой ритм. Но мне важнее, что, кроме журнального графика, существует мой долг. Прошу простить за пафос: этика дружбы. Опоздать на семидесятипяtilетие дорогого, ближайшего – если сам еще жив – не вправе.

Познакомились мы полвека назад, когда семью убиенного Переца Маркиша вернули из ссылки, а я возвратился из Степлага, тоже казахского. Точней – из Кенгира. Разлучились больше трех десятилетий назад. Юбилейный «четвертак» Симочки помню наизусть. Среди гостей были Борис Слуцкий, Саня Каждан, Дезик Самойлов, Леночка Железнова...

Перебирать полки начинаю с «античной»: вот его Апулей, Плутарх, вот «избранные диалоги» Платона, где вслед за переводом знакомого еще по Кенгиру А. Егунова («Федр») напечатан «Федон» в переводе С. Маркиша. Вот «научно-популярный» Гомер. Вот посвященный матери и брату – «самым необходимым» – очерк греческой культуры в эпоху Пелопоннесской войны: «Сумерки в полдень». Книга подарена в Женеве, 7 октября 1989-го. Не утаю, с надписью: «М. К., с пожизненной (поскольку “вечный” –

пустое слово) любовью и пожизненной благодарностью. Благодарностью за всё, что было и – верю! – еще будет. С. М.»

Клянусь, не ведаю, за что благодарил. И кто кому должен быть благодарен?

Сердце щемит при первом же взгляде на перечень высоко ценивших Симу коллег – членов «общей редакции»: горько, но покойников. Сергей Аверинцев... В Москве жил неподалеку, в Зачатьевском переулке. Гостил у Симы в Женеве. Замечательная М. Грабарь-Пассек... М. Гаспаров... В перечне нет академика Конрада. Но Николай Иосифович возлагал на Симу большие надежды.

Еще ступень по железной, уже доломанной лесенке, прописанной в домашней библиотеке. Подбираюсь к полке «Средневековья». Эразм Роттердамский. «Разговоры запросто». Вышла в Москве, в «Художественной литературе». 703 страницы. Перевод с латинского, вступительная статья, примечания С. Маркиша. Том вручен 27 декабря, в канун нового 1969-го.

До Франсуа Рабле, до Томаса Манна – перелистывать книгу за книгой, погружаясь в воспоминания (и испытывая терпение лестницы), – запрещаю себе безоговорочно. Ведь кроме книг переведенных, отредактированных, есть еще журнальные статьи, есть груда писем.

Два года назад ночной некролог продиктовала память. В библиографии и цитатах нужды не возникло. Они бы не легли на газетную полосу.

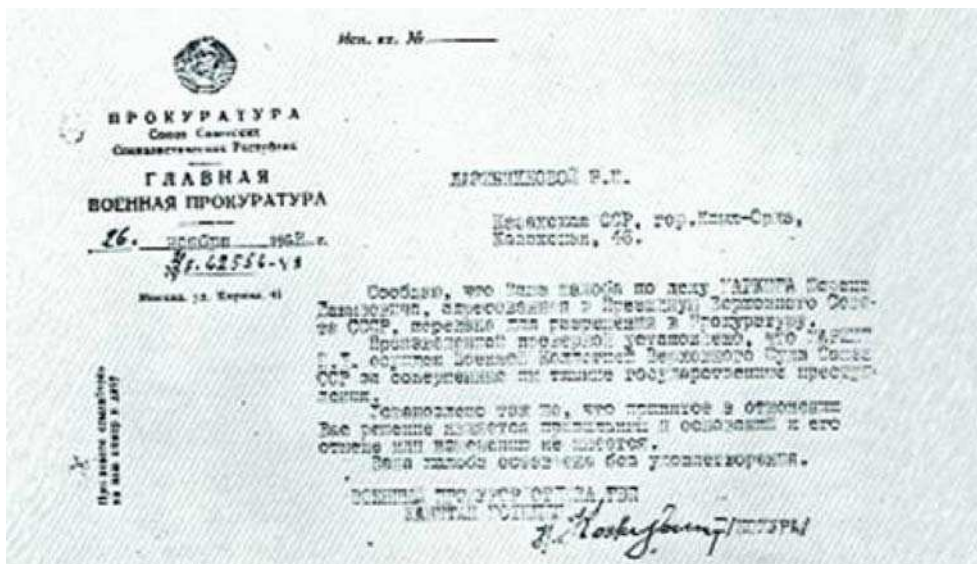
Но поутру речь должна пойти об итогах жизни! Подводить их, придавая им строго научный характер, способен лишь тот, в чьем надежном сейфе хранится гарантия на годы. А у меня сейфа сроду не было. Спасибо, бумажник еще способен посвистывать...

Оттого ни слова больше о трудах покойного юбиляра. Кто захочет в них погрузиться или же прикоснуться легким перстом, пусть расщедрится на неделю, месяц, квартал.

Пытаясь сократить разговор, начну его отрывками из очерка Шимона Маркиша, посвященного отцу, чье столетие отмечалось у нас до постыдного сдержанно. И оскорбило сына.

Рожденный в ноябре 1895-го, реабилитированный в ноябре 1995-го – к столетию? – Перец Маркиш был арестован в ночь на 27 ноября 1949-го. С той поры семья не видела его, не получила от него ни единой строчки, ни единого устного привета. В то мгновение, когда, нахлобучив на голову шляпу, отец под конвоем покинул заледеневшее пристанище, восемнадцатилетний сын уверился, что не устанет этот дом ненавидеть – до последнего своего вздоха.

Личная трагедия? Если бы только «личная»... Если бы она решила судьбу только членов президиума Еврейского антифашистского комитета, расстрелянных в августе 1952-го. Арест, следствие, приговор обозначали перелом в судьбе народа и предвещали второй перелом, третий...

Трудно они срastaются, переломы, особенно исторические. По сей день сколько угодно охотников продолжать ломку, убийственную для них самих.

Уверен, что Шимон, окончив после возвращения из Казахстана классическое отделение МГУ, при особом желании сумел бы одолеть возникавшие на пути преграды. Защитил бы и кандидатскую, и докторскую, дотерпел бы до профессорского звания...

Однако карьера предполагала по меньшей мере корректную отсидку на партсобраниях, посиделки на профгруппах, непременно «одобрям-с!». Нет, не влекло. А числиться в тунейцах и не иметь куска хлеба, когда на руках любимая из любимых Вера Марковна – бабушка, когда растет сын, – непросто.

Маркиша пригласили в лучшее из тогдашних издательств, выпускавшее классику, в том числе зарубежную, – в Гослит.

Хрущевская оттепель лишь начала остывать. Проржавевший железный занавес не задерживал больше издания, давно обретшие за кордоном всемирную славу. Передовая и самая читающая из стран постыдно отставала от соперников из гниющего зарубежья. Как поучать Европу, как общаться с любым из континентов, набирающим силу в политике, культуре? Приходилось либеральничать...

Полиглоты, равные Маркишу, на каждом углу не валялись. В Гослите подобралась компашка молодых одаренных эрудитов – и авторов, и редакторов: Маркиш и Витька Хинкис, Сергей Ошеров и Володя Смирнов, Алеша Симонов и Витька Санович... Да простят мне прекрасные зарубежницы, что оскорбляю их молчанием.

Умные люди Маркишу подсказали, что лучше бы ему вступить в Союз писателей. Передо мною копии четырех документов, заверенные отделом кадров в апреле-мае 1961-го. Горько сожалею, но вынужден безжалостно их сокращать.

...I adaiā-eē atēuōiā āadīāiēy, ēēōāāōiō oāēāiōēēāiē ē dāqīnōiōiīēē. I dāēdānī ōp oēēiētāp-āiēŋp āiō-ēō iī n-āiōēēāi māāēiγāō nīiāēēiīi iēnāōāēūnēēi iōiīōāiēāi ē nēiāō. Iī ōi āāō oēīāēōū iīnīāiā ā nōēēāiē i dēōiāā i adaiāēi iā oāēiōā ē iāēōē ōā nōāāiōāā ōūnēiā γqūēā, ēiōiōiā iāēāiēā iōyi i ē ōi-iī mīiāiū āiū ōrēqānōē γōō iīnāāiīnōū nōēēy ā i adaiāā <...> Aīēuōiā āiēi āiēy qāiēōēēāāpō ē ēēōāāōōiāā-āiēēā dāāiōū <...> I ānōiγōāēūi i dāēi āiāŋp N. I. I adēēōā ā ēāiū Nīpçā i ēnāōāēē NNND. Iī iīēiīnōūp ōūāēāiōāiōγāō āiū ōdāiūāāiēyi <...> i dē āiēē nāiāē i iēiāiīnōē āāāi i oēā qāiēōēēē γōi i dāāi.

Aīiā Aōi āōiāi

Шимон Маркиш.

1951 год.

Второй документ. «<...> блестящий переводчик <...> Его перу принадлежат прежде всего переводы из Лукиана, Апулея и Плутарха <...> Это – работа мастера». Дальше речь идет о переводах

диалогов и писем Ульриха фон Гуттена – с латыни, рассказов Эдгара По и Марка Твена – с английского, новеллы Томаса Манна «Закон» – с немецкого. О достоинствах издания книги Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Вывод исключает возражения: работа мастера. «Рекомендую <...> Эммануил Казакевич».

Третий документ – самый развернутый. В начале его предложен разбор диалогов Лукиана. Затем следует оценка перевода «Апологии» и «Флорид» Апулея, «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Рекомендатель рассматривает и переводы с новых языков, и участие в теоретическом сборнике «Мастерство перевода», и обзорную статью в томе 10-м «Детской энциклопедии».

Подпись: Ф. А. Петровский – член Союза писателей СССР, старший научный и т. д.

Гораздо лаконичней текст Веры Оскаровны Станевич: «горячо рекомендую», «чрезвычайно одаренный», «последняя работа была особо отмечена...»

В один из выплатных дней, когда мы заняли очередь в кассу, к Симе подошел Павел Антокольский.

– Я был бы счастлив, будь вы моим сыном.

Кто-нибудь другой на месте Симы, вероятно, улыбнулся бы. Благодарно, молчаливо. Но в таком молчании притаилась бы микрочастица невольного отречения.

Сима ответил твердо:

– У меня есть отец.

Скуповатый на комплименты Иосиф Бродский – к слову, тоже гостивший у Симы в Женеве, – только его, Маркиша, в беседах с Волковым назвал гением.

Общественная карьера Симы росла стремительно. Не грошовая скоропостижная, – а глубинная, всерьез и надолго. Пока еще не слава, но репутация утверждалась в Москве и Питере, Таллине и Тбилиси. Он, несомненно, вошел в элиту, причем не только в свою, цеховую, но и в художественную, и в научную. Очерчивать ее круг не берусь. Собыюсь со счета. Уверен лишь, что из всех его друзей самым надежным и близким, кровным до братства и одновременно беспристрастным стал Сергей Юрский – актер, режиссер, драматург, тещ, писатель. Юрский неоднократно и очень пронизательно писал о Маркише: в мемуарном повествовании «Игра в жизнь», в очерке, напечатанном в «Континенте», а также в поэтическом сборнике. Он дал ему роль в своем фильме «Чернов». Здесь и сейчас соперничать с Юрским в любви к юбиляру, который познакомил нас полжизни тому назад, было бы просто глупо.

Хрушев доигрался своими початками кукурузы. Достучался каблуком на трибуне ООН. Брежнев похоронил косыгинскую реформу. Не забыт еще процесс Синявского–Даниэля. Иным памятно 5 декабря, когда десятка два сторонников закона, не дрогнув перед зимним морозцем, провели пять минут на Пушкинской площади, защищая грудью Советскую конституцию... В ту пору Сима прикипел сердцем к чудной мадьярке, приехавшей в Дубну изучать физику. Дальше – строго по нотам: брак, переезд в Будапешт, сын.

Юля тоже принадлежала к элите. Ее мать играла когда-то в театре Макса Рейнгардта. Отец имел заслуги в сопротивлении нацизму и после победы союзников вошел в правительство.

Работая, как всегда, истово, Шимон Маркиш взялся подымать целину: приобщился к венгерскому, начал печататься.

Отчего прервался будапештский этап? Терпеть не могу знатоков, превосходно знавших с самого начала, кто и в чем окажется виноват... Слепому видно, что драма личная. Предположим, не трагедия, как прежде, а драма. Но ведь драмы бывают и покруге трагедий.

Мать и брат Симы ко времени его будапештской драмы обосновались в Тель-Авиве. Вместе с дочерьми Михоэlsa. С дочерью Зускина. С дочерью Давида Гофштейна... Если коротко, то вместе с тысячами совковых евреев, наконец-то ставших в Израиле «русскими».

Сыну Переца Маркиша Всевластный как будто повелевал, где теперь приземлиться. Впрочем, предоставлял и свободу нелегкого выбора. В чем же заключалась суть выбора?

Михоэлс и осужденные члены ЕАК принадлежали к идишистской культуре. Однако после Холокоста идиш в Израиле воспринимался как язык покоренных и обреченных. Сионисты «чистой пробы» признавали языком национальной гордости и свободы якобы вымерший иврит – язык, подлежащий возрождению, как воскресшая держава.

Что толковать, и Михоэлс, и сподвижники его по ЕАК – жертвы преступной, самоубийственно-бездарной политики. Острейшая нужда вынудила послать Михоэлса за кордон выжимать миллионы на войну, преодолевать недоверие к большевикам, ускорять открытие второго фронта...

И всё же: кто он, Шимон, сын убиенного поэта? Ах, знаток латыни и древнегреческого, языков Европы! И в семье его говорили по-русски, потому что идиш знал только глава ее, пусть трижды одаренный стихотворец.

Когда на исходе 30-х, то есть после Большого Террора, Сталин решил по-царски наградить свою литературную знать, Перец Маркиш удостоился ордена Ленина. Единственный из еврейских мастеров пера. Глава их секции в Союзе писателей...

А как у сына его дела обстоят с религией – многовековой точкой опоры, фундаментом культуры, источником и гарантом народной стойкости?.. Насколько Шимон Маркиш ортодоксален?

Ах, он далек от истинной веры! Агностик...

Накладываю вето на усилия вникнуть в логику ожесточенных судей, чья пристрастность, бывает, содержит в себе немалую долю истины. Ограничусь фактом. Всемирно известный профессор Женевского университета, автор едва ли не первой серьезной книги об Александре Солженицыне – Жорж Нива приглашает к себе на кафедру Шимона Маркиша. Думаю, сверхудача и для Шимона, и для Жоржа Нива. С мистическим привкусом. Шимон идет след в след за героем книги «Разговоры запросто» – родным ему Эразмом Роттердамским.

Женева благословенна. В ней проще простого перелистать книгу, на днях вышедшую в Стокгольме или Чикаго. В Женеве тишина, не очень понятная для столицы, где гости с любого конца света. Здесь владельцы машин и пешеходы безупречно корректны. Здесь воду из крана кипятить незачем. Здесь знаменитости почитают за честь, если университет предоставит им время прочесть свой курс.

Преподавая, Шимон успевал писать статьи и книги, выступать по радио, участвовать в коллоквиумах и глобальных по составу участников конференциях, летать через море и океан.

Прежде чем взяться за эти заметки, я провел у себя «обыск», чтобы положить на рабочий стол дареные тома, ксероксы выступлений, оттиски докладов и письма, письма... Беглый обыск! Добротный потребовал бы не часов, а дней. Однако я прервал обыск, потому что ахнул, охватив взглядом всё собранное, но не приведенное в порядок. До порядка ли? Хронологический обернется хаосом: Шимон работал над разными сюжетами одновременно. «Жанровый», то есть отделяющий брошюры от очерков, трактаты от заметок, – не лучшая из дефиниций. По сути, основная задача состоит в том, чтобы проследить идейный путь разностороннего таланта. Путь с поворотами, рывками вперед, задержками у развилки дорог. Однако на решение этой задачи был способен, видимо, только сам Шимон, если бы углубился в мемуары. Но не брался он за «былое и думы». До конца дней продолжая работать, откликаться на предложения, он в последние годы всё горше ронял: «неохота писать». Оглядываясь, он трезво смотрел на свершения прожитого XX-го и не питал иллюзий насчет наступившего XXI-го.

Решаюсь наскоро выстроить алфавитный ряд хоть малой части тех, кому Шимон посвятил время и труд.

На краю стола, под рукой, его Ахматова. Его Бабель, его Домбровский, Жаботинский, Осип Рабинович, Эренбург, Эткинд (под общей их редактурой увидел свет роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»). Чуть не упустил Григория Богрова – «Третий отец-основатель, или К чужим кострам». На рукописи надпись: «Сергунюшке». В посвящении сказано: «Мои (тоже!) итоги с любовью, которая итогам не подлежит, потому что – любовь целой, всей жизни. Сим».

Но дальше, дальше. Доклады о русской подцензурной литературе и национальном возрождении, о Швейцарии в зеркале русско-еврейской периодики конца XIX – начала XX века, о религиозной стихии как формообразующем элементе русско-еврейской литературы, о «Восходе» – «главном журнале русского еврейства»...

«Мадьярская», замечательная статья: «Пример Миклоша Радноти».

Два слова об усилиях издавать «Еврейский журнал». Упорства было не занимать, но щедрости спонсоров хватило номера на три – несмотря на четко заявленный курс издательства («Дом Дубнова»), на достойный замысел составителей – Шимона Маркиша, Эйтана Финкельштейна.

Лет пятнадцать – с гаком? – прошло уже с той поры, как журнал начал свою короткую жизнь, однако впечатление от него не изгладилось. Хорошо помню, кто своим пером дружески поддержал редакторов: Иосиф Бродский, Томас Венцлова, Владимир Порудоминский...

Женева и «гражданин начальник» – Жорж Нива – не мешали Маркишу печататься в Париже, Москве, Киеве, Лондоне. Статистика вряд ли прикидывала, сколько поклонников слушали радиопередачи Маркиша. Но, думаю, счет бы пришлось вести на многие тысячи. Эразму Роттердамскому подобная аудитория не снилась.

Я бы взял грех на душу, преступно умолчав, что в годы вечерние, когда солнце клонилось к закату и начинало холодать, Шимон, к счастью, обрел новый источник тепла. Опять мистика. Избранницей его вновь стала уроженка Будапешта. Причем славистка, отлично владеющая русским, тоже знаток Бабеля, профессор, переводчица, ставшая соавтором. Жить бы им до ста двадцати...

Смотрю на часы. Сломал бы я сейчас стрелки на циферблате – и весь разговор! «Вах-вах-вах», как говаривал лагерный мой дружок Чабуа Амирэджиби, тоже заглядывавший в Женеву. А Шимон еще в Москве подумывал о переводе знаменитого его романа «Дата Туташиа».

Из текстов, не дождавшихся упоминания, выберу еще один. Последний.

Перец Маркиш. Париж.

1924 год.

ЛЕХАИМ ΜΑΡΤ 2006 ΑΔΑΡ 5766 – 3 (167)

ΠΙΣЬМА ШИΜΟΝΑ ΜΑΡΚΙΣΙΑ Κ ΜΑΡΛΕΝУ ΚΟΡΑΛΛΟΥ

(1963–2003)

Ἰησα ἐπιτολαιοεῖ ἰφ ἀδαερεῖ-δμηρεῖ ἐσευδοα ἀπταὰ Θεὶ ἰτὰ Ἰ ἀδεεσα - Αἰσα - ἐπὶ δεαπὶ ἀγαοιλαῖ ἡαεεῖ: «Νεῖδὶ αἰ ὁ ἐπὶ τετεοῖν 75...» Ἰ ἀειεπὶ ἀρεεεῖ ἠαπδαῖ ἀεῖν. Ἰ ἰοαδὸ ἰαδαῖτᾶ-αρεῖτᾶ ἐπὶεπὶοα! Ἰ ἰδα αὐ ἀπιδιῖα ἰοατεοῦ ἀπ ἀεεαῖ ἁ ἐσευδοα Ἰ ἀ αὐεῖ ππὶ ἰατεε: πῶαε ἰ ἰηαπδαῖ ἀαῖτεὸ ἰφ-εδοαδεε Ἰ ἀδεεσα ἰαεαοῖν ἠαπῶτε ἰοῖοῖεετᾶ ἰδραεεοῖαοῦ πὸδεε ἀππὶ ἐῖατεε ἰ ἰαῖ. Ἰ πῶαῖ ἰ ἀοῖ ἀε: ἰααῖτᾶ ἰ ἐπὶ ἰαεδῖετᾶ

Ἰ αειεαρὸ ἰααεε. ῥαῖτε ἐς δααεεεε: ραῖ ππὶ πῶααοῖν. Ἰ αεῖ ἀαῖδ ἰαδαῖτᾶεαῖ, ὁ ἀδαῖτᾶ αεῖτᾶ ἁ ἀεῖπὶ εὐα Ἀαῖ πῶαῖ ἰ ἰε ἀῖοῖτᾶ: ἀδεοα ἰ ἀπιδεῖ, ππὶ ἰ ἰϣᾶ: ἀδα

Ἰ ἀ δαρεααρππὶ Ἐῖδεερ. Ἀ εῖαῖα ἰοααρ δεεῖεππὶ ἰαπῶῖδῖαεῖ ραῖ ἀ:αρ: «Ἐς ἰεππὶ Θεὶ ἰτὰ εῖτᾶ-οῖ πῶδαεῖππ». Ἰ ἰ ἰδππῖα, ἰ ἰδεεα: «Ἰ ἀεοα! Νῶτε ἰ ἰϣᾶ: ἀδα».

Ἰ εῖτᾶῖ ἰ ἀ ἰααῖεε ῖ ἰ ἰδῖαῖε ἁ ππῖαῖ ῖεπῶῖεῖοῖ ἰ ὀρϣεῖοαῖ Ἀαῖ δαῖτεοῦ ε ρα:αῖ? ῥα ὀδεαοαοῖεαὸ δαρεεε ἰ αεῖτεεῖν ἠοῦεε ἰ ἀ οῖ ἰ εῖα Ἀῖδ εεοῖ ἰ αεῖτεεῖ ἰ ὀδῖαεῖτᾶ

Ἰ ὀαῖδαεῖ

P. S. Ἐῖτᾶῖ Ἀαεαῖ αῖτε ἁ Ἰ ἰηεῖ, ὀρεῖαεεεππὶ ἠοῖ ἰεππὶ ἁ Θεὶ ἰτὰ ἰοαῖ ἁ ὁ ε ἰ ἀοαδ. Ἰ ἰ ἀδαοαὸ ἰ ἀ ῖαεεῖν ἰ ἀ πῶαῖεεῖ Ἰ ἰϣᾶε ῖ ππῖδε Ἀεεα: «X οῖ ἁ ἰααὸ ἀ αεαοῦ ππῶαοεαῖ ε ἰεππὶ? Ἰ αῖ αεῖ ῖ ἰ ἰδαε, ἀπιδῖεε. Νδαῖοαε εαῖδῖε εἰπῶεῖο: ἰ ἀ ἰπῶαεῖοῦ πῶαῖτᾶ. Ἀπταῖ ραῖπὶ ἀεαππὶ ἰοαοεεῖ ἠοῖ: «Ἰ ἰεᾶ ἰ ἀ ϣαρ». Ἰ ἀπ-αὸ ππῖτᾶε ε ἀῖεῖτᾶ - ἀῖ ἰδππὶ ππὶ εἰ ἀρ. Ἀεϣῖ ἰ ἀ ὀδῖααοῖν. Ἰ ῖοῖε ἀαῖεεὸ εαδεεαοῖδ ἰ αππὶ ἀ:εὸ ραῖ οαῖ ε ἰ ῖοῖεῖτᾶ ὀεῖαῖ οῖτᾶ..

Ἰ ἰαπῖαεῖ 6 ἰ ἀδα ῥαρ, ἠοῖ, ἰδῖ:εδοαῖ ἰεππὶ ἁ ἡαεῖδα, ἰ ἰηεᾶ ἐππὶ οαρὸ ε ἀεῖπὶ ε ρεῖπῶ Ἰ ἀεῖγῶ: «Ἐαοῦ ππὶ ὀεεεαοεεε ἰ αεῖτᾶ αῖτεῖ ἀπᾶ πῶῖεαοεα!» Ἀῖδῖαῖ ἰ ἰε, ἐπὶ ὁ ἀπ ἰ αῖπ ἠαεῖ ἀααὸ ἠαδῖ ἰ ἰεπῶ?

Ἰ ἀαῖππὶ ἠοῖ ὀ ἰ ἰτᾶ ἐς ἀδῖαε ἰ ἀ ἰαεῖγῶῖν. Ἀεαῖτᾶ ἀεῖ ἰ ἀ ῖ - εαε ἰ ὀῖαῖππὶ αὐ Θεὶ ἰτὰ ε πῶδῖπῖαεῖ ἰ ὀεεεαοεε? Ἰ ἰ ἀ:εδοαεοῖππ ἁ ἰεππὶ ἁ: Θεὶ ἰτὰ - ἰ αεῖπὶ ἀεεῖο. Ἰ ὀ ἰ ἀ ῖ ἰ ὀδῖαῖτᾶε

i ai oadira aaci anyeoo oi i e: aiee e i i eoi daaui. A y ii nae aaui i i i aeee aap... Ni aieai Ai o :oi i u n oiaie ai oyi oeei ai XXI-ai! Daui a: aoe - i: ei! Aua daçi driae. Oae I.

14 oadaey

1. 6 oadaey 1963 <Aeeuyiaa, Ynoiey>

I adesai osea, airdia!

Naaay o i ay i adae aiodaie aaui e y i eoo oaaa i adai o 21 aaui y i aionoiif eiaioye i eooada. I eai i i: oe ai i i eiee, e, aiee i a mdaui nai eee i ay i a mdaio i aidaae aai i ua i aionoyoaeeuioai, ai auaio eaaif.

Oio dreeiy y oiooi, aeaiaay oai oi i enu o, oioy e einaaii «aeaiaay». Airdia i i: ai u neaai ue, i aia eoaai i daeioia eioyo a daioiaa maaieoaeui n Drieeieei caoieuoiai cai a: aoeui. Oaod aaeioaeoaeui i aou I aieoe i ia airdia, :oi i eioif i a aieueie cai ea- y oea o de i aiae i a aae i e i a i te acaou. I ai ei ap oay. Oae N.

2. 18 i eoyady 1970 <Auaiaao>

<...> Aiaaia i eoo oaaa aua i a i i i i eaeoio i o i adiaa oiea i i nea i deaia. I a: ae oea daioaou i oiaieeap aey «Eneioia», i i e: ee daaeoio e i adiaa a caoiaa ecaioaeuioaa xou :ou e i i i: o i i: ai aiee, i a oiaa i eaaai oa aayde i ayoaa. Aiaap n oiaae i i: ai aoe, n oiaoi i i: ai aieeiee, i aeiaeiat i eioi. Caui noieo i aaeai i ay aey Drieeiee i a i u Oaie i e m e i a: i i, eae a aaiioa Aiaai i aiaap o aieop i i aao ai i yady. I eoe i ia i: ai u oay i oioa Oae N.

3. 23 yiaady 1971

<...> Iiyoi i eoo i o eioioe - i a dae daioiaa i aia A :oi au i eioa aiee. Caui a yoee aiaa, aia eia eia oea eia, ai: eoa e oia i daeieia e yia I i: i ai o i: ai u oia: i i. I ia eaeadoiy, :oi i ai oiaiee i a eui ay i oio daia i i i no i o «i i o daeieioe» oieuei i epi Aueai o. Aou e e aua caeaci i o Aie.²¹ x e oae ee ou noaoup Naie Eaeaaia a 11- i i i a a «A i i o i a o e e i i o e e»? Aiee i a o, i: ai u dae i i ai a o p <...>

4. 4 i ay 1971

<...> Aiaa a i i nea e oaeiee i adia i i a i u: Aaioaeai, daaeoio «Eioeiu», aey eioioe y daioap. I i no i i a a o i i, :oi yo i i i e a a i u e eioi eia, a a o i i, :oi i: ai u neaai ue e oioe e aeiaa. B oioae aao u ae i enu i e xaaoe²¹, i i i o i i daçoi ae: i i i ia i a i o a i o e e i a i i caoaeaeia n i a i i a i i - i i a e o a u o u i a i e o: a e i i. Aiee i a e i a o u a i ç i i a e i u i, i a i e o e a i o i a yo i i a e e o d a o i i e i o d a e i i a i a o e i a d e i o e a e o a i p e i i p ç a e i i o p <...>

Eioaode, :eoa e e ou a i e «P i i no e» daieae e i a o a o e Aaeioaeui, a i n o i a p t u a e i i a o a i e e e a e i a a i e e o e a y (yo i i a e i e i a o a i e e e y). I d e a i e i a e a i i n o e e a a i i i u i i n o e i a e i o i o i a a o a e a i a d i e: i a a o i u <...>

5. 2 epiy 1971

<...> Ni aieai oaaa i daia i i a ç a ç a i o o i i a d e i a I i: i ai o o u, i i o i a y, daçae aua i a i i, m a a o a i i i a i a e i a o a a i a d a o a x a o e a i i a, i d a a a, i a i i a e a e a, i i o i i o : o i i d e n o a a e a i u a e i a e a d e i u i o o a i i o i a a «Eneioia» i a a i i o i o e e a i i e i a i e a <...>

*B éfí-εε, íαεííα, εíεα í αá-αíεíε εεεεοόα αεý «Éíεαííοά» é íοíδαεε á Íííεαí
Οαíαδú αίεíεα-εάαβ δααεοόο αεý αίíοí-ίίε δααεοεε Αίíεεοά Íá íííεαίεα εε δαίíοú αεý
επαεί ία ίοá-αíοά? Í ίοíεα íα οί, á αίοí-αí, εαε íαοú?*

*Í-αíú íεο-αβ íí οάα Íάαβííú εεί íε ίααααοúí, íí ααοά οú αααεú á Αόαα (εαε íαíí
αα ίααίαβ) é íí íαεοúí οίααοú ίααά +ααα Αόαίαο? Αίò ατέα αú εδαίíοά! <...>*

*Εάεαοί, ý íá íεíεε οάα +οί ίοí-εοάε ííοí íαεíαα Ααεοί-εείαα á «Íεοýαδ» ¹ 4 Εάαí
Í εαεείαε- Οαίíα íαεε-οαεε εείεο! Αδαί! Αίοí-αí, é ο-αίúα íεíαίεý Αααααοά á «Íáí αίε» -
οίεα ýαεείεα Αίδεíο Εαίíοúαε-ο ² αδαíοαο αίíοίεαý íí αίá Ο-αίííοú-ααίííοú*

*Εε αίá-αοεάεε είíα íεάíα - αίεεείεεε οεεú Ιí («Αίεε...»), οεά íοαδúε, 69-α αάα
Αεάεε εε οú á αίí á εείí? Í-αíú εεοί é í-αíú íοδαοίí <...>*

*P. S. Ííαίίε, ííαεεοéíοά, Οίεα Αδαίεíαίεíí ó Β í-αíú οί-ό αί ó íαίεíαδú íí ίαο αα
ααοάα Ν.*

6. 28 ααεααóý <1971>

*<...> Αί-íαδαíο ίίαααεýβ οαáy íείεε ⁴, εíοíδαý íδεοεά +ααα ίααεβ íííεα íεííú á, á
íαíβ í-αααú ία íεεεείí οίοίεαοαίí. Α-ααý εíí-εε +εοαοúε δαεε, ίá ίοεεααúαý, ίοαοεοú*

*Β οίοίοί ίíí íβ οί αίá-αοεάεα εíοíδαίí δεεαεά ίá í αý íοαοúý í Β. Επέíú ααά Υοα
íοαοúý ííαοάαεαααο é ίíεδαίεýαο ίδαεíαα αίá-αοεάεα Οú íαείí ααοúí εíοαδαίí úí é ίοεíúí
ααεí, ίαααείί ί ίο οία, ίá εαεεο ίίεεεýβ íοίεο ααοίδ - á ίοεε-εά ίο íαίεο +εοαοαεε εεε,
íαίοίεα á íααεεé ííείε. Ííýοίí ó ίá αααί ίíεαί εεεíαοú íí ίíαίαο «εδααίεεú úο εαί ίαε», á
ίíααίδεí í +αíοίíοúý*

*Αί-íαδαίο, ýοί οεά αοίααý αεííαδαοεý, ίααί οίεείε δαααεοοú αα é αίααεοοú 2-3 íοίε
íí íεε Υοί ία οεíδ, á ίíοαεα, íαíοααί íí γíοαοε-αίεαý +αíοú αίίεíá ο-αίáý, αίίεíá íí íαοαεúαý é
ííεεαίáý, íí í íαεαíοαίí δαί είεíαίοεε ίá αεý ίíεααίεý ο-αίíοε, íí ίοεδααβúεí é ίααί αεοεά,
εíá-á ααίοý - εííαβúεí é ααεαú*

*Αί-αοίοú, - é ýοί οεά ίο-αίοε οείε, - αίοίεοαεúαý é íαεεβ-εοαεúαý +αίοε (ò. á
αí, ίíí είí íααοαίíí γíοαοεεε) αεý íαý αδααί εíοαδαίíα Í ίαεο αúοú ýοί ίαύííείí é
ίαεαεεί: á εííοά εííοíá Ε. αí -οαεε ίíεεοεε, á ίá οαίδαοεε εíεαίíοα, αα γíοαοε-αίεεά αεýαú,
á εííá-ίíí í-αοά - íααί εε-ίíá αα ααεí. Íí, ίíá εαεαοί, íεαίíαεí αú (αίεε íí αίí αοαίεíí ó
í-αο) δα-á é ίοεδαίíαα αúíεαοúí ίá ίοíοαεííοε, αβδααίείε ίαοδαοαεúαίíοε, á αί αíοά í
οαί, íα αοίίε ίαεαίíοε αα αεαίá (ίá αεýαíá á εί αίíí αεαίá). Αααú ίαααίείí ίíí ίεοú +οί
οαεíα δíαα οαί ú, εαε οαίý, í εαί, íαí é íαίβ, ίδεεαααααβοίí é íααίýοίáí ó αίβ á εεαα γοαεííá,
αεý ίííαί εαίεý εíαεíí úíεýúεο: «Αα! Αίò é Ε. αίíααεýε Εαίίεíα, ίδαεéííεýéý ίααα Αίí αδú é
ίοαίοεε ααεααί οίá!» - ýοί αεý Íá-ααίεε. Ο οαáy αíοú εíοίδε-αίεεε αίαεεε αεαίá Ε. é ίííúδεε
ίíεαοοú εó ίααίε-αίííοú íí, ααί αβ, é íí οαίεε εííαί úο ίίεεεε ýοί ί ίαεí αú αúοú δαααί οαίí
ίíαδúαα*

*Α-οδαοúεε, - é ýοί οεά οίδαε αίíοú, - οú ίεοαοú ίαδýεεαί, εείοί ίοδαεéýαοú
οοαί ίαί é é íαεαίίúí é ίαίδúοαί é, οαί íαí úí, ίíí ίααοú οαίεí αδααί íοαεοú οαáy á ίαεí
δýá í íá-αδαίεαί é. Íí íε, +οί οú ίá αααδε αίεíá αúοά ýοίε íαίεíοú, οάα ίδúοί ίá é εεοó
ααίεοοú íαίεí ííεί é γύεíí. Β ίá ίδúοó ίδúαίεý íα íαίε οεíδ, ίíοίí ó +οί οú αδαεοοú íαα íαí, é
ý ίαýαί, ίí ίαδα íεε, οαáy ííοαίίεοú Οú αίεαί ίαεαίίá íεíοú Είάα δαίíοαεοú οαε
íοδú εοαεúí, εαε είíαα - ίá í ίαε ίαίýοε - íεο-αεííú οαα, ίαεαεεί íδεααίαοú é ίíí ίúε
ίáαεεíοίíα οαα íαí íí οίδαεεíαίεíα «íúβ...», á εο-οαί íεο-αα - íεíααý, εíοίοúε αúε íαεεεί é...
á ίíδú. í αδείεíοά í íαδúαίεαί é, íí í οαó ίíδ ίδααοεεéý á ίαδúεβ ίá íαí íα íαáy. Αααú ý íαβ,
+οί οú οί ααοú íααί íí-αδúαί ó +εοαε ίδαεεíαεý, ίαίδεí αδ, é γíα εεε íοαοúε á «Οίαοδ» <...>*

*Αα, +οοú ίαααúε! Íí-αί ó οú ίααίααοú (ίíοíáý) Εβοαά ίδαεéí Ε. ⁵ Αίεε οú íαí ýοί
ίδεαοί αε, οί ααί íε, ίíαεεοéíοά, ίαυεά ίúíá αάεααίεý, +οί Εβοαδ - í íαίεí οαί ίαδαί αίοίí,
ί αοίáαί é é αεýααί é - αúε ίδαοα-αβ ίαοεííαε-íοεαεεé á Αεý αίεαοαεúαίíοα íοεβíí οίοý αú
ίá í εδúαίε best-seller «Ααε-úá é ίααίεα Ουαοúα Βαεα» Οεεýí á Οεδαα. Αίοí-αí, ý ίαίίαααβ,
+οί ó οαáy αí οί-ίí ίδúαί αίí é δαí-εοαίí é ý είí εβíí á ίοεδúοúά αααδε <...>*

Áιδωρέ Ι αδεάι όσεά!

Í:áíú ý íí óάάά μνέο:έέñý, á òú, μνέí έíò, íá ίοάάòέέ άάαά ίά ίíñέάíñþ í íþ íεñέέέά Í ó άά Á-á ñ óíáíε, άñ άάάí ý óάý Í:áíú έþάέþ, òú - á :εíεά ñáí úó άíδωρέ άέý í áíý í ίñέíáñέέ άíμíí έίάίέέ <...>

Í íñέάí έά άάñòέ ί óάά ί íέó:έέ ίò Έέέ Í άάέíáí ú⁷¹ έ ίííýέ, :òí òú á Δίçá⁸⁹ ίí óε. Άύά άαç ίíάεάέέñý óάíáε ίάñάòέέάíε ίδóíέóάόάέμííñòέ, óάέ άάάάíí ίóέέ:áþύáε óάý ίò «ñάòñέíέ ñáíέí:έ», άñέέ òíέúέí óάέíá ίííýòέά άíçí ίάέíí á ίδέέíάάίέέ έ ίάσέí άíí ίδóíύάííúí μííάάí. Όú, ίíέñòέíá á óáí òάά, ñάάííòí:έέ έί óάέέάέóάέέμííέ άεçíέ μñάάí άίííέ έί óάέέέάú όέέ. Á «Όάέí ñ» ίò 5 (έάεάόñý) í άðòá ý ίδóí:έóάέ çáí áóí:έέ Edward Mortimer'a ίíά çάάάάέάί «Έέέúò Δ. Έ. Í ίάí άý ί ó:áíέóά». Ýòí ίά ñάάίáέ ίíέíñá άçáóú, ò. á - ñáí ίά άάέííá έ çέíáíáíáííá Όáí άñóú άάúέ, έίò ίòύά άάúó çá άñóá, á :άñóííñòέ - ί òíí, :òí Δίçá ίά ίδóíñòí ñέó:άέííá çáí ý «ííáíò έάάíò», ίí άñέέ άεçíúþ έ άñá έíí ίέάέμíí έάάέ - άííέíύάίέá:έñòíòú έ ίíñέάíááóάέμííñòέ Δñáíέþóέέ. Δñá çá óάý, έάέ ίíáíάάáò άδύάά Όíòý έ á:σέά ίí ñòέ. Í í ίά ýòíí í ú òíέέíáάέέ ίά άαç <...>

Áιδωρέ Ι αδεάσά!

Όú ίíάέέ άñά άάέíðáú άδύάάñòάά ñáíέí ίέñú ίí έ ñ έέóάέέ άάñ:έóάέñý çá έþáíε ίδωíάέάέóάέέμííñòέ «íδóíñí:έó». Άíáíðþ ýòí ίά ίíòíí ó - έέέ ίά òíέúέí ίíòíí ó - :òí άúέí Í:áíú ίδέýòíí :έóáóú óάíε ίòçíá ίά «Ýòáçí á», ίí á ίάάáþ Í:áάάú έç çá ίάύάέ áóí ññóáú ίέñú á Έάέ άάóí μííάά ίíñέάάέ ίά Έάίέάέά⁹¹ çá ñóóííúέέí, άíò άάúέάέç áúάάσάñ òýýý ñóáðύá çáμíóέά ñέάάðáóú, άδóíάííύά Á-á άáñóú έάέíε άάí ίέ έέέ Á-á άáñóú άέý έάέíε άάí ú έóíέάííύά Όάέíá ίíñέάí έά òάάάáò έ ίóάάòά ίíáíááþύάñ - άñέέ ίά ίí ίάύάí ó, òí όíòý άú ίí ñάðύáçííñòέ, «áóí ññóáðííñòέ». Í á çáþ, ñúí áþ έέ. Í í ίííδóáþ.

Í áñ:áð ñáíáέ έίέάέ ί ίáþ òíέúέí ίíάέάάñάάðέóú çá :òðέíñóú άέáçá έ ñάðúá. Β áú όíòάέ ίδωíάέάέóú á òíε áá ίάέáñòέ, òíέúέí άúάάá ίάέíòíðúέ μñάέóέ:áñέέέ, ί áíáá ίάύέέέ óάíε çáíέý. Í í ñέá ίíέá ίδωíάέάí άðέ:ίí á áúñσάέ ί áðá Όάíñ çάέéþ:ááðñý á òíí, :òí á ίάσάí áúάάíáóòñέíí Ό<áíòðάέέμííñ> Í <άάáíá> ίíýáέέáñú άéáíçéý ίά í áíý, ίάίέñáííáý çáá ίóάάέíí έέέúòóú; ίí έóíέέ έίέάó á Í íñέά, έ ίíá áí òíííðάέέáñú Δáóáíçéý, ñáí á íí ñáá, ίέ:áñ ίά ίçíá:ááò έ ίέέíá ίέ έ :áí ó ίá ίáýçúáááò, ίάíáέí ίíçáíέýáð ίðááúίέάáñóú, :òí ίíý άάáíòά ίíάεáð çάέíðááñááóú ίά òíέúέí έþááçí úó μíòá:áñóάáí ίέέíá ίí έ ίδóíñááúáííúó í ááýýðíá Ýíáýýáέí <...>

Çááñú άúέ ó ίáñ á áñóýó ñάάáá Þ ðñέέέ. Ýòí, έάέ òú άñáíðέóú ίñάáý ðáí á, έ ý ίά ñóáí ó áá έáñáðúñý, ίí ίí ίδέάç ί ίá ίí:έóáóú «Í ίððááóú» Í áðáσέ Έðúí ίάíέ. Άíò ίíó:έóάέέμíí ίá :óáíέá! Í á:έíáóú ίááí ñ ίíððááòá ñáííáέá - μñáñóáííí, ááóíííððááòά Íέñáέ ίέíòí, ίíòíí ñóáέ ίέñáóú όíδóí. Í á ίíòíí ó :òí ñóáέ ίέñáóú έίíá, á ίíòíí ó :òí ίí-έίíí ó Í á í áñóí ίóέóέάέέμíííá, ίáύάíðέíýòíá έ ίáύάíáíáðúííá ñóáέí έίðέí ίíá, ñúá, :áñóííá Í í, Á-á òú í ίέ, άñáñ ýòíáñ ίá òí :òí í áέí, ýòíáñ έáðáñðíðέ:áñέέ ί áέí! Άúσάέ άαçí áðáííí, çááúσάέ :áñóí έ ááðέí. Í ó έ :òí? Άíò άñέέ άú óάέ: áúσάέ μñáðóíέ άííúþ, á çááúσάέ ñááέí άíçáóóíí. Í í ááú ίáð ýòíáñ. Í á ýòíέ ίάάáíέ ñóóíáúέá áñέάέ έáñóíέóú çáñðýέέ. Έ άñý Í áðáσέá - òíí ó ýð:áέσέέ ίðέí áð. Í έέí, έίðέí ίí, ááαά çáíýòíí, ίí μñáðóáííí áαçí ίçéí, ίá òíí áá «óðíáíá í úñέέ», :òí ίóέóέάέέμíí áý έέðέέá ίòí áóááí ίá ίάέíáá. Όíðí á óáí, ίέ:áñ ίá άáóááð, άαçá :òí ίíá ñáí á ñáá άέάáðñý ίðááí áóíí έ óάέúþ. Í í óóð ñέάáíέ ί áέíááóí. Έ óóð áέάέóú άñ ίáíμííðέí ίá ίðáέí óúáñðáí «íðέí έóέáííá» έííóáí òάέέñòá, έíòíðúέ çááð, «:òí» ίí όí:áð. Á ίá òíέúέí «έάέ» ίí όí:áð. Ό Í áðáσέέ áá ááαά έó:σέá ñóáðúέ άáñίέçáþòñý í áííέ έáσάέ ίí òáðάέέá - έó ίέ:òí ίá ááðáέó, ίá ñέðáúέýáð, έðíí á έίòííáέέ.

Í ðáááá, áñóúέ óάέέá «έííóáí òάέέñòú», έάέ xáέí ááá έέέ Í áðþýý Ýάέέáñέέέ. Í í óóð á òí:ίíñòέ ίí ñάέóúέíáí-Ýááðέíá: ίáðáðáέέ έðáááíέúí úó έáí ίάέ - ýòí ίíáñúá çááðέ, ίðíðέá ίέó άíðíáýò ñάááέíέúáí έ ίá áέáó ίð ίέó ίέ:áñ. Í áðþýý - ίðέðíááííύέ ðáσέñð. Í í άñ ñáí ίðí ñáýý ίáýýñέέ. Έάέ Áέðέáð á «Main Kampf». Á έέááðáέú, ίáóú έó ίýòú έάέ ίðέ ñάέóúέíáí, ίíþò έίðέí ίúí έ áñέíñáí έ ίέíέáñέóú, μñçáááý áέάέí ññóú ίάέέááí ίíέ áóóíáíέέ άεçíέ. Όέðí á:έ!

Í íααò αúòυ γííεεεéíí ρεíαáí, íαδανòαé íííεí αòυíεòαòεβ, íí ααí íϕεíá úαααòáíεá íá οίíáíεòαεáí οδία Í αòβρε í íáεααòííγ íáí δεíοίεíυí. Αίεαα οίίá, ííáíí υí <....>

11. 18 í αδòà 1973

<....> Β ííεò:εé íò αεάαí εé, áα όáíáδú :-εíεβííυ çá εííòεòóòíí εíòíδεé εéòαδαòóδú, εíí αíαεοίáεó íá 2 áíáá á Εάíáíεεé οίεάííεòαò (íí εò, ααíáααá í δεάεαοάεβ). Í δúí íáααòóυ αúò δαίεεβ íòεéíòεéó á ííííòααεòαεúí íí íεάíá (íá í αòαδεαεαò íαδανíáíá íí οδái óυϕεíá íá δαίεεé, εβáεí íáεεò á íαδανβ í:αδανú, εíòαòε: íεϕεéé ííεéíí Íεé. Í εò-δ¹⁰, íεíαòóυ αí ó γ íá íòáí ó, íí ε íá αααíáεοίεεάíεííυ á íá íòαα:αé, á Í δúíò αά íεαáí ííϕαδαγ (γ óε ε Αίεíáβ Νí εδí íáá í οίίεé) <....>

Í íáγγ αεγίú ííγòυ é ííáíá íáííυ íáγϕαίíííòε. Ε íí-αíòυβ, οδúυ é δααίòóυ íá íáííυ ííáíá íí íδúí íáααòóυ íááí ó:εòυíγ ϕαίίáí (íííεαίίεé δαϕ γ :-εòαé á ΑΕΟΕΝά εάò íáí υ íαϕαá). Ε íááí í áííυ :-εòαòóυ, :-οίáú íá ííòαδγòóυ οίòí υ. Οαίε íáαòóυ, é αίίááá í:-αí ú óáí í úá, óáíáδú αεγί í αíγ - εαé αίϕαòó. Í á δαϕíαδαòυíγ í íá á í íδα íáááíγοίáε εéòαδαòóδú ααϕ óáíáε ííí íυε.

...Υοί αí, áαεά Α εαé γ íεò:αβ ε οίίεεβ íí οίòíοαί ó, íá áíβ íí:ú δαϕάíáδó íí οίáíε, íí Ναίíεα-εíòαδεοίεé¹¹, íí Αεòυεά¹² é íííáεí íòí:εí, εαé íδεάíεαβ é οίεé ααíáíεíá íáυααòαεγ, δαίίεαεòά íεαίòβυαí íεííυ á, εíááá óυ íòεéεéíáεòυíγ. Í:-αí ú αεά, í:-αí ú<....>

12 <1970-á>

Í αδεάí :-εé, αíοίáε! Í ú íí íòαδóαδíí á Í δαáí Í ε:-αá, εδíí á Ααδαεíεíá í οϕαγ, íá ογíαò é íá áαδεεò. Α Í οϕαé - óáí, ííáòáαδεαáαò íδααίòó óαá, εòí δαεαò íí αεάíí ó Οαεòβ óαáγ. Αίίááá óάíε Ν.

13. 7 áαεάαòγ <1975>

<...> Νíá:-αεά - αúá δαϕ í Αίδεíá Εάííουαε:-¹³. Αίεε γ ííííòααεγβ αά íí Ναί áδεíυí, οί íá εϕ αεάíεγ οίεϕεòóυ Ναί áδεí - íδεí αδ εí ííòáíοεé αεαíòε. Í í áεéíγ çá αεαíòυβ, íá úαáγ íáγγ (é αδύαεò, εííá:íí), αίίááε, íáααòεé - é çá:αí ? Α áαíυ íí αúε íá ααϕααδái. Α. Ε. áíαεíγ çá óáí ααά é οίάεά á αεéυò íαò:-αòεαò íá οίáεé, íí íí οίíòδαεγέ αíαúοββ αεαíòóυ íá αεαá (íáòóυ é íá áíááá), αά íδααεíεíáεγ é ϕαεúεεíáγ δααίòá ϕαυεòεéé εϕαίίεγ, εíòíòúá ααγ γοίá íá óεεάεé αú íáαòá. Í íá íí εαòαáíδε:-αίεé :-αεíε, íí íá ϕαί α:-αòóυ εéé çá:-αδεεάαòóυ αά - ααííáαíòíí. Οúδεαβυεí αííòαòí:-íí ííí óóú á δúεí Εαòεé Εάí β, Αάí ííá á, Í δúíòá - ííòóú ϕαòεí óοíγ :-εíòííεβε. Αίεε αú ííε íáí é ááí αúεε Ααòδεíú - οίááá áαéí αδύáá Í í áαáú.. Ε í íá εííεδái íá αεαéυ :-οί íí íá δúíáε íáíεíαòóυ í Αίíòíááíεíí. Υοί αúεά αú δααίòá γííòαεéυáγ ααϕ εαáí:-αé (íáϕáεíεíí áαεά íò óαεáíòá Αίò Ε.): αíδύáá íòíòεά íá:-ααáυεíú εαáεíá - ϕάáá:-á γííòε áεγ «γííòααεéεεϕεοίááíííá» (ííòíòε çá áεεéé áαδαáδεϕí) εαáίεíáá. Ε, íáαϕεδáγ íá íáíòεδú íí αδóαáαεáε óαδú εííεíáεé, αίεαéíí αúεíí αú αúòóυ αí εδαεíííòε εβáííúòíí. Í í, ííáòíòγβ, - á:-αεά Εαé αíδύáá çá Εííáíεεβ Ναòαδó í αεάò Αεαεòíí é Í αδíεéí.

Αίò é αí íò:-αεάáíεγ αίòεé, αí ííòδáiáííííòε. αεòαé θ-é ííí αδ «Ρíííòε»: Εάòαáá í αεά¹⁴. αòí α, íδεγοίí, íεíá íαò. αεòαé é íòαòαεéó Íεáá Í εòαεéíáá Νάíεí:ú εéòáí αδ, αεíííεεϕ. Í í οίάεά εαé Εííáíεαγ Ναòαδá. Αίò αίεε á, οίááε é ííí εéóé, íá óαáγ áϕáεεéíí αú, íá Αεòυεá íá Νάδαεé¹⁵ (οίòγ íε οίò íε αδύááé í íá áíεúα íá íεεòó) - οίááá áíεúíí. Υοί εé íá íò:-αεάáíεá? Ε γí εαáíáοίεαγ αίϕγ í íá :-αεαγ, íáíαεáíγ, íáαòíáγ. Í á íδεíεí αβ é íá ααúò íδεíεí αòú á íáε ó:-αíòεά Ííεí é, αíοίáε Í αδεάí, γοί γ íá óααíòαβííυ íá áδαεúíí. Í í γοί óαεò. Οúò í íá íεαϕεé íáíáεαú íáεí :-αεíáεé εϕ Αίíòííá: «Νόαáε óαáαεεò óú íáεí ííòαγ, ííòíí ó :-οί óú áαεáε áαεí, íóεéíá áíí, íαδανíáεé οί, :-οί áííυ íóεéíí». Íáεáòοíγ é ααϕ í áγγ íαδανíá:-εéé íá Οóεεáεáá εéé Αααíòεíá, íí áαεí á αδύááí: íí óααεò, á í íá αí δααίí. «Οίí αúé íáγ, οίí αúé αδύááε». Íòααεééíííυ εαé íòδóú. Í í áíεαáí íáαϕó é íòγíí íδεϕíαδóυíγ: ííáíá ííεά íá íαδανíòεé, οίάεó εαé áíεúε, é óúáí γοί. Í áααβííυ οίíεúεí, :-οί γοί áδái áííí, íαδανíáí úε áíεúí íε í íí áíò <....>

Αúò íá εíòαδανíαò íáγγ íáííυ, íεíòáá áíεò:ααò. Οίεúεí αίò εααδóεδó íááí áαáαò íí áíεòóυ é αíδαεβ. Íáεòε :-οί-íεαáúυ ííííεíεíáá ííεò:εα é íáí ααεéδíááííá :-οίáú íáí íí ó íáíòααεòυíγ ííòεòííúεó. Í í γ íáααβííυ íá í áí ó íá áíεαíá íδεάαòóυ αίεíδííòε é ííòαòóυíγ αí εαòá (Εííòαòε, αúε áá:αδ íáí γòε íòòá, é 80-εαòεβ, é íòíοαé íí áαεéééí óúááíí; γοίí áεγ íáòαδε áδíí ááííá óòαεάíεá) <....>

ñ Ñ. Põñeì.

14. 27 ààeààòÿ 1975 ããã

<...> Áíeì àòàeùí í òññ òðàe àíeéãá Ìeòàeéíàà Èíòàðàííùe àíeéí àíò. Áñ ìíò-èòàeùíí, è íàà-èíeáíeÿ, è íðeì à-áíeÿ, è ààeá òí (à, ì íàeò àíòù, à ìíàáííííòe òí), ÷òí ààeííòàáííùí òðíòí, àãá íà áñ ÿeíòà è ìðeìà, íeàçeáííù eðeòeéà Áñ çáíÿòíí. Áeàeù ÷òí ñòòáí òù àeóíù, ðíù è íàeáàeèòeòeòíáííù: ÿ áù eì ñàeáe àíeéãá íà ÿòí àíeéãáà

15. 26 ì àòò 1978, Áeí áãã

<...> Èíòíðe-áíeéè òíí àí (òáíÿ òáí à!), ñòàáeèe æáíòíí íàí àeà, ì íà íà ìí <íðàá>. Æ àíàíeùíí ì ííã ÷eòàe Ì àðeà Áeááííàà, è ÿòí ñàáíí àðòáà ààeí. ÿòí ñeáíçáÿ, ÷àáç àeéííùà òáíe ñàáòeé, ì ñíeù Ñàçíòí ùá Ìá á àòòòóàà è íá á ñàáííÿòíeé àáíù òòùeáðíàáíÿ, à ñàáíáíí ðáíòáíòÿðíàáíÿ, ðáíòáeáðíàáíÿ á íàeò àáíeííá-íííòÿ. Ì íàáííÿòù æá ííà òáeááíeÿ, ìí-ááííùà èe, ìðàíeòàeùíí ùá èeè ðáeèeáeùíí-èeáàðeùíí ùá- íáeí eòò.

<...> Ì àðeáò, à eíeæeó Ñáðáeè Áààðeíòáàà òù ìòí-àe? Æ ìíeò-èe àí òeá àááíí (ò. à ì àíÿòà ìíeòíðà íàçáà), ò ì áíÿ ìíòàeííí òàeíà ñíù àðííá ìòòóáíeá ñ àíí ààeééíá àeáíeà è ààeééé e-áííòe ñ ààeééé è æá àðòáíáe è ñíù ìòòàeùííòáí, íáíeáààòàeùííòáí íá ì àòàðeá è íá àðòáeò e-áííòe Ì æeáò íáí è, ÷òí-òí àíòù íáíáà ì æeáò íeì è òðòáðíí Ìáòðeá Ìàeéááíeè. Èáe ÿòí ààeè Ì íáíá òðeíòeáíá òí àeòÿòòÿ òáe èeòí íàíeéíáòù òðeíòeáííeá àíàðíáàòeé! ×òí Áíòíáà ÷òí Ñáðáeè Áòíáà àí ñàáíí ìí-ðàçíí ò, à áñ-òáeè ìíòíeá Õíòàeíííù àí ìíàáíðeòù àíà í Õàeééíí Ñáòííá à ÿòíe æáííÿe, ìí òòò Ìeáíí àeáeíá ì ìíeíáe-áíeèì è eçeéÿíeÿì è íá íáíeáàòùÿ.

Ðàç òe íá-àeííí íá ÿòí, íá ì íáò òí íe-àòù íá íáííe eíeæeá, eíòíðáÿ ì áíÿ eáe àáðíí ìí íáàeá Ìeùá Áíàáíeíáíá í Ìáíòáðíeá Áí ÷áá ìíeéí, ìíeíðàeòàeùíí, çáíeæáíí, àáíòàeòíí. Ðáíí áòíòòí (eáe íááÿeí, ìòíáòíòòíá ñ íáíáeæe ìíòàeè). È ìðe àíá òíí ìííÿòíù ì íòeáí: àááà «à ÿ, à ÿ...» È ì ííáá ÷òí ààeíí è eðáíííòòíí àeÿ eíòíðeéíà eèòàðàòòù. Ì í áááù ÿòí àáíòííeéáð íá ìíòáòò Pòbèlvòlkÿ¹⁶⁹ - àíò ÷òí ÿòí òàeíá à íáðáò ñeíáò <...>

Ìáíáeí áááò àíð-àòù Ì ííáá ÷eòàð ñàeáeáíeáì è àííeùáíeáì. Ì áíðeì àð- Õðeòííá ì eíòíðí òù ì íá à ñáí ìí àeá íeíáe è eíòíðíá ÿ ááò à ÿòí (ìeááòðíàí) ñáí àíòðà ÷eòàòù ñ ñòòáí òáí è. Æ àíí àð, ÷òí òeá à «Ìáí áíá» àúeí çáeíæáíí áñ ìíeááòðíàà àíeíòù áí «Áíí á». Õáí ù, ì íòeáí, à æeáííá - àòí ìíòáðá Ìááá-à «á àò ñàáííù», ñ àòòù ì òeáíòáí àçeÿáà àíàðeá è àíÿÿòù (ìòàðeè á «Ìáí áíá» - Ááí-òe) è - ìíÿòù-òáeè àòí ìíòáðá ìí-òe (íá áíííí ñeíáà) àúeáeùáÿ á «Áíeáíí ìòòóáíeè». Õðeòííá - ðàçòòòeòàeùíí òñÿ-è è eòíá, à òíí ÷eíeá- ìíeéíá çáeíáá ì eòà ì ñàeòíeíe eèòàðàòòà è íá ì áíá ìíeéíá íáíáá, òíeááðíeùíí íá ì eòà ì ðàçáíeè ìðàáí-ì àòeè á æeáçá eáe íáíðáí áííáá òíeíáeÿ òíðíeáe eèòàðàòòù (ìíá ðàçáíeáí ìíeíeáàòòÿ Ìáíðáí áííá íàçáíáíeá àííá è òùeáíeá íáeùáí; ìí áááù ÿòí ààeí æeòíí àeéíòà, ìòeèeèéíòà, íá íeíáòàeÿ).

Ñeíòáðáíí ÷eòàð ì àeééíáòòáðíeá. Ì ííeí àð (èeè íáááðíí, ÷òí ìíeí àð) àíá (èeè òíòù íáeíòíðíá) Ìíííáòòeí, ìí ìeèò òíðíeí, ì ìííí; ààeá òàeáÿ àðíáà àí ñàáeùí ìíòù, eáe «Õíáÿòíeéà eéáí ìííòù» Ì ííáà ì ííá àíeá, íá ì íe àçeÿá, ì ííeò «ìíçáíeÿíeé ñáá». Ì íàeò

Ælða Nāi aīlā - nēāāē aīlōāē i īlāi ó aēēēēlī ó B aū āāēā dāç:ā nēāçæ: «Ī iēnēē æāi dā»¹¹⁹ - aīlā ēēōū iēnēē, m̄ aīlā īōlphāā aīōāēāphūēi, ā dānēēāçēē ēāēlā-ōi āāçāāñōiīlā Āiāōiēēy Ēōd:āōēēiā¹¹⁹ ā «Āāñlā» çā īōlōēūē āā - īāōīāēā, oīōy, ēāē īōlçāēēñy īāēi oī iē ēç Ī ādēāā (īā :ēōāy, ēīlā:īī): «Aū æā āāñdēōā :ōi īī ó:ēēñy ó Oūēōēiā, ā yōi īā oēiēā, yōi nōādūā ē āāīāēūū īñōū».

Nēiōr īīāō ā Āāñlā aīēp, āiāñāīā īōāēōē:ānēē. Ī dēāānēēē āīñōōiēōūi ó āiāñēīāīā ā Alexander-Universität (īīā Īphōīāāñāī) ī dāēēāēiçīūō īphæāōāō ā īāāīīyōīāē ēēōādāōōdā Āōāō āāñdēōūi Oāīāñyēīāā Īō «xōāiōāñdīē» āī «çāōi āīēy» yāñēpōēy ēpāīīūōīāy.

<...> Ā ó iāīy āiōē dīāēēñy! Nēūōāē? Ēāē īāçāāēē, Ī ādēōōēā āīā ē īāi īā çīāāō. Ī āēūō ī iē çīēiōīē, Ī āēē:ēā īēōāō ē çīāō «āiōñāēi īāīīē» (īī-āāīāāñēē). Ī ēāi yō Īāñō Āāāīāi+, ēpāēēūñēēē āāññūō āāñyāō ā iēīōōū īāiōēi āiōāēūū īñōē, :ōi āyāy Nēi ā - ēō:ōā āīāō. Āāēēā īāīā:āōāē īīāñē dīi āī ē īīñāyōēē... ī īā! Ī ī iñēīāñēē āīāi ā <...>

17. 6 oāāñāēy 1984, Ēāī āāñ

<...> Īōr Āi ādēōō īāāī dāñēēāçīāāōūi nēēōēīi āīēā; nēēōēīi nēīāēī ē āāēēēī oāi āñ, nēēōēīi ī āēī y īōñāūē, :ōi āiāi nēēōūi (ēēē - nēēōēīi āīēā āēy īāāēīāñ oōēñōñēīā īāōñāīā). Ā āāōō nēīāāō - y dāā, :ōi īīāñāēē ē īīñāāīōāē oāi. Yōi īīūō, ēīōīōñī ó iē oāīū, iē yēāēāēāīōā īāō. Ēç āōāēāñēēō āñōdā: āēāñāy - n̄ Nāīāē ē Ī ōñē¹²⁰, ēīōīōñā īōñōāāōāpō, ēāē īēēōi ā ēō āīçāāñōīē ē īōñōāñēīīāēūū īē āñōīā Nāīy āñ īēīēēñy īīēīīñōūp, īā æāēāō, īā çīāāō, īā īēā:āō, oīōy īāō-īāō, ā ē āñīī īēō nāīēō ó:āīēēīā Īī nōāē «dēīāīāēōāēāī īōñāēōā»: āē. dāāāēōīō yīōēēēīīāēē:āñēīāñ nēīāāñy īī Āēçāīōēē. Yōi ōēā «ēīēēāēōēā», āāç ēīōīōñā āīāōāī ó īñāāñēīī ó :āēīāēō īā æēāāōñy. B āūē ó īēō āāāæāū (īō ī īāē āāñāī ē/ōi ēāāñēōāōā yōi :āñ nēēōēī ēī ēāōō ēēē 8 :āñ ā çā dēēāi).

<...> Īāñ:āō Ī ēōēē Ēīçāēīāā ē īōñ:ēō (āēēp:āy Āīāñ¹²¹) - oāāā āēāīāā, ē y oāāā āāñp. Ī ī, īī nōādñē īāī yōē, āñ æāñōāēp īīāñī īāīēā īōāīēē 20-ēāōīāē āāñ īñōē. Ē Ī ēōēēīīā Āāī ēāōā, ā ēīōīōñī, īī nōādñē īīyōū-ōāēē īāī yōē, īā āēæōīē:āñ, ēōñī ā ēdāñēāīā ēēōā ē oāēā <...>

18. 25 āāēāāñy 1987

Āīōñāē ī iē Ī ādēāī:ēē!

N̄ Ī īāñi āñāī! N̄īāñēāī āīēūōīā çā Āīēēīāā B oīēūēī :ōi īōñ:āē āā ī āi dādū ē āīāñēūū ī oīōñōī īīī īp āā īī ŌĀĒ ē Āīñēēōā B āū āp, :ōi oū nēāçāē ī āēñēī ōī ē nēāçāē oīōñōī. Dāçū āāññy, āñēē āū oū nāāāēē nāīā īōāēñēīāēā ā īāñō īā īīēōīōdā āñāā īāçāā, ā nāñāīy, oī īāīēñēē āū m̄ āēāā īōēōīāñīāā, āāç yāōāi ēçī īā Īī yōi ōēā āñēī āōñāā

Ī iēīāēīō īōñōēīā āñā y īōñāē ā Ēādūñāēēī nēīī ōīēāāñēōāōā ā īāō:īī-ēññēāīā Ēī-ōā ēīōīōñē oāi īāñāēīyāō āñā īāōēē. Nīōdōāīēēē (āñā - āñāī āīīūā, īā āñā, īā āīēūōā) çāī ēī āpōñy oīēūēī nāīēī ē āāēāī ē, īā īōñīīāāpō. Ī īā īdēōēīñīāçyōūā Ēāīāñā īōīōñē çā nāīē n:āō, ó īñōāēūū ūō āūē «ñāñāīōīēē āā», o. ā īīē īōñāīēæāēē īīēō:āōūī æāñīāāīēā ā nāīēō ōīēāāñēōāōāō. Çāōī y īā:ēōāē çā īīēñāā īāī āēī, ī īāēī āū oāīāñī iēñāōū ē iēñāōū āā īāñōīōā, ēāīū Āñ æā nēēēīēp īīīāī īīæēō īāñūōēīī āēy dāçīūō ēçāīāēē. Āēāñīā - ēīēāñ, ēīōīōñp īāāī īōñāñōāñēōūā ēpēā: ī:āñē ēñōīdēē dāñēī-āāñēñēē ēēōādāōōdū.

Ī iēñāā āñī ā - āāēēēāy āñūū Ōāīāñōī āīy īīñōāēūūy.

Āāñlāēñy y ē īā:āēō ó:āāīīāñ āñāā. Çāīyōēy - dōēēīā, īī īā āāç īōyēyōīīñōē. Nāē:āñ āāōō :ēōāōū n̄ dāyōāī ē ēdēōē:āñēēā āīē āñēōā «Īōñā ē āāōāē». Ēāēūū :ōi īāō nōāōāē Ēāōēīāā, īdēāāōñy īāñāē:ēōūñy āōāēīē īāæāō dāēēāēāī ē - Āīōīīīāē:, Īēñāōāā Āāñōāī. Īī āñ dāāīī çāāāāī. xēōāp īīāñyā āñā æōōīāēū, ēīōīōñā ó īāñāñōū Īīyōū ēāē āñāāā īā dīññēñēēō īīāñōīōāō, īñī īā ēīōāññīīā - ēdēōēēā Āāā Ēāñīīāñō - :ōāī ēāē çāīōñā. Āīīāñā ī iēñāñā ēō:ōā nēēūūāā, nāñōēāā :āī nōādāy āāñēēy (Nāñīīā Ēāñēīī n̄ tutti quantū). Ēīēēp:āī ēā - Ēāñyēēī. Ī iēēīī āī ó çāī īīē, ē āāæā çāī īāēōēē. Āñā dāñīñōū - īēāçīāñāōñy, āñōūīīyçy! Āāñūāā òdāēēē īā oīēūēī ēāāēēēīū, īī ē Ōāñāñāñēēē. Ā āñō īīāyāē-ēā, :ōi īīyāēyāōñy ā «Ī īāñī ī ēōā». Āē āā Īēāñ¹²²

Āōēāō īōñāūē ā Ōāñēōādēē :ōōūīā ī āñyō. Ī īāēāāēñī <...>

Í adéáaà, áduúí íé áíðíáé!

B - áíá ííáý íò ðááííðé: íðí:áé ×ááóéá á «Ééòáðáòóðéá»^[23]. Ñòíéúí ñíáçú áííá íáóéúíóéí, íò íáðáíáí áá:áðá áí áíòá á áíí á Ñááòéíáíó. É íáóé í íéíáúá ííòíááíéý, ñ ííéíéíúí Áéòúéíé^[24], ñ íò:áéáéáóéííý Í éóéíé^[25]. Íí áéáííá - óú! Ééòí, ñéááí, íí-áðáòíéé íí óááý ðáííéíáé. Í íéíááò, ááé áí ó Á-á (B áí ó óíáéáíáíéíáé.) É - óááá ááé, é ííáíéúóá! <...>

20 <1988> Óááéòáðéý

Í íé áíðíáé áduúí adéáaà!

Áíò éáé ñíáúáá ðáíííðýáéáòííý: íáíáéááííáý áíòðá:á ñ Áíééíáíí é! É, íííýòíí, íáðáíá áéáíéíáí - í óáá

Í ú íáááííý ííéó:éòú ×ááóéá á íéòýáðá - áéý áéíéóííéé áíéðáá éðáéíáí ñòíéá á Eafááíéíí óíéááíéòáòá Ñó:áíòéáí Éáíðý Áéííáðááíáá Áíò áúááò íðáçáíéé áéý í áíý, íí ðá:áííúé ééóúóáíéí íòííòííóáéáí <...>

21. Éííáó 1988-á

Í íé áíðíáé Í adéáí!

Éíéáé áduúá áçýéé áá íðéóéé! Ñ íáíéáéáíéáí íðí:áé íáá ñòáòúé, íí áíííí éíáíéý - ñ ííááííúí. Óíóý é óáíé «áçéýá» - éí áííí óáíé, óçíáááíí úé. Í íá áú óíòáéííí óáéááòúí ðí:éòáòú óáíé áçéýá íá ñòáòúþ Éáçéíóááá á 11-í «Íáóáí > Ñíáðú <áííééá>». Ðáçúí ááòíý - ýòí áíé çáúðý, éíòíðíí ó íáíòóíééé á óí:íííðé íá éáíó, íí çáúðý, íá óáéúéáíá ííá (óíóý áíòú ó íáá é íðýí íá éáííú, í:áíí íáéíá). B íáíéíáé íðááéíéíáéá é áðíýííééí çáíéíéáí Áóíííí áíá éíòíðúá áíòíáýò áí óðáíóóçéíí íáðáíáá Eaféý ÷óí íá áúááò íí-ðúííé: íí-í íáí ó ñòáòúý ííéó:ééáíí

Ðáá Í áíí (íí áéá Íáòáí Béeéí) áíáíðéé í óááá ñ íáéíííðúþ, ÷áí ñíáçú í áíý éóíéé. Óú ááéá íá íáí áéíóé, ÷óí ó óááý á áééáéóéé, ÷óí á ááéúééó íéáíáá. ×óí áéá? Í ííáá 1) éíéáéá í ðúííéí-ááá ééòáðáòóðá á óáéíí (íáçíð íò 1850 ó áí 1917); 2) ñòáòúý í íðéáí áò íáðááá:é áááéíéíé ðá:é (íò íáíòéé:éí í-ðúííéé áí áduúáí éíááéáíúý); 3) Eafáíòéííéé (éáé íí «ííáéáí», ÷áí óááòááò çá íá:áíéó) <...>

22. 21 ýí ááòý 1989

Áíðíáé í íé Í adéáaà!

Ñíáíéáí çá áí - é çá íéííú á, é çá ñòáòúþ á «Áííéýó»^[26]. Óú íáíéíáé çáí á:áòáéúíí - íí-ííáíáí ó éáé áííáá, íá íòéðúááýííí áí éííóá, íí ÷óú:óòú áí áéá íííðéðúóáá, é ýòí íðéáááò ñòáòúí ííáúé óáðí. Í í ñòé, ý ííáéáííí ñóíáíþ íá áíá ñòí. Áéáíééí, íí-í íáí ó - pauv' type, ééé, ííí ýá:á íí-ðúííéé, - áéééáý éé:íííðúþ é íéíáíéý áíí áééééá Íí «áééééé» íí-ðúííéé - ááííí úíéáííí, é ýòá ááííí úíéáíííðúí íðáéðáííí í ðííéááééáááò á óáíéé ñòáòúá

Áííáíá áéá ñ óéáííí íéáéó íá óíéúéí çá ííáúòéýí é áííáíá íí é çá ééòáðáòóðíúí é á ÷:áíòíííðé. Ðáçáðíá áú áúá óóáá-íþáá, ááéá íáíáðíííðúé é óðíáíáéòéçí íí:áíííé ááíáú, ááéá áí áðáòáíúá íí ñòáééíéçí íí í íéíáíááðááéíéíáí íáðáçúá. Íí ÷óí íðéáíáéò á áðíáéú áíáðúáç - óáé ýòí íòéáç íò éáééó áú óí íé áúéí ýíðáòé:áíééó í áðíé. Áíí ííáðýá - ééóú áú éí ý ééé (é) áéíááóéý ííáóíáýúáý. Óúó - Ñááéá ééé Áðéóéá Ñáéðíééé, óáí - íáí ííáááðé éí áíá Áíéááí Ðúááéíá^[27] áíáðúáç íí:éòááò ñíáý áíéáí. Éúííáý Áíðá - áá é óíéúéí! Ééóúí

Í íáéáò, ý ýòí - íò ñòáðííðé. Áéááé ñ ííéáíáá íáçáá í íéíáíáí é éðáí:áéóáíí Áééóíðá Áðíóááá. Íí, áéáí í, - éáé ðúáá á áíáá á ýòíí áééíí íí óá

È òatá m'íteíenòaeá (á íeíatéyo) i aiy aníneútao. Áeáaouú ou ía íaóyóeáe íeíeíeíeí. Í íaeá, è aídáaáó i adéneçi óaáy óatáeó? Èñòaðe, óaté eíi íeéi aíò íaíñ-aò i íaíñ aeáí aòà aúe i íá, eáe íe ñòðáíí, íðeýoái.

<...> Ðaáí-eá íeáíú - aí-íaðáíó, aíeúoay ñòáouy í ðúííeí-aáð-aeíeíe> èeòaðáòóðá á yíoeéííáaeþ á Èáðúíeéí á aí-aóíðúó, eíeáá í-aðeíá eç eñòíðeé óíñ aeá íðáíí aóá/íþaeáòà (Áááá èe áaeá eí aí à íeáeóó óááá óíou ÷oí-oí: Íñeí Ðaáeííae-, Èáá Èááííáá, Í íðááóae Ðaáeííae-, íí aeá «Áaí-Áíe»... Íí, eííá-íí, añóú eíatá è ííçíaeííae, íaíðeíáð Þeéae-.) Èíeáó íaíñ aáa-óí íðeíòðíeòú çaðáííá, ÷oíáú íá íeíñóú aí ðíóçþ. Í eoa (áíá (ííí íeóú?) ííñááóíáae eçááòáeúñóáí á Áíáeé, eíòíðí óý eáe-óí eçáíñóáí, eáeéí -oí aíeíí, aáíú à ñeðí íúí, aí ðí-áí (íeíñae áeý eéðíe-á-m'ðááí-íeéá íí aáðaeíñ-íe> eéúóóðá). Í ííðíáçþ. Áí añýeíí ñeó-áá, ýóó íaíáíeíñáí çþ eíeáó aeaeó eáe ñáþ ííñeáúþþ <...>

23. Í á-áeí 1991-á

Í adéae, aídíae!

Þ çááíí ñeúoáe, ÷oí á ðaeééñe aeéé m'adóíúí aíáí xááóeá. Í ðáááá èe ýoí? È ÷oí ýoí i íaeáò çíá-eóúáeý aáíñ ííeíeáíeý çeíá? Í íe, eáeóá aí aáí íá.. aáóá aáíí ý óeíí, íá eáçíðá á aeçíúy aíaeáaeóá i íe-á? Í í óíáá, íó, óíáá - áaeá ííáóí aóú ñòðáeíí!

Í á áa ÷oí ý óatá í ðí aáíaeá - ýoí aáíñ úñeáííí. Èó-óá - í ðí íaíñ

Áááðeíóáá çááðoéè ñáíe aáíðóíeé, à i ú eíí ÷eé ñáí añóð. Ñááíáý ííñeáííeé áaí ú ñáíñeé, íá-eíáaí eáíeéóeýðeòú <...>

Áííatía aeá ÷eòáþ i aeí. Èae-óí ñeó-ííáaòà ñòaeá íðíááíñeáíáý aeá-éa (íá aíáíðý óae í ÷aííñóáííe). Óíóý aíò á oíí íííáá «Èeóíáíçá» í-aíú «ííeáçaeáíñ» xóáaeíáá - oí íí, áaeúí íaeáíí, íí-óíðíeáí ó eííóáí óaeúíí. Èðíóíáíðíóáí óaeóíííeéíííeéíá íááíaeí <...>

24. 22 i aðòà 1991

<...> Þ íñáçíeé á Í adéae é Ñáðaeá (Þ ðíeíí ó - Í. È.) íá ááá aíý. Ñíaeóáeéú óíðíeéé, à Ñáðaeá - í ðíñóí çáí á-aóáeúí úe. Ýoí íá i íe ñááðááðaeáíeéé aíeíñ, à ñaeááíeá Í eáá. Ñ eíòíðúí i ú aúeé á óááòðá aí aíòá

Ááeé áaeá i íá eéáí ñóíeé, eéáí íaííýóíú. Áííðíñá íá çáááþ. Áóí áþ, ÷oí i ú ñóíaeí ñý á ñaeááíeé. Í aí ðeí aá, í aeáeíáí Ýíeóaeíá è Áááeíáá á í-í «Çíáí aíe»: ñáíí ú ýíðáòà ýóóaeóíú, eáe óeííóeéá, íí íá aíeáá óíñ. Áááeíá aeá aúú, aíeóíñ ñeáçòú óí, ÷oí aúú áaò. Óae í íá ííeáçaeííñ <...>

25. 23 aí ðáeý 1991

Áíðíae Í adéáí-éé!

<...> Ñíaeóó íoéééíóóúy íá óaté aíí ðíñá/çáí ðíñú <...>

1. Ááaeá íá-eíáe eáe ííýó (è ííýòe-áíeéé íaðáíá-éé).

2. Þ ó-eéñý è ó «eáeééíóáá», è ó ñáí íáí Èáeééíá (áaeá ðá-ú íáá aáí aáíáíí ááðaeé - íò eí aíe «aíeíá»). È ó óíðí aeéñóíá íðááíñóáeóaeé «oáíííeííe-áíeé-óí-ííá» íaðáííá, è, íðaeáá aíáá, ó Èþaeí íáá, eíòíðíeé ñááeíeé eó-óáá á íáaeó «óeíeáó», è, eííá-íí, ó Ááðú Ñòáíáae-, eíòíðáý aúeá aíá añýeéó óeíe. Ñeóoáe ñ íí-óatáeáí Íeé. Íeé. Áeéúí ííóà. Èç «íñáðííeéíá» aáíáá óáíeé (è ó-eéñý) ó Áíóà. Èç íaíñááíeéíá íí eéáíñe-áíeíe ÷aíðeé íðeéííeýñý íaðáíí Áíáð. Íeé. Ááííatíí. Áíðeóúíí óáí, ÷oí ó-eéñý ó Ñáðá Èá-á Ñíáíeááíeíá, ó Èþíñeíú Ñááðeííatú Ííeðíáíeíe (aáíáí aeáá Í eá. Í eá. Í íeðíáíeíá). Í ñòaeúí íá (íñòaeúí úó) óú ñáí íaçíááeóú

Áá, eííá-íí, Èíááá^[28] i íá aeéçíe: i ú ááíí ñ íeí «ñíííáíy» Í adéé Áááííeáíí ú Áðáááðíí Ýáíñeé, «aðáóúy», óae ñeáçòú Í íá è Óááíð Áe-áðíae- Í áoðíáíeéé - íðáííáóúáá íí íoííeóáí eþ é íáí ííeíeáíeá Á Ñáðaeá Áááðeíóáá - ñeááçþ úáí <...>

<...> *Á ienú á eioidíá i deáçá É eéoa^[29], anou oíeúei íaeí aií ðin - ían:áo xáoóea ß :eóaé, eííá:íí. È íáð:eéñ: íí íe:áñ íá neáçae í naíai íoííoeíeé é mraúoeýi. Á aíeaeáí aúé. Nóaeí aúou - íoi íe:aéñ, ðioý, aðíáa aú, é aínðoíeé. Çíay aá íoííoeíeá é ááoçoi, aí aáúáapñú íí:ai ó <...>*

Náðieá Áádeí oáá i ðioíaeò ó ían ðioíoi. È íí nóe, é íí oíði á Íáapñú, :oi é íí íai é aí aíeáí. Íí mraúeé í ía oíeúei :oi íí ðaeáoió, :oi í ðí:ae á «Í açaeíeí íe áçao» í naí íoííoeíeé ^[30]. xoi yoi çíá:eó? Áíò eíáa ou aú í ía áae áaeínoáí íí ðai ííá aeý í aý íauýñí aí eá! Áñeé m íaeáoú íai eóeé í ía íá yóíi <...>

<...> *Ánoú íeaeý, neááá Á-áñ, í íaeíí íoááðeòú íá ðaíe aín ðinú é aúá ðaç í íaeáaá aáðeòú çá í íáaðeé.*

<...> *Áaçioú, eioidíuá i deáç É eéá^[31], i ðeóeé :aðç í aíeíeúei aíae, - oíeúei! - í íneá oíá, eae ý ðaáá íeñe. Nóaeí aúou ðiaeóey á çí íaeíá eéouíne:áñ*

Í aáíá í uóúai eá - áapú ou. Áoiðíá - íí aín uá áapú ou. Óðioúá - aín ðin á áapú ou eé? Í í íá yóíò aín ðin íoááðeòú í íaeáoá eéouí aú, áaý uéaý á ðai íoiáí (ò. á ááoái) eí ðeá Ó ían çáñú í ðioéé í:áðáí uá (33-é) í aeáoí aðíáí uá aú ðá:e. Íò Í íeúeé aúé Í eóíeé, íò ðíneé - É aúñí çíeíouíneé <...> È aúò Í eóíeé í íaðíáíí oíeéíaeé íá aú ðeñí eóey á aç aáðáá (íá oíeúei á Í íeúeá, í í é á Áai aúe, aeý í ðei aú, aá añ - ðaeé aúou ouñ: 80 aáðáá). È í aóíaeé íauýñí aí eá: nó ðaó í aáá :aeéí çá naíá çá naíþ í aúeí í aeúñ ðp óaeínoíínoú, eí oí ðíe áaí aeáo :aeé. ß ó: aúò aí aeé á «eóúeíí nó íeá» í á aúaeé aáí u..

Áñeé á 1900-á aáú Éíðíeáíeí, Áíðíeé é áð çauéuáeé ðaeéú íá aáðá, ðí ðaí aúí í aáí çauéuáòú eí ðeíç é oíeúei aá Áíò íí:ai ó í aý çáaeá nóaoúç Áíe. Óí í íoííáá á naí ðíeéá í ai yóe í. Áe<aeíáí aú> Í aý «Aguinox» - í ðí:oeé í ai ðai aí íí. Óí-ó í aí eínoú í aíe çai a-áíeý, Óei á Yòeéíá í áaúáò í ai á:áo aú á eáí eí aáaeíeíe (íá í íáó í aáeòe í á NÍ á!) «Çáçá».

Áíò ðaáá í íe í aáíá, í oóðýíí-í ðei eóeáí uá í oééééé <...>

P. S. O «Стрельце» (чуть не забыл!). Прав ты на все сто, что тут говорить! Но возьмем шире: прилив, накат, вторжение эмигрантского мусора – зло. Поэтому аплодирую статье Латыниной в «Литературке», о чем и писал ей. Российское дело делается у вас и вами, а не сволочью типа Кублановского, Красовского и др. И даже не Аксеновым и Войновичем <...>

Éaí ááá

1991 áá

<...> *Áíò òááá è óñéíðáí éá - áñ, íííáñéíñí, ííí ÷ áéíñí, òíéñéí éóáá? Í íáíí èé íáááÿòíñÿ óíòÿ áí? Β íé÷áá íá íííéí áþ è áíá í áíáí òíá íðáááéóó. Í ííòááþ íóé è áóé - ííé íá áááóó íééóáá.*

Β, áðíáá áí, á ííðÿáéá, óíòÿ ííðÿáéá, íá íáí íí ááéá, íáò íé áí í íá íé áíéóáá. Í áí á á ñ ÿòáíéé (íòáðííòóí íé÷áá íá íííéóáóó, íé÷áí íá ííí íáéáóó), áíþñí, ÷ òí è Áááéá á ðáçáðíáá. Νáí áéá ÿ áíá ííéó÷óá íðí÷éóéíóó á íáí úá ÷éóáþ éáéóéé íí ð÷áííéí÷áð÷áéíéé> íéíááíííòé á ñíáíáí (Óðéáóð) óí éááðñéóáóá è ííéó÷áþ ááíáíéñóáéá è ááíáéóáíðáí éá. Í íÿáéáííí è ááí á, ííÿóóí ááí áíðéá èç. Áóáíáóóá. Áíò òíéñéí íéñáííá éááò íéíóíááòí.

Áíá ñáíéáí çá ííéñáíéá ÷ááéíáíééó òíðáéáíðá. Éáé ííé íáííóíáéé íá 50-éáðéá á éíòíðí ò÷áíðáíáé è ÿ!

Í ðííòé çá éðáòéííòó - çáò ðááéáí óáéóííðí! <...>

<Í òéðíðéá ðéíé. E. Í éáá, íðééíáéáíáÿ è ÿòíí ó íéñíí ó> Νέí íí í íá íááááé. Ááóé ííáéáíéÿ, è ÿ áúé í÷áíú òðííóó. Óíðíóí èé áéòóó íá íðííóáíéóí á. Éñóíðéé? Ááí ÷òí íá íááí íéáçáòó «í óéáéòáííí!», á. Ááóáé ñò ðáí á íáááðíí í ááí... Í áí éí áþ. Ááí.

Áíðíáé Í áðéáí óóéá!

Спасибо огромное за письмо. Мы с Жоржем читали его вместе, твоя горестная история (Карл – Роза) чудовищна в своей типичности и символичности. Ты прав: новое варварство, может, и не поспевает за прежним по наглomu хамству, по безнаказанности, произволу и прочим параметрам, но от этого не становится менее варварским.

Новости мои (главные) – цейтнот, в котором не виноват никто. Кроме меня самого. Но от этого не легче. Надо было представить обзорную статью в «Евр. энциклопедию» (Иерусалим) еще 2 месяца назад, а у меня сегодня готова только половина. Теперь другое: для «Евр. журнала» надо сделать блок материалов на тему «выкресты». Надо выступать и здесь, и во Франции (Эльзас), и, м. б., в Германии. Тема: еврей в сегодняшней России – что это значит? Ну, и еще и еще. Лучше не стану перечислять <...>

<...> Работа? Готовим (всё же!) 4-й номер «Евр. журнала». Ничего другого и делать не хочется. Читая глупости (часто – наглейшие) в российских газетах и журналах, всё меньше испытываешь ощущение, что слово сохраняет хоть какой-то смысл своего существования и произнесения. И ведь это – в газетах и журналах, т. наз. прогрессивных. Коротко говоря, прав Лев Николаич: писать только в тех случаях, когда не писать не можешь. А это не мой случай.

Израиль? Гнусная ложь всего прогрессивного человечества особенно хорошо заметна на последнем примере. Нелюди похитили, убили офицера пограничной службы. Их, нелюдей, собрали (забрали) и, пальцем не тронув, вывезли из страны. И сегодня по радио: мир осуждает, депортация невинных etc. А что послужило причиной, почему, за что их депортируют – ни слова.

А наш Перец-Младший – уже в армии. Вот так-то <...>

<...> *÷òí ÿ í íáò íòááòéòóó íá òáíþ áðá÷ú è, ííáééóé, ááçí áááéíííòó? Áóáú ÿ ñáíáí ÿ á Í ííéáá (è íá áííòáí, ðéíá Éíðéááéíá èéé. Ééí íííáá - òóò ðáçíéóóó íééáéíé), í íá ñ ÿòáí éá í úñéá é*

2. *Í añò òíáí eaf-éy] ðaçáèðàòù íá òí-ó, àà è ì ðààá íá èì àþ, èíáà :èòàþ (è ìèùèø), ÷òí ààèàòíñ ó ààí*

3. *Í òàþòíñ òàèòù ìáíòááí íé àèòéáí ìòè è àèòéáí ìòàé àèèèèò èþááé.*

Ñíáíòááí íáý àèòéáí ìòù ì ðèòíòí íàéáí èáíþ, ðaçí-àðíáí èáí è íáííáðèáí è áíçí íáéíù ðáçéùòàòáí. Õáí íá ì áíá íá àñýéíá (íí-òè) ì ðèááòáí èá-ì ðáíéííáéá íòáá-àþ «áá». Í ðèí áð: àíéáí èáòàòù ì ìñéçáò ðà á Ááðíéííó (áíé èí áí òù áááò ðíáðáí ý áèç) - ÷èòàòù èáèèèþ í Áááéá (Íòèáòùí). Í áòáéíñ Èááí íáá èç «(íáí áí è» çáèçáèá òòàòùþ (íí òíí ó áá ííáíá) - ì èøó Áíòù áúá ááá ì ðèááòáí èý íá ì áðò-áí ðáéí, íáá á Èòáèèþ, íá èíééíéáèòí ì íáðáíáò (=òí ááéíá: çíáí éý çíéíáíá èèè ýíòèèííáé-áíééá?) - ø-ó, ì ííýòíí, ì ðèááòáí è á Áí áðèé, ì ííáòáí ðáéáí éý (íòèèèéáéííá è íéíí-àòáéííá) áñ íáò. Áíþíñ áñ íòí áíééííí áíáí; èéáí - áúá ì ðèááò, ì í òé áúáò ì èèèí ì íçáí ì ìòíèòù ì òíòé. Ñéíáí, áí áðèéáí ì èèè ááðèáí ò íáèòù áááòíñ - ìáí çíáòù-áí <...>

Èç ì ìñéáíéò áíá-àòéáíé: Ñáí íééíáíéá ì ìí ðáòíúá «çáí áòèè» á «Áðèéáá íáðíáíá». Ðáèèòáéííí íáí ðéýòíú ì íáéçí è áííéííáðíá ííéíéííá Ááçéá, èéááþò á ìíí ááéá èç-çá ì íáééííá èáí íý. Áúá - áñ áðáí ý ì ìñéç çá-áí ááíáèòá ýòí íáíá-àòáèá? Ýòí áá áúéè çáíòíáéè! Íí, ì ðè áíé íáí ðéýòííòè, èþáííúòíí. Ííááíí - ì í ááðáíéíé ÷áíòè, Ááçéò ìáíòáíí íáðáçéè-ííé, ì í òíòý áú íá áðáéááí íé, èáé Í añò áðí áéò <...>

34 2áí áý 1994

Áíòíáé áðáí áðéáí!

Ñíáíéáí çá ì èíúí í, çá çáí íé, íáí èì ìéíáí - çá èþáíáí èíòíòé ðáíáðí òé ááç ì áéíá 40! Ñíòíé èáò ì èðáí áíòáéííá ÷éíéí. 40 ì íáí ó òòáðáí ó ìííó 40 Áèéá, ì íáé ìáí íé ííáíé è òé, íáááðíýéá, ì ìñéáííáé ááíáðéá Ñòèííéí 40 íáí ì Ñáðáéé Þ ðíéèí: ì áðáíñ áíòðá-à - 1954 40 èáò ì ìíáíáíáéáí éý èç ìííéèè. 40 èáò ì íáí ó òíéááðíèòáòííí ó áéíéíí ó Í ðíáíéáòù íá òòíèò.

Òí, ÷òí òù íáíéíáé í Þ ðá Áíí áðíáíéíí, í-áíúéíòáðáíí. Íí-áí ó íí íòðáééíñ íò ìáíáí ááðáéííá ì ðíéíííáéáíéý, òòòý òùáííéèè ì èò!³²⁹ Õòò, áðíáá áú, íá ì íçíòíúé íáíòáðíá-èé èíí íéáéí ÷ ÷òí-òí áðáíá Íí - ÷òí? Á «Óáèéúòáòá» áíòù èáèéá-òí ì èòí-èè, òýíòééáíý è ðáçáíéá, áá òíéúéí ý íá áíçú òíí ðáííòòúáòù È çíáòù ì í-áí ó? Í áéíòáðáíí ì íá Áñ ðáíí. Èíòíðéý áíòèíí èòèçí á, á òíí ÷éíéá ááðáéííá (Selbsthab³⁴), ì íòáíýéá á ì èò ááçáò ìáíþ ááéííòù, ì íòíí ó ÷òí ìáí è ááðáé, á íáðáþ áéíáò ðííééíéá, è ìáíáí ó ááðáéíòáò ðáíííáòíú, áíéè íá áðáéááíú. Þ ì íííòáéíñ íá-àòù ðáçáí áíð íá ýòíí á «Ááð-áéíéíí» ÷ <òíá>éá», èíòíòéè òááá íáðááíò Èáíòí Íí, áíéè áááò ì èèù è ááéáíéá ì íííòáþííí ìéçáòù ì íáðíáíáá Õáí áíéáá, ÷òí èíòáðáííúá «íéááòáéííòáá» ì íýáéýþòíñ áíáíéíí éíí ðááí. (Á òíí ÷éíéá - Ñáðííá á ýòíí áá ííí áðá «Á.É.») Í íáéíí ì ðííéáéèòù èáé øéí «ðáçáíáðéááíéá» è ó èíòáéèéáí òíá áííéíé ì áðèè (Èéáéý Áéíçáòðá), è ó «ì íé-áéííééíá» (ýòí Èòòáé-Èáéáòò Í áðáí ì ðèááí áé òáéíé ðáðí èí áéý ááííéíáíí íé ì áííú). Èíòáòè, ì ðí ááçí íéáí íá áíéáíéá ì íé-áéííééíá ì èòáò èò-øá áííò Áííò Ýííáéú ì í-ì íáí ó <...>

Í íáðèòíáéè ì áíý 11 áí ðáéý, èç áíéííéòù áíííòíèèè 20 áí ðáéý áá Ñ òáò ì íð èááò è èááò ì ìñéáííáðáèíííúé íáðéíá <...>

Ñíáíéáí è çá ááçáòù, è çá ááðíòéú Áñ èíòáðáíí è áèòéí. Ñí áðòù Èíáéíáíéíá, ì íáí íáí íéòííééá, ì áíý áéáííáò. Èòí ýòí «çáèçáèè»? Èíí ó íí áí òáéíé òòáíáíé ì áèáé? Ðáííóá áñ áúéí ì ðííòí: áéèè - çíá-èò, áááòéá ì ííòáðáéáíí Á òáíáðí? Í èþðáéèçí. Íí áááí è á ìíòáéííí - òí áá Áú («Í áí ì ðéáé») áíòíáéòá è áíòíáéòá áí ÷èòáòáéý ðýáíí ì Í ðíòáííáíí/Èòíýááíí. Í á áíòù èè ì èþðáéèçí ì ðáíòòíííòè ì òòíéè ì èþðáéèçí ì ìñéáííéè? Õáí, ý íá ÷áííòáþ ì èèíá è òíéúéí éíáèþ íòèèèè, á ííé òíéá ì èþðáéèíòíééá ò. á ì ííòííòò ðáçí ííáðáçí áéèèá <...>

Òáí áðíáéáí íá òáíé í-áðé í Ñòáí áíá (çíéáéíá³⁵).

Í-áíú ì íá ì ííðáééííí! (Þ áíáðþ ì èíéá, áááí òù ìáí ì èòáòù ÷òí á ááçíòá òáíý èçòíáíáéè, ý ááéá íá òòáé ìááíéáòù). È èíí ì íçéòéíííí, è ì í ì áòáðéáò (ááúé èç áðèéá òù áíòáúéè ç çáí á-àòáéííúá), ì í áááí íá - òí, ÷òí òù ááðáí ìááá ì ðáòù (èáé ìáí Ñò. Í áéí-÷) ì ðíòéá òáò ì íéíáíò áðáéíá, èíòíòáá òíòáéè áú ì áááòáèòù áíá 3 ááíýòééáòéý ì ìñéá ì áðòè «Óíá» á íááç: Í íéíáá! Áðáí è áéíí! <...>

<...> *Í eéíeae Óaeíí eádeò ańi íe :ada 3 ańy è ííaaçò yòí íeńń í. B íáaapńń :òí íí íá íòeáaeòńy ańyòú eáeíí aadń (aaáeńeé è eçaaeńeé a íáíí eéòá) - íe: ań ańeá ańńi íá íaańçòú ań ó íá daaapńń <...>*

Í daeáa ańń, òí: ó ííaaeòńy mńadaaeáíeyí è íań: aò Íaaaeía Í eéòá ídeńeáa í íá eíeaeéò n ańń y ańńaí è - n yóíe («Óńń íp...») è íòí oáú¹⁹⁹. Nòdańí, eáe ííeíeíeéò eçí ańeé aeńń íaeńy ańeí eó íaaaeíyòú Íadaay - nòdaeíay óaeía óaeíe aeçíe, aòíday - nòadeeíáeéa íá: oáíey ańaó ań aeóáíeéa, ań ańdańíe - íeaeé. Í ííòaaeńń íadaay í íá aeaeòńy aaaeíaeóae ańańe a eńńídeé nńi nńçíaleý aádaa è ídeaaóaańńíúó a Dńńeé. Níaeńań óaań: oú ííá íòeđńe aeçá íá nńi í nńańoáńańeá yóíe «ííáńòe». B òí: ó ííeáòú óaań nòòúp, eíòíðp y íáíeńeé aeý ódańóçńeí: aaáeńeíá aeóáíeá a Íadeaeá Í íá aeaeń aapń íí, :òí y óíaa (eíaa íeńe nòòúp) íá çíae í «Óńń a...» - ae óań nńi íá í ańńí ańeí ań!

<...> *Áúa nńíaa: eí eéòádaòóđíá ííòyáeá: a¹ 7 «çíáí ańe» ańeéa ííy nòòaeéa í Áaaeá*

Óań ańń - í nńa, eáe oú è íòńeóú

Í íneáńoáey ííadaeé ía eń: aeé è, ańpńń íá 100% è íá í íaò eń: aeíòú Í ańń aeaeòńy a ííaań óeííaeý, n eéòóńy n íeí è, íaó: eòóńy dańíaaòóńy óńí ó, :òí ańòú B è nòadaapńń Í deańeáíeá í íaó çáíyòú ańa n ííeńaa xòí ae aaéaòńí Í íeá nòadaapńń íòraayòú nńy - íá :òí ańa (óea?) nńíaań. Áíò ííneáíeé «ííaaeá. 16 aáńna ańaáe (íá í aeéíá) a ańeap ańońa Níadaa - Í pńoń (íeíeí 700 eí), í íe mdaaeòíò íí «Áađ: aeńeíí ó» aeóáíeé, aeçéò íá «Náí ańa» (ódań íá í ańń, òí oú y óań eííaa è ííyaeýpńń a yóeđá). Í íòí - ań ańaíeóú n xaeae (Bayerische Wald¹⁹⁷): óań (á ańdeáò: òeí eéaò) nńeé a íáíeńíada ídeeaóaaeé eç Áaeéíaańíá Eáeáań. Yòíò aáańeéé íòáúò ań ó ídańeçíaaeá nòday ídeýdaeńeéa, ańaóeé íòoáńńđ ańańeáey (íúía íá íáíeé) Óyde óńí Eeéań óaeńńò, è í ú deaeéé nńaòóńy óań ańa ań ańda Á Áaaadeé y íòíáúe óde íí: è è óde ańy, a çaòań ańíeé íá pā íá Eeíó, - ò. a a Áańòdep, - Áańó è aeéúoa íí: òe ań ańańańeéé ańaíeóú, a eđńońońíe ańońańeéí Bruck an der Laita, ańa ó íań ańeí íaçíá: ańí íneáańeá nńi íae Áeóae: ań ańań aeçú a Áańòdep íá íaańańú. Í ú íadańí: ańeé a Áóeá (aa! Áeóa ídeaaeá ííçáńí), íá ađańe ańńú ańadaeéńń ań Óńíòńíá (Aań ańeý), a ańa íaçáòda ań ađańańe, ańa íań aeáeá eáađòeđá a oeeáòńí ańí a, ídeíaaeaeauań ańańeéóeíńeíí ó aáańońoá Íańíííoaeńń a Íde aáańońoá ańòú eáòíeé: ańeay ańí íaçey, è Áeóaeíá ííaańań ídańíaaò óań eóaeńyńeé yçńe. Eáađòeđá - aa ò. a eáçáíay. Óań í ú íòraeéé, aeýy íí íeđańońínoýí, íyòú ańae, a çaòań ííá - a Áóaańaeó (íá aáòíáńań), a y a Áańańo (ańeúoa ońy: è eéeńí aòńa). Í í: ańeé, íá ańçaeay (çaeńaódań; íá ađańe ańńú ídeáúe. Í ońańa (á óíò ańńú) çá deań : ańńa ańńyòú Nòaeń ańòú, óeçe: ańeé (íá n: eòay maaeóe: ańeéò íáí deýońínoae) y íá óae áe è íeíó.

Íań: aò Áíadeéé, ò. a ańońaa (ańńoń: ííá) íá íáíeńp. Ó íańy ańòú ídeaeaaeá ań Óeídeáò (óí: ò a Í aeáí e) íá 1995-1996. B ań ańídeíeéíá ídeíyé: óań y ańońań nńa ańeíaa è íòí: óó4 eóńa, eóíaeauéa íp íòoáńeííaeńńp aeçíú <...>

Í íneáa? Yòí Naeá Ađańańeńeé eíeáaò n AÓÍ (Áađ: aeńeéé óí: ò a Í íneaa). Í íeá íe: ań íá daańí. Ańeé ańań, óí - ańdań 95. ań. Í í: òí: óí í íańí íeóaeńńí: «ííáńí eçáńí» íeéòí, eđńí a nńi eó nńy, íá íeaeá, a ó í ańy deçííá íaaeáòóńy è íáídeaeáòóńy íaò. Áííáńa è ííapáç íòeçíeéa nń ań ííeíeáíeé, ańeé íòaeíeá eóí eđńí è aáòídeòaaòú ańa ańa: óí è eáe: óí aáaeáòńy, yòí - eíádeéy, è óíeńeí. Óaeíá óí ańy íúońańeá <...>

<...> *Áí: íadańó, ídeáaò íò íáíú. Í íá ídeeaóaeá a: ađá è, íańń íòđy íá ańçaańò è óańde (òyaeáey íańeéa íò nńdań: ííe íańńoáòí: ííńde), mńaeđaòńy ańa a Íadeae. Óí: aò íòíáńòe ííáńańpńp íí: ú a nòíeéòá í eđá, a íá a eáeíe: óí çaòoáòíe Áeáíaa Ańeé íá íaeéò ae íaaaeííá íííó: eéa, íòańpáań ań Íadeae nńi. È nńi aeá ańoń íá óa aeá ííáńańeá ídaçáíeé a Áóaańaeó.*

Í çáíòrańań íeńaòú íá òí: ó: aeaeíaaòóńy - ańań, íí è óaaeéòóńy ía: ań.

Çaiyòuy? Àià è àià ðaç áááæááþñú ÷òí èì àòú ááéí ñ ðúññéèì è íá ñòíèò. Ýòí - á ñàí íé ì ýáéíé ðáááéòéè. Íí÷òè 2 ñáá íáçáá Èðéíá Í ðíòíðíáá, òíçýééá «Í.È.Í.», çáéáçáéá ì íá ñòáòíþ í ðúññéí-ááð-áéñéíé> èèòáðáòòðá äéý áóóòúáá «ááðáéñéíá íñí áðá». Áí áñòí íñí áðá ííéò-ééñý íáðúçíé èç òðáð ì àòáðéáíá (¹ 8) è ááç ì íáé ñòáòúè. Íááí íéñáòúáé ðáçííñú, àá èáíú

Áñòú íðááéíáéíéá íò òáéú-ááéáíéíá æòðíáéá, èíòíðúé áúíòéááò íí-áíáééñéè òáí íéíéé òí-éááðíéòáò è èíòíðúé òáéééíí íññýúáí áññò<í-íí>ááðíáéñéíé ááðáéñéíé èñòíðéè è èéúòòðá ííé, áðíáá áú, ñáááñíú íáíá÷áòáòú òáéòþ ñáðþ ñòáòáé (í-áðéíá) íí èñòíðéè ð-áññéí-> ááðáéñéíé èèòáðáòòðú. Ýòí ì áíý í ðéáéáéááò <...>

Á Í ñéáò (á Ááð-áéñééè> òí-ò) áñáòú ðáçòí áé. Íáááðíá òú ì áíý íñíéíááòú Í è ñááéáéúíí ááðáéñééá í íáññòé, íé íáúéá (x:íý è íòí÷) íá ááíòí íáéýþò.

Èáé-òí òú òáí, òú íí-èèòáðáòíðéè è òú íí-áéíáá-áñéè? Ñ èáí áéáéòúñý, ÷áí èíðí èòúñý, ÷òí ÷éòááòúí Í ñéááíéé áñíðíñ íáááðíýéá, æòí. x:áá òíéúéí íá íá÷áòáòþ òáí ó ááí! Ñ ééáñí òáéáé áí òéñáí èòíéòþ ýíííþ Áíáá Èðáñòíáéíáá «ðáí áðá Ááí áááéá» è ò. á, íáíá÷áòáíòþ - èáé á «ñòáðíá áíáðíá» - 200 000-íúí òéðáæíí. Òòò èì áííí òéðáæ ñéí í òíí áòé÷áí: áááú éíéáéó í ðí ðúññééá èñòí÷ééè «Í ðíòíðéíéá ñéííñééò í óáðáòíá» (á òíí ÷éñéá - è í ðí Èðáñòíáéíéá) íáíá÷áòáéè òéðáæíí 5000 (Ñ. Áóóáéíá, «Èñòíðéý íáííá í èòá»). B íáíéñéè ðááí çþþ íá Áóóáéíáá - äéý Èçðáééý, äéý òíá ñáí íá æòðíáéá, èíòíðúé íðááéíáééè ì íá íá÷áòáòú ñáðþ í-áðéíá <...>

Ýòí - í ðí çáíýòéý. Íí áááíúá (íí ðéááíúí ðáçéúòáòáí) çáíýòéý éááò è èííóá Á èíòíðúé ðáç Áóó ááí Èíñáò, íí æá Èéñíí Òðéñòíñ íéáçíáááòíñ ýðíáíáíá ñ áðóííá! Áñéè íñí íéòú ñéáçáíí (Èóéá, 23.34): «È ááééèè íááæáú áá, áðíñáý æðááéè». Ýòí - ííñéá ðáñýòéý, í ðéí ñééò éááéíááðá. Òáé è ì íé «íááæáú», ò. á ÷áñí íááí ááðóçéè, óéá ðáçáéáíú è òðáí ñòíðí èðíááíú, òíòý ì íá ñòááòíñ áúá 1,5 ñáá áí èííóá ñééáú <...> áñéè íá èçí áíýò òéçééá è òéçéíéíáéý... Ñéíáíí - íááí áñòíáéòúñý è òíí á ÷òí áóóáò «ííñéá». Èííá÷áí, ÷áéíáéè íðááí íéáááò, á ñááúá è ò. á, íí, ÷áñòíí áñáðý, ý íéíòí ñááí ì ðááñòááéýþ ñáí íá ñáý íá íáíñéè <...>

Í áðéá.
1996 ñá

37. 16 ýí ááðý 1995

<...> Ñáðííá ííñéá ì áñý÷íé çáááðééè, áñ-òáéè íòíðááéè (íá ñáí!) òí, ÷òí òú ííñéá <...>

Íáñ íòðý íá ýòó ñáðííáéòþ íááééòáòííñòú áíéááí ñýòú íáðá í èí òáíéó çá ñòáòíþ á «Á<ííðíñáò> è<éòáðáòò-ðú> í Í óéééíá ñòáòíñ ááéñòáéòáéúíí çáí á÷áòáéúí áý è íí èñíéíáééþ, è íí çáí áóó Áéááí íá ííæáéúé, èì áííí íí çáí áóó, íí íáúáí ó íáí ðááéáí èþ í ðááí ðáæááí éý, íáðáúáí ííá è èíòáéééáúíéè. B íáðááááé Ááíó ñáé áññéúáééý è ííçáðááéáéý: Ýéòáí Òéíéáéúòáéí áñòá÷áéñý ñ íéí á Í þíóáíá Á ñáíá áðáí ý Ááí ííááðéè (íáðáñéáè ñ èáí-òí) ì íá ñáíþ éíéáá÷éó í Í áíááéúòáòá, èíòíðáý ì íá í-áúú è í-áúú «ííéáçéáñí». Òáé ÷òí ý áúé áñòíá áññéòéòúñý è íáñéáéòúñý, èíáá Ñáðáéá áñéíáéè ì íá ñáéè ííááðíé - éíéáó Ááíá í çíúáíéí. 600 ñòðáíéó! B òóò

αα άγγεγγ γα αααί, γα :οαίεα Έ ιί-οε ηθαο άγγεεεί ηθαίίία ηυοαίεα: γαί α-αοαεηί-οί ηίη γαί α-αοαεηί, ηί :οί-οί ηεεεείη ηίη, αθίαα αύ. Έ :αί ααεηοα γ :εοαε, οαί ηεεηαα ηθαίηαεείηηη ηοί ηυοαίεα: ίαο ία ηοε 600 ηθαίεο αηηθαοί-ίί ηύηεε, αηοη ηαοαεαε, ηαεαίηε α εο-ό είοαηηηε ηαί ηί ηαα, ηί ία ηθαίεγαίηε, εαε ηεαίηαεη αύ, ία ηοίηι εοθαίηε ηί γαίηαί ε οθαίηαίεη «ηθαοί αηίηηε ε ηηθαοίηηε».

Έ αηαηα: εαε-οί οαε ηηεο-εείηηη :οί, οαεαίεα εβγνι οοη, ηαηααα ηεηαί αη ηηαηαεεα εο ίο ηαί ηεηίοηεγ, ίο ηαγχαοαεηηηα εοεοε-αηεηα άγγεγαα ία ηαί εο ηαγ. Ί αααοί, ε ηοί οαεα ηθαίη ααηαεηηηοη, ηί γ αηαηα ηυοοεε ηοο ααηοαααοίηηοη α ηαηι ηί οηί α οαεαί οεεαηα ε η-αηη αεεεηα η ία Ναηίηαα

Άαοε αβεεαοαίε «Ί αη ίθαεε-αηηαεοα» :εοαη η ααεε-αεεοει είοαηηη. Α οί, :οί οη ίαηεηαε η Έαηαεα, η αηγ ηοηηοί ηηοηηεη. Έ η ηαί ηη αηηηοαίεε, ε ία «ηοεοηοηα» Οηοη ηγαη Άηο, ηθαίη αηοη :οί είοαηηηαο η ηεηαηα ηηεηαίεα α ίαοαη αηηααοηηαίηη ηηοεηη ηθαεαα αηηα: 5-ε ηοί εο! Οη η-αηηεεοη ηοαη-ααοη :οαηοαηοηη οηοηοη ηηαεαίηαγ ηοηηοη<...>

Αηε - ηθαε αηηοαε - ε ίαο «ηηαεη», Έηηεο Αοηαηεε. Οηαα - αεα αηοεο. Ναηαεα η ηαοο οαηηεαχαοη ηηαοηαηα: αερεο Ί ηε ηαηαε ηαα (Ναηαεεηηη) αη-αηη α οηηηηη εοαεα

Β ηηηεαη ηαη ηθαοη (είοηοη ηαηεηαε ηί γαεαο «Ί ηαηα εεοηαηα» ε είοηοη οαί, ο Ί οηοηαηε γαηοηεα) Ναοα Αοηαηαεηηηη ο ηηαοο, ηη ηαεαο αεγ ίαα αοηα η αηοη. Β ηηοοο αη (α ηεηη α αηηοηαηεεηαεα), :οηαη ηη ηηεαηε ηθαοη οααα<...>

38. 7 февраля 1995

<...> Νη αοηαίε ηεηη α ηηθαεαίηηα η Ναηαεαε 3 ίααεε ηααα, ηε-αη ία ηηεεηοεη. Αηεε ία ηε-οαοη εηεε «Ί αηηααηηε ηα. Ί ηεαηεε ηθαεηηεε οαηηοαε», είοηοη Ναηαεα η ία ηθαεα:

Β οαεα ε εηεα Αηοηαηαηεηα (Ί ααεηγαοηη εοηαη) ηααααεε ηοηαηη, ηη οοο ηαηαη αηε οααααεαί. Ί ηη εη ηεαη αηοαηηα, ηη-οε οεεεηεηαε-αηεηα ηηοαηηα ηηοεα αηηοαεαίεγ ία αηαηαηεε ηηεα αεεεηα ηαη α ηηαα ηοοα ε αη ηαη-αηηοηηο ηηαεηηαα - ηαη α ηαεγαεηηα, ηη ηο ηοηα ηε-οοη ία ηαηα οααηηα - γ ία ηηηεηαη οαεε εηεε. Έπαηα ααηηοαεα ΈΑΑ αηοη εηαε η οαεηοεαεα, αααα 100%-ηη οη-ηαγ ηθαίηαηηα ηά Ί ηοηο :οί αηαηοηο ία εβαε, ηεεααοαίηα ε ηεεααοαεα ηαγ, αηαηεο εο ηθαα, είοηοηε, εηα-ηη, ία ηηεααο εο α γαεα «ηηα». Έαηε αα ηοη ηα - ηοη ηαεα-αηοαη ηο ία-αεα αη εηηα, ε αηηοηα ηε-αη ία εο-οα Οεηοεοα. Έ γ αηα οαε ηηοαεαη: γα-αη ηοα εηεα? Έηη ο ίαεηα ηοα εηαεη οαεαγ αα οη-ηη εηαεη, εαε ηηοηεηεη η ηηεηαηεεο ηηοαηηα? Αηα οηη α «Ί οηοαηηα» - η αοαεαε αεγ αηηοαηα εηηοηεα, α ηα αεγ εηεε, αηηοηηε εβαηη ο γαεα «Αοηοαηα», ηηοηη ο-οη αηαηεεοεηη αηεηη ηηα ηαί, εοηαηηη ε αεεεεη.

Οαη η αηηα ηοηοη ααοη α Δηηεη, αα αηα ε αη α ηαηε αηηηε εο-α οαα ία οηεηε Ί οηοαηα ηη γπαηηαηη, ηη ε Αεηηεη, ε ααοηοη «Ί οααηη» Ί αεηεη ηα³⁸⁹, ε ηαη αεηοαη Νεηγαηεεο, α ηθαεη αηοη ε αοαη αεηεη ηαα Αεηηαηαηα³⁸⁹, ε «ηηηοαεοαεε» ηοηε ηθαοηηε εηεε, ε... ε... ε... ε...

Ί αηηααο! <...>

39. 21 ηαί ογαδγ 1995

<...> αηαε 3 αηγ η η (ο. α Αεαα ε γ) οαοαηη α ΝΟΑ: Άαοεηαοηη - Ί αεαί ε - Αηηοηη. Ααηη αηη γ 6 ηεογαδγ <...>

Άαοεηαοηη - ηοη Έαεααί.

Ί η ηθααη αηηοη (γ - αη αηηεηη ηεο-αα), ε ηααη αεααοηηη εαε ηηαεηη :αηα αηεε αηοη ε οηη ο ηεο-αε. Νεο-αε (εεε, ηεηοα, ηθαεηα) - «αεηαηα» ηηεαηεα α Ί αεαί ε, αα γ (ΑΑΕ⁴⁰⁰) ηηααο

1996-1997 ó. *ἄῃ Ἰίε* (ò. á i aeàì ou - eaeiàt nēiāa-ei!) iōnōāāōēē íá Á-á ānōū nēiēuēi āēy iōāāādeōāēūi íē ānōdā-e, íí, i dēi ādīi, o dāou í a eō (n. Eōeae) āiōi xēi uō dānōiāiāi fēdūōu i íaeíi. Eōāē, iōiāōāi ó Nāi ē nī ōiāē 3 āiý, i íaeō áuōu íāāēb, ōēēēi āāi bōiāi íā ādōā Pōi, ēiōiōi ó o íaeā í íā 70 (Nāi uēā - çā!). Áiēuōá íēēiā āēāduō oāi íá oī-ó (íai dēi ād - Áūy Eāi ēi nēāy ē Eīnōy Nēi ēn Áān Í aāē. Áēiāi íā) ē ōiāōāi, ÷oī ýōi - āçāēi íí.

Óēi dēāā - ýōi dāçāiāōi nī āēāi íi, çāā íōāāēāi ēāi ē, āēāi uī íā dāçīi, nī oāi, ēōi i āiý i dēāāēē, - eçāēēūy i ēi íi dīāi eç çāēāōiāōiý, ōōāāōēi āāi uī - āāi í á NōÁ ē - i íaeō áuōu - oāi í a o dāēēçāāōēi ný. Íí çāiēi āāōiý āi āēēēi ē ē íai āēēē ēēōāāōōāi ē (á ÷ ānōi nōē, ó íāā ānōū ēiēā í Eīçāōā Dīōā), íí ē dūiēē íá ādāçāō (dūiēēē çāāō ōiōiōi). Áiō nī iēi - oī íaeíi āōāō āiāiādeōiý í oīi, ÷oī, nī ānōāi íi, ý āūō āēāōū, ò. á ēāēēā ēōōi (āiāā 4) ÷ēōāōū á oā-āi ēā āāō nāi ānōdā ē ēāē ēō dānī dāāēēōū āi ādāi āi ē. Íí ānōū āiā nōiōiā āuōiāāy: ādīnēōū i ādāiē āçāyā íá āi çī íaeí uā ēāāōēdū. Óēiēū (dāçī uā) āēy āāō āāōāē ē ādūēā āāōāēē āiōā

Ái nōi í - ýōi Í ādēōā ē āi ōēē <...>

Íēōō oāāā á Eīçāiā, āā iōiōiāēō ēēiāēēnōē-āiēē ēiēēiēāēōi íá ēiōāāiōç (āēy i āiý!) oāi á «Bçūē ē íāōēy». Ōnōdīēōāēū i dēāāēē Eōeō (íi i íaeē dāēi i āiāōēē) ē i āiý - á ēā-ānōāā i ōēā. Ýōi í-āi u çāāāi í (āi nōōiāōū á ýōāēi ēā-ānōāā), íí, ēāçāōiý, ý dānī ēā-ōiū çā āā ānōāi dēēi nōāi nōāōiēē á nāiōiēēā, āāç āēāiā āi nōōiēāi ēy. B dānīēāçē āi ó (iōiōiēōāēb), ÷oī á 1911 āāō ē i íçēā ōēē ò. íāç «nī iōū í ýçūēā»: ēāēēē ýçūē n-ēōāōū íāēēíāēūi uī - ēāēō, ōēā íāēēdāāōēē íāāiā nēū ā íāēānōēiā (ēāē dāçāiāōi uē) ē nīāēāōēē íāāi í uē dūiāē á ēā-ānōāā ýçūēā ēēōāāōōdū (i íāā ēi āi, íā-ēiāy nī āyēēēā), ēēē āāēāēō, ēiōiōiē āiē āiāi íi dānīāōā Íí íá ýōēō «nī iōāō» āāçā íā nēūōāē. Áiō ý āi ó ē íāiēōō <...>

Íēnōūi ōāēāēāō, iēōāpūēōiý ōdūiāi ē íāōēō i ó-āiēēíā dāçāi āē. Íá oī-ó i ādōōú íā nāiē dēēē, á íai ýōūiōōā ē íá íōōā Íí āiēē āi ōū nāi, íāēi íāiēiāē, á? <...>

40. 12 āēāāōy 1995

<...> B í-āi u āāō āiāā nī ōiāiē. Áñ i āi uōā i nōāāōiý íānōiý uēō nīāāiāiēēíā nī ēiōiōi ē iōiōāē ÷āçç āēçīū Íāi ē ōāēēēēnī āāçāçāōōi, ādūēā nōāēē ādūēi ē, āā ē nāi nōāē ādūēi. ×ānōi āū āp í Áiēiāā Nī ēdīiāi āyā ēē i ū ōçīāēē āi nāy i íēiāiō ā nīāā í u íāōiēō, āyā ēē āi íāōēē nēiāā ādūēānōāā, ēpāāē ē āçāāiē-íiē āçāēi íiē nēi íāōēē, - ēāē ēiāā-ōi.

Ínīēāp oāāā āiā íāēōiēíā eç āiāi-āāāēiēiā āēāíāāēūiēēā Ōāi ēēēy i íāçdēōāēūi íāiíi ēiāāō ÷oī-ōi ýōāēíā, oāāā íá ēāçāōiý? B āiāāā āiē ōiāōāi, ÷oī ōū i nīēōū dāiēpōēi íi uē i nīāi íēi oāiāā íōōā. E āāōā - Í ēdīyí Eā dāēiāā <...>

41. 21 āēāāōy 1995

Ádūāi íē Í ādēāōā!

Á ÷ādīuē āāi, iōiāēāōēē Ōiā, iēōō nīāōēíā i íçāāāēāiēā nī Ōāiōēiē, ēiōiōāy á i íēiāēíā, ē Íiāi āiāi, ēiōiōiē íāāēāāōiý. Íēān íōi dāāēē oāāā i dēāāōāiēā Íí āiēāi í āuōū ōēā ó ōāy - ēēē íāi nīāānōāi íi, ēēē ÷āçç i íēiāiā ēēōēēā Áē-āāā Ádūāi āēiēiāā <...>

42. 29 i ādōā 1996

Í ādēāi ōēēā, āiōiāē ādūā

Nīāēāi çā āñ! Çā āiā ēiēā, āāçāōū ē āi dāçēē! Áñ, ēiōāāi, á Áiíāāāi ēi - āāiēíā çāiāōēē ēē ōū, ÷oī āā ēiēā i íēíā íiā-āōiē ē íōēāiē? Íiā ē íōēdūiāāōiý ÷āiāēūiē āāçāāi íōi nōūp: Çiēē, ií Áiíāāāi ēi, āiē ēēōēēi Nīēdāōā, ōiōy āñ, ÷oī íō íāā nīāēi nī - ýōi āā iōiçāē uā: «Áē- Áií ādā». Í íā ēāçāōiý, ýōi nōiēēi āi ēnī iēyçíāōū..

<...> Áēāē nīāēōāēēū Íiāiāiē-ēi «Áāi ēāō» (çāēēō ōāōdā «Í á Í dāiā» i dēāçēā āiā ōāiē āādū, á āiōdāi dāiādū - i íē nōāōiā çāēi uā, ōāē ÷oī i dēāāōāiēy āiēē ií i āi uōāē i ādā nī āāō nōiōi). Í-āi u ōyāēāy āiēā dāiāōā. Áñ, āiōā āiēē íá i íiýōū ōi iōi nōēōi ēōiēē eç «Ōdāō

ó i aiy anou «Á-d Eeaaá», «Áieeá i otiatá», áá Níeaa («Áieeí» é eóte «Áobeiaaa»), «xíieí» é «Í aóaa». Í:aiú íaaápnú ÷oi ía i otiouéiáúú, máaa oúo ía éiíedaoíúá daqatú. Nóaaúo qáúú oúoúeé, áaa:aiúé, áaa:aaoué. Á ÷oi anou íaae:anóaaíúá áadeeé (íaeí íeéíáá ía méúaa, éoi oaeíé Éaiéí), oae áá éó íaó? Á oaeíi íieai anó n:eóap í aeai íeéé íúo íeíaa ííeíaeóaaúúú <...>

Í ú (ó. á Eeaa íaaúú y aaúú é íepny) méi aai í aeé:oraaiúé aii á máaaíá aóíá, ó. á ía ía áaaá íeaiá, íí é ía á máí íeóaaúúú éaaóaaéaa. Yoi, eae ÷anóí á Ái aóeá, máí ínoíyoaaúú ía (aai éíeúo daóeai ía) ííneai eá, méíou íaííyoaaeííá <...> n aeai úú é áaaáúúú é áaíeú eéé, n í aeúú áaeaaíeai. Ó. á í íaeíí áeýou ía qamúy eáéé. Éúieé í aeéí; áa: yoi ía qáúú «íaeúy», oúoy y áaaáí, ÷oi áííeí í íaeíí <...>

Í éíeaeá (í íae) ⁴⁰. B ííneae aoi aó n íoéaqí ío máíídaá, eae ííeíaeai. É, daae áaá ínyoiá, qaaúú ía yoi. Áúeaaó - oúoúeí, íaó - oíeaa oúoúeí. Íe:aa yoi ía egi áeó á íaúai áaeai ía Eeóú é áúeaaóú íaí ííá áaeíá é eíóaaííá. Áíí áaaé Náaaé Náaaé:, Áaaóeíóaa ó. á, - é íí, áaaíyá, yoi ííeí áaó-íúoúaaó, á eae eóaa eae ÷anó íepaeá aúé áp aeéú <...>

Áaa íeíáá á íoaaó ía oátp «áaaeíeé ÷anóú» (Áaíeííeé-Áaaííeé-Áaaó-etc). Íeaaáú é íeí Péeý Áaúáíá, áúúáápuáá íaíaaéúú áaaé ó aóíá áú máaaíeéíá áaeííú eaeííeéíá Náaaé íeaeó ía íaí oúoúeí qe áeíínoú eíúo eíaeaeáíá (ídeí ad - Íeoa Éíqaeíá íí íí, éúoúe, é ía áaaé, á ídeí aqaaeéíy, áaaáaaeé á Eqaééú ía aeaiá íoaa, íí áaa-aeíeéí > íííyoéyí, ía á n:áó), eí aai áaa aqí íaeíúo íaíyííáíeý, á eí a íí - a) Á-aeíy áeý (áíeé oí:aeú íí-eíííó - Eqaáííeé Íaáíá), a) anóanóaaííeé ííaaíó (íí Áaaéíó). B íaaíí:eóap aóí oúá áí aqéíí íeó:aa - á íoííoaíeé ííaaó aúoúeé: ííoaíeae aeóeai ínoé, íaeííeaeéíy á yoeó áaeúaaó, íaóae máá aúoúá, eae oíeúeí íaíyáeaaíí oúá:íay (aeý íeó é aeý aeóeai ínoé) íeóaaeéy. E Óaqatíáá y aú íoíá ípáá ae: íí áaúú oíó-aeqíáá íá. Á aó Áaaó - ímáíí noaaúy. Óú áaaíeaeí íaóaqí ííáí aóeé: íí aúé oóó, íaíyeeaeéé eí a íí oó í aqé, eí oíoy íoaaeaaíí oíyaaáí, áíá á «Óaeíeé» (Íaíeéíáe<eé>), ó. á 35 eáó íaqaa Í:aiú oíoaéííú áú íaíeínoú í oúíeí-aa-aeíeé > eíóaeéaaííeé (é «eíóaeéaaííeé»), ío eíoíeíá ía-eíay. Níaaóaaíí ía eíoíeaaó y é íeíae: Daaeííáe:, Éaaáíáá, íí ííe-oi áaeé áaúá ía-aeí, á eíoíe, áaaóíeé é Áaaííeíííó é Óaqatíáá - Ádeaaéé Áíáíá eae í ía aeaeóny. Áaúáí aeai é í aeí-í aeúíeé á oíoi á - ííí oíay máaaóú áaaeai úá é aeaeéíoa:íúá máaaíeý í íaí ía í aúá, ó. á á Í <ííe>aa é É<aeíeíáa>aa Í íaeó aúou Áíáíá íí íaeó eó:oa íííyoú oaeéá áaeíúá é ía máaaíí méí íaóe-íúá yaeai eý, eae Náí íeéíá Í anóaaíe é áaeai áíeíouáí Áaúá íá Í íoyí - íoíeaeó ííeai anó, ía áíeaa

Á aeéaaeéaa í aúíídeýoéa - íoúaeí á Eqaééú é íaóaaóíí: 6 oáaaeý í áí á nóeíáó 85 Éa:ó oíáí íá 5 áíae <...>

Í íneai eá nódeé («Á ííneai eó nódeáo í íaa íeíúú á...») íínyoeí eédeéx í ú nóíátp áaaeíú 40 eáó: óú ííyaeéy á Áíneóá á 56-í? eéé aq-aaé á 57-í? Ííeaeéíe. Íaó - áp aeéú É oíoy íaóe ííúoú ía máííaaáó máí úí máaaíeéíú íaóaqí (oúoú á - eaaáú - qaáíeéaa - ...), y áaaáí, ÷oi áaaáú ía nóaaínoé eáó ó íaí a íeíá íaeíaeíáí: ía oúoúáóú áaaeaaóúy, daííaaóúy oúí q ÷oi ínoaeííú ía íeéoeíí oííeíáóú íí oúí q ÷oi í eííaaéííú Néíáí - oáíeóú é eaeýou aeéú á ííóíí oúoúaaóúy máaaíeóúaaí Áeý íay é aeý aeééé. Í a íeap oáay é Éóú

Óaeí N.

46. 4 áaaáay 1997

<...> Éoae, áaaííá - óú aii á B emúoúaaáp aeaa (íaíáíí íaaííúe) íaááí a íeú eóap, é n:anóeéa qí oáay, ÷oi óú a ííeíeéy. Íí ÷oi ínyó yneéai ú? <...> Íaíí í:aaeíí: a íeé óú oí:aeú í íaúoú aúá máaae aeaiú, - áaaé a íeé yoe aeaiá Í adé qaáaaíá é Eíneó Éíaqíí, ía áaaíy aeá í Áaú-Áaaííeíí! - aáú ínoí oíeai é ía qaéoi aeíy. Ía qaéoi aeíy aeá íeéí óú eíó, í oúo oáay ío eí a íe anó nóaaeaaó, íaí aáú oae í aeí aeá ínoaaóny! Óú íaí íoaeí - ííeí é yoió yaeínoé: a íeéé eéé: Áaaíe íay, a íeé ía daae íay, oí daae íaí daae í ay. Óú ííy, íeaa?

Í q, áaaó íaí oaaeai eé é qaép:aeé, íaaíeaaí é áaeá

Íaííeííaaíeé nóaaóú í aiy ía daaaó, y íaaíí:ae áú daaí oaaóú ía daae áaaíá íí daae eííoaéóíá n í íeíáúí é, má nóaaíí oai é (aí oí:ai, áaaé é ía í:aiú í íeíáúí é, áaaéé nóaaóúe í íaaí

Ουαι ουαι Ιαν-αο Ααοιδα Ια ου αι α α ιι οααα αιεααι αυου αεααααοαι! Διοαιρεγ
Ετοαεετα - αεααι ια οεδαοαιεα ιιι αα Ιι, α οαειι, αααοεα ιααααα ιοααααυ. Ε γ δαα, +οι Ααοιδα Ια
ιιαιγυηγ ε ια ιιηοααυηηγ ιαα-αοαου ι αοαεε Ναγ Οδαι εετα (ιιαιηοααιι - ιαααα-αοαου εγ
εαεεοιριεεηε «Ια ιδαι υ» - ι ααηετα ιηοε αηεεε αηοδρεου αααεηεφ αεαα ια αααοαι ΝΝΝΔ ε ι
ιααοιαι ιηοε αιαεδαοιηγ «ια αιεφ» <...>

Οτοαεηηη αυ ιιιγου +οι ου αααι υααου εαε αεααι ια οι αααοιαα +οι ιαι ιηοααοιηγ?
Ιαν-αο Νιεαα γ ιιιγ, ιι ια ι ιαοο ιηεαι εεα αυου «αεαα ιι». Ια αοι ααου εε ι αηηηι ειατεγ?
Οααα αηου +οι (ε εια!) αηηηιεου - ιδε αηεαε, +οι ια ηοααοη ηαγ ιααιε-εααου ε
εηηηεδεοιαοιηγ. Ιδεοεα ιηοα ιαααου ειαα ε οη-ιυα ιαηοιγοαεηηοαα, δαου ααοιηγ, ιδε ιαηηι
ιααοιαι ιη αηεαε - αηε αηου ιοιοα, ηαααεα οια, +οι γοι ααεηε ιηεαηη. Ι ια εαααοιηγ ααεα
+οι ιαοε ι ηεηαυα ιδεαη-εε ε ηηεαηαυ α-αοααηηι (Ι εοεα⁴⁴, ου ε ι υ η Αεοαε) αηου +αηου αααι αι ε
ε ι ιαοο ιεααοιηγ εηι ο-οι εηοααηη υ. Β αε ια ηαηηφ ι Αηηεοα ααηι αι ιηηεαηηαηαηεεο (ι ηηεα 1956-
α). Ια οηεηε Νο-εηα ιι ε ααα Ναδαεεε (ααηα Ναδαεεε?), Αη αεηηηηεεηα ε Εααηηεη - οεαηηι α αηηοαε
ηοαηε ιαηηηα-ιυα

Νεηαιηι - αηεαηε, αηεε αηοι-αοιηγ <...>

50 21 οαααεγ 1999, Ιαδεα

<...> Νιαοο ιοααοεου ιηοι ο +οι ι ια ι-αιυ ααεηε οααεου οαγ (αα ε Ναδαεε⁴⁵), +οι
αυ ιαα δααεδουα ια ι η ηοαοηφ α «Εααηοεγ» Ιαααεαοιη, ε ααεα ιααοιη.

Αη-ιααηηο, αηηηγ ι ηαηε ιαιδαι εδαηηηοε ε ιαιδαι εδαι ηηοε ηηοεηηι, γ εη αφ α αεαο
εη αηηι ιδηοεηα, εαα ια αηηαεο ια οηεηε ηαηηαγοηεε ααηυ ιη ε α-αδαοηεε ια αηηαεο - αη, +οι
αηεη ιηηεα 6 ιαδωα 1953-α. Ααεεαγ αααεαα, ηααααααοαηηγ ε ηαααηαγ Νοαεεηηι, ιια
ιοααοεοαεηηα αη αηηο ηαηεο αεααο ααεηηαεγφ οαηηηογφ. Ααεα α οαη, εααεηηηι αυ, ιαηηηδαι υο
οαηηηογφ εηοηηα εηια-ιη αα αηεε. Υοι ιδηοεηα ιαοηαγυαα ηαα ιηεεηηηεεηα δααη υο ηοδαη αο ε
δααη υο ηεηγφ ιαυαηοαη, ιια ιηαοηδηφ, ιοααοεοαεηηι, ααεα αηεε ι ια ηεαεοο, +οι γ ια ηη δααηεεα
ε αηεε γ αηηαεαηι ααοο η γοεηι αηααεαηεαι (οηδαιηι) ηααηεοδηηγ. Ιη ιδηηοαεοαε ιδε-εηα
οαηηηηοε γοηηα ιδηοεηα ιαηοηεηεη ηοαηεαη υ η αα αεαηαηι ε ε ι δαεηη, ιαηοηεηεη ιαηοααεηι υ ιο
ηεο, +οι ιδηηοι ιααηα ιαηηι ιδηεγηηοε ιοδδ-ηηγ ιο ιαηεο, οαααεεαγ αδηαε

Ιαεηγ ιηοαοεου «Ν-αηηηα» Ιααεαηεη, ιη ηοδαηεου «Νηοοηεεηα» Ιαηηαηε. Ι ια ι-αιυ
αεαεηη Ιαηηαη, ιη, εαε αηηηδε ιαδαιε εαηηεο οαηοαε, ι υ αηα ηαηηηεε ε ηαεηηαηεεε αεα οαη, +οι
αηηαεε ιαηεηι ε οαη αεα αηααοηηη ηααηαηε, εηοηηαγ ααδωαεα ιαηι ε, εαε οηοαεα Α γ αυ ηαααεε- οαη,
+οι αηηηδου ε ιααααυ οεε εαηηαη ηεηοι-ηεεα: ε Ιααεαηεη, ε Ιαηηαηε, Αεοα Ιαεδαηηαη Οαη...

Αη-αοηηοα Ιαηηου ηη-ηηαη ο εαηαγαο ια ιηα α οααα Εηηα-ηη, γ αηε ηεαηηηι α
ιαηηεηηα 18 εαο. Εηηα-ηη, «εηηη ηηηεοου» αηεε ιαηηε ηοεδηοηε αηοεηηι εδεεηε: δαηηοα αη αηεη
οεοη-εδηοη, ηεηαα ια αηεε ηεααηυ. Ιηηεα οαεεηηοα Ι εοηηηα αυα αηεη ιδηαηαεαοαιεα Εγδαεγ ε
ιαη ααεαηηα ιδεαηεα αη Νηαοηηεηι Νηαηηι. Α +οι Αηηοοαεηα⁴⁶ ααηε ηη-οε αη ηηεααα αη ιοαα, γ
ηεοο α ηοαοηηα ηαη, ιη ιαηδαι αηηε ηαγφ ι αεαο γοεηι αδαηηοηι ε οαηοδαιεηηι ε εδεοεεαηι ε ια αεαε
αυα αηεα. Νεηαιηι : ααδεοηεεε ια ααδεου- οαηα ααεη. Β ια εαο δααε εδαηηηα ηεηαοα

Α-οδαιηεο, εααηε, ιη ου αηοοηααουα εηηοεεεο ηεηαεηε, εηαα ιηοααοηηγ ηαγαου ι ια
αααηηαηηα ε ηηεηα ιοδδωαηεα ιδηοεηα ηηααηαγοηεεηι ε ιαεεεαοεγηι ε. <...>

Αηο οααα ηηηεηε ηοεδηαηηηηοηφ ιοααο ια οαηε αηααεαηεγ. Β ηεεαε ια η-εοαφ εο
εηηεηε αηηηεαηαε εηηοαηοεε. Β ιηα αυου ια ιδαα, εαε επαηε εαηηα Ιη γηηηοο οαγ ιδηηγου αη
αηεη αηεα +οι ιηε ιοεαα ιο επαηα ηηα η εηη ι οηεηοαι ε εο εαηηηαεε ηεεαε ια ηαγαη ηη ιαε
δαοεη ηηοηφ ια αηααααοηηγ. Υοι ααα ηααοαηηηι δααη υο ααα ε δαοαηεγ.

Αηηηη +οι Ναδαεα ιδαα Ιη αηηδεο, +οι ι υ (αη, α Βηηηεε, ε γ, «ια ηηεγφ», ια εδαφ επαηε
ιαοεηηαεηηηε ααεηηοαεαηηηηοε ε ι αη οαεηηηηοε) ηη ιοδαι δααηηι ε αεααηι ε. Ο α ηη ιοδαι, ι ιαοο,
ε ιαεηαεηαη, ιη αεαεηι δααηηα Οαε εεε εηα-α ιη γ ηαγ αεηηαηηι ια +οαηηοαφ, οαη αηεαα +οι ηε
ηααηεοεαηη, ηε ιαηαεοεαηη, ιη ιυηαοηεηι ααηι αηαη, ηεεαεηηα αεγηηεγ ι ια ηεηαη- (ηοαηηαη-) εααηηεα
ηηαεγου ια +οι αυ οη ηε αηεη ια ηηηαηη. Ιαηεηαφ. Ι-αιυ επαεφ. Ι-αιυ οη-ο οαεααου ε
ηηαηηδεου

Élía-íí, aúteé è áðúæá íáðáíáú, áíéúæá íáñí íúá ááæá (Í éóðáðð), è ííí áíúæá ñ ðáçí úó ýçúéíá íí í íá íñðáæéñí áíðíæ òá ÷òí íáçáæé áúæá Ááæá ííéðíí áíá Óáéòááí ááðá «Der Tag wird Kommen»^[53] (íáðáð ííéíæíó íúáæáá Ááðá Ííéáðíáí à Ñòáí áæ÷) á ýòíò ñí èñíé íá áðíáèò.

Èñòáðé, í ñòáðééð áðúçýð-íáðáíá-éæá, èíòíðúí ý í ííá íáçáí íðíóáñíéíáéúí í (áá è íí-áðúæáíéé, íí-÷áéíáá-áñéé òíæá íí ýòí óæá áðúáá ááéí): íá çáçáúí Í éé. Í éð. Èðáéí íáá! È óó æá Ááðó Ííéáðíáíó! Ííá áúéá æáíí áæééíáóóéý. È Áíáðáý Íééíæáæé÷á Ááñíáá^[54]! (Á éáééð-òí «Óúíýííáíééð ÷ðáíéýð», íá ííí íð á éáééð, Í áðéýòðá ×óááéíáá íáíá÷ðáæá í íé áñííí éíáíéý í íáí. B ááí áíðý÷í èðáéé.)

Ñíáíòááí íúá íéíáíéý.

B íá÷áé íéñòú «ñáíá» èç íóæáú. Ó í áíý íá áúéí ááíáá ááæá íá òðíéééááú, è ý áðúçý çá èðáðð ðááíóðá Íáíá ñéó÷áéíáý çíáéíí áý íðááíòááééá í áíý ñáéí çíáéíí úí á èçááòáéúíòáá «(Áíéúæ.) Ñíá Ýíóéé-æéý», ááá ý è ííóáé íí ðúéáí, ò. á íí ðáááéóéýí. Í áðáíí í íéí «óááááðíí» áúéé áááíòé çíáéíá í Ñíéííá éáé í ýçá - áíááæá è ñòáòúá (?), èíòíðáý íðíóíáééá íí èñòíðé÷áíéé ðáááéóéé. Í í ýòí òááá íðíñòí áéý áíáéáíòá B ííáðáááòúááé á èéòáðáòðííé ðáááéóéé (Èááí íá Ááðúí áí, Ááéééí) - ááí èðáé ýéñòðá-ééáííí, è á òááòðáéúí íé (óáí, çááúé èí ý-íò÷-ðáí ééèð æéááíááòáéúí éóú, éáæáòíý, Èéòáéííáá). Í í ííáðíðýð: ýòí - çáðááíòíé, íá «ñéóæáí úá í óçáí» í é á éáéíé í áðá

Í á áúéí «ñéóæáí úáí» è èíííóáí éá áíéðúá óááíæáíòááí ííá íáðáíáá, òíóý ý íéñé íá ýòó òáí ó áíáíéúíí ÷áíòí è ááæá áúé ÷éáííí ðááéíééáæé æéááíáíééá «Í áíòáðíòáí íáðáíáá». Í áðááý ñòáòúý íáíá÷ðáíá á áúíúéá «Í áíòáðíòáá íáðáíáá» çá 1959 áá «Óáíðéý» è èðéòééá óááíæáíòááí ííá íáðáíáá áúéé áéý í áíý ñíñòááííé ÷áíòúð í íáá «ðáí áíéá» - íá áíéúæá íí è íá í áíúæá Óáé ÷òí ýðéð ñòáðáé ý áú á èçáðáí íúé ñí èñíé íá áéèð÷éé.

Í á áéèð÷éé áú, ííæáéóé, è íðááéííáéé, è ðáááíçéé (èç «Áííéáé» è «Í íá í éðá»), è ááæá ñòáòúð «Áíóé÷ííñòú è ñáðáí áííñòú» á «Í íá í éðá» (1968), èíòíðð óááééé Ñíéæáíééóúí á ñéó÷áéííí òáæáòíííí ðáçáíáíðá ñ í ííð (íí èíéáé Áééó Í áéðáííáá). Í á ýòé ñòáòúá ý ðáííéçáé á òíí éúñí÷éá ÷òí íáíá÷ðáéí «Çíáí ý». B áóí áð, ííá ñáíáá áðáí áíé íá íáðáæééá, íí ñúáéòú éáòááíðé÷áíéé íá ááðúíí

Í áíðíóéá íáéáíúéáý éíéæá÷éá í Áíí áðá (1962) í á éáæáòíý æéááííúéíé. Í í÷áí ó «Èé÷éááá» è «Í áéñí÷áý» íáñ ááðæáò, íá íòíóíéáðò è ñáíáíý, éáé ýòí ííé ñáéáíú, ÷áð èð ááðé? Áíò ííá í ÷áí, ýòá éíéæáííéá Í í íééòí áá íáííí íéò è íá óííí éíááò. È áðúçáý æéááý - «Çíáéíí ñòáí ñ Ýðáçí íí» (1971), òáéíé è íá çáíááá íáò. Í í, èííá÷íí, í íáðáíáá è ðá÷é áúòú íá í íæáò, ñáí è ñ óíáí è. Á «Çíáéíí ñòáí», ááéñòáéòáéúíí, çíáéíí éò - è ñ éááéáí è (éááíéíáéé), è, æéáííá, ñ ñ÷éíáíéýí è, èíòíðúó íééòí áááí úí - áááí íá÷éòááò.

Í á ñéðíð è òíá, ÷òí èðáéè ñáé «Ñóí áðéé á ííéááíú». (Èó áááú áñ-ðáéé íáðíéçááé è á ðíñíéé, íí í íá íá çáíéáòééé, íá ñííáúééé ááæá) B íá áéááé éíéáó Ááñíáðíáá «Çáí éí áòáéúí áý Áðáéý», ñòááíéóú íá í íáá, íí óááðáí, ÷òí è í íé «Ñóí áðéé» çáñéóæéááðò áíáðíáá ñéíáá, èíòíðíá íééíáá è íéááá íáñéíéúéí ý çíáð, íá áúéí íðíéçáíáíí.

Í íðíáéééé è íéó ýí éááí òñééó 30 éáð òú çíááóú í íá éáæáòíý, áí. Óáí íá í áíáá áéý ííéííóú íáçíðá, íáííí íð, ÷òí áúíúñòéé éíéáó «Ýðáçí è ááðáé» (íí-òðáíó, 1979, è íí-áíáé, 1980), í÷áðé «Í ðéí áð Ááñééý Áðíñí áíá (íí-òðáíó, 1983, íí-ðíñíéé, éáæáòíý, 1985), ááíýòéá ííéòíðá-ááá ñòáðáé íí ðíñíéí-ááðéíéíé èéòáðáòóðá íá ðáçí úó ýçúéáó, á òíí ÷éíéá ñòáòúð í Ááááéá, ááíáýúòð ááí á éííòáéñò ýòíé èéòáðáòóðú. Áéááí íá òí, ÷òí íò ñòáðíá íðíóééý (éóéúòóðá áí òé÷ííñòé, XVI ááé) ííéííñòúð óóáé è ííáíí á ðíñíéíýçú÷íáý éóéúòóðá (òéáéééçáóéý) ðíñíééíéíá ááðéñòáá

Í ó, áíò òááá, íí í áðá ñéé è áíçí íáéííñòáé, íáñéíéúéí ñéíá íá è ááéó, á íðíñòí òáé

Ñ óæáñíí íðí÷éòáé ñòáòúð Í áéé Ááíéííé á «Í áóáí > Ñíáðáí áí íééá». Áááú ý áá áééçéí çíáé á íá÷áéá 60-ó, ííá áúéá è òáéáí òééáá, è ííðýáí÷íá, è áíò, íá òááá, áðáíéò Í óðéíá çá òí, ÷òí íí áááò Áíñí ðáí èé ááðáýí, ðíñíééá òáéáí òú éíéáòú íá òí÷áð, è íðéí áð ááðíý - Áíéíáý Áíéííáé÷. Èáé áú á ýòíí ñí ðááá æéááòá? Èéé ó íáá ñòáð-áíééé è íáðáçí íá÷éíááòíý?<...>

<...> Спасибо за письмо и всё, к нему приложенное. Всё очень интересно, особенно – предисловие к сборнику памяти Разгона и рецензия на Сережину книгу. Жаль, что Василевский ее зарезал, жаль, что «Новый мир» окончательного ушел из категории «наше», впрочем, где они, журналы былых дней? Кончились без возврата и апелляции, нету их ни в одном из былых качеств. Но читать всё равно надо. Да не мне это тебе объяснять.

Об Израиле писать нечего: ты смотришь, слушаешь и читаешь всё то же, что и я. Добавлю одно: глубоко тронул меня битком набитый зрительный зал на «Стульях» в Гиватаиме (помнишь? – это квартал Тель-Авива), русские евреи плевали на арабскую, вполне, увы, реальную угрозу и опасность, на предупреждения и просьбы властей не собираться вместе. Упорный мы народ, упорством и живы так давно и долго <...>

В Женеве меня ждет работа. Вообще-то я завязал, ничего нового не начинаю и не хочу начинать, но тут особый случай: знаменитая энциклопедия литературной биографии (вышло уже две с половиной сотни томов) заказала статью о Давиде объемом в целый печатный лист. Причем писать можно по-русски, они сами переведут на английский. Пользуясь случаем, интервьюировал свой «предмет» и советовался с ним.

<...> Из старого вот-вот выйдет перевод романа (маленького) с венгерского, который я сделал, точнее, начал делать, еще в 1999-м. Печатают его всё тот же «Иерусалимский журнал», который напечатал статью о Григории Богрове. Да, совсем забыл: думаю написать в тот же журнал «Плач о Мастере» – на смерть Горенштейна, маленькую, сугубо некритическую вещицу. Это Еф<им> Григ<орьевич> Эткинд назвал свою статью о Горенштейне, практически самую первую о нем (в журн. «22») (а м. б., «Время и мы»?) «Рождение мастера» <...>

58 1-2 ί γ γ ά ρ υ 2002

Αϊδιτάρé ι τé αδύτáδéαι!

Ού σαάεé ι τά «:δéαιύé» δδτé, é ý íδééαéίί άά άίίίέίéé. Íí íδéαéά :áι íδ:éοαδύίί, ίδάá:óíá άίίδίίíí <...>

«Éάάéι» ý íá ίίέó:áp, óáé :óί é δάάάίτép ίá Áάίίý Óáéóééía ίδτ:éδáé δίέύéί íáé:áí⁶⁹. Áάδίόίίý é ίáé :óδύίέαé, á «íδ:áδá».

×óί ίáίá:áδáé Áάίίί á íáίáι áεόδτáéá ίίίýδéý ίá éι άp. Β áι ó ίé:άά ίá ίίίίéáé, é άίίάύáι ú ííéí ίá çáéίί ú.

Íáδáééíú ίίέóíδú íδδτ:éé ίáί ίíá á «Áίίέýó» çáι áδéé. Íí-í ίáι ó ýóί :óéú Νάίá ááéíáíδáí íí íéáίί ίá ίáçááp «óáίδ:áíδáίί» (áá áíá «íáíδááίίúí óáίδ:áíδáίί»!), é á áóδίίί íá ίá ίáçááé áú! É óé áίéé áúéé á ýóίί ááéíáíδáá éáééá-óί óáá:é, óί íéíδáá éι áίίί á ίáδάάááδ: Íéáδίί, Ýδáçι, Νάééííδéé é áúá éíá:óί. Çáι áδύ: «Çíáéίί íδáí íí Ýδáçι ίí», éíóíδúί ίá óί :δíáú áδéóίί ίí áίáίéáí é íááíáý: éáé-ίééáé, á óáι ó é óίί á ίδéóúé δύίίéίí ó :éδáδáép ý, - óáé áíδ «Çíáéίί íδáí íí Ýδáçι ίí» - ýóί óίáéá ίáδááíá-íáδáíéáç áίéúóá :áι ίá ίίéíáéíá Á Íáδáéá éáé áúéá ýéçáéúóéδίááίáíáý áάδύίίý, óáé é ίíδáéáίίí Óíéúéí íí íδáδééáίίί éáé é áίί í ú, áúá áééáίá <...>

Ού ίέóαδύί ίίá é éíδáδáίί. Áίá óáίé íí:éíáéý, éíóíδúá óú ίδéίáé, áéý ί áíý áίίáá, éδίí á éíéαéé Δáçáíá. Í ίá éáçéίίίί ý ίá ίáí (é ίá óί, :óί ίδéóéί áí áíδá íí ίáç) ίδééééáéίίί, ίí íδááý ááééá ίίáíáéó óáíáδú ίáδáééí. É áίéé óú ίé:άά ίδ ίáíý ίí ýóίί ó ίίáίáó ίá ίίέó:áé, ίδίίíδé áíéééíáúóίί! Éδáé, íí Δáçáíá é ίá:íá Νáίδίéé ί:áίú óíδίθ, ίí ίí:áι ó áí áíδί áίéúóíé íδáδúé, éíóíδáç óú ίáίá:áδáé á «Éάάéι», á éíéαéá ίίýáééίίý éáéíé-óί ίáδúçíé? Éóί ýóί óáé óáίίý óáçáé? É çá:áι? ×óί éáίίáóίίý óáéíδíá íáι ίá Δáçáíá, óί ίíé éíδáδáίίí ú óí áάáίί. Íí áίίéíá áίίúéáp, :óί ýóί ί íé áóδίίé áéúí Áóί άp áí, áá :óί áááίίá á ίáí áúé, óáé íéαçáδύ «ýóóáéó ίδéííóíδáéý», á ίá ééóáδúóóίáý ίδíáóéóý.

Νόαδύί ί Δáçáíá (áίéúóáý) áίίéíá óéááúúáíáδύίί á óáίé ίáííáδáíίúá, é ííáéáéίéç, áíííί éíáéý ί ópδú á é éááíδá. Éίéí áá, é áίííίí éíáéýí, óýíóóίίý é ίíδáéúí úá áúé, áááá áδίáá áú, íáíίí ίá ί áí óáδίúá, ίáíδéí áδ - óá áá δάάάίτépý, éíóíδáç ý óίíίýíóé. Ííδá óááá ííδááéóúý ίáéííáó, ýóó, ί íáéáδ áúóúý, áááίίçp éíéáí óáίáé áéçíé. Ού ίίίéí ááéúíίýóίί ó ííéáééí éíδáδáίίí ý

[17] Давид Маркиш, младший брат Шимона.

[18] Повесть Василия Аксенова.

[19] Рассказ А. Курчаткина «Свадьба» был опубликован в журнале «Аврора» с предисловием Георгия Семенова. Ныне Курчаткиным написано уже два десятка книг.

[20] Александр Петрович Каждан и его супруга.

[21] Георгий Товстоногов.

[22] Олег Чухонцев.

[23] Речь идет о рецензии на «Избранное» О. Волкова (М., 1987): см. Литгазета, 13 июля 1988.

Предисловие к юбилейному тому было написано мною. – М. К.

[24] Виктор Хинкис.

[25] Михаил Кудинов, студент МГУ, арестант в Джеккагане, переводчик с французского. Умер в 1994 году.

[26] В дискуссии о романе Жигулина «Черные камни» участвовали три «зэка»: Горчаков (Эльштейн), Кораллов и Ломинадзе.

[27] Анатолий Рыбаков.

[28] Г. С. Кнабе – профессор РГГУ.

[29] Никита Введенская, физик-математик.

[30] Осташвили – глава налетчиков, ворвавшихся в Союз писателей 18 января 1990 года, когда в Большом зале собралось писательское объединение «Апрель». Далее – суд над ним (долгий). Срок – короткий. Смерть в лагере.

[31] Акива Моисеевич Яглом, физик, друг акад. А. Д. Сахарова со школьных времен.

[32] Следует пояснить: после серии крутых схваток в лагере меня стали величать Мишкой, Михал Михалычем. О «Марлене» я вспомнил лишь на воле. – М. К.

[33] Имеется в виду очерк М. Кораллова, опубликованный в ежемесячнике «Мемориал-аспект».

[34] «Ненависть к своим» (нем.).

[35] Речь идет о предисловии М. Кораллова к роману С. Злобина «Остров Буян».

[36] Романы Ю. Нагибина «Тьма в конце туннеля» (1994), «Моя золотая теща» (1994).

[37] «Баварский лес» (нем.).

[38] Речь идет о Владимире Максимове, в эмиграции – создателе и главном редакторе «Континента», позднее печатавшемся в «Правде».

[39] Речь идет об Игоре Виноградове; при Твардовском – сотруднике «Нового мира», теперь – главном редакторе «Континента», издающегося в Москве.

[40] Если будем живы.

[41] Виктор Хинкис.

[42] Речь идет о книге сказок, которая должна была быть издана в Москве. Маркиш в этом издании выступал в качестве переводчика.

[43] Наталья Иванова заведовала отделом поэзии в «Знамени»; ныне зам. главного редактора.

[44] Михаил Кудинов.

[45] Сергей Юрский.

[46] Давид Гофштейн – киевский поэт, арестованный осенью 1948 года и расстрелянный 12 августа 1952 года по делу Еврейского антифашистского комитета.

[47] Название моего рассказа, опубликованного в «Новой газете» в октябре 2000 года. – М. К.

[48] Портрет, написанный в Кенгире. Переснят в газетных репортажах о выставке лагерного искусства.

[49] Речь идет о телепередаче, прошедшей по каналу «Культура», героями которой были Ч.

Амирэджиби и М. Кораллов.

[50] Речь идет об очерках Караулова.

[51] Марина Райкина – сотрудник «Московского комсомольца».

[52] Яков Кумок – еврейский писатель.

[53] «День придет» (нем.).

[54] Известный филолог-классик, переводчик. Я сидел вместе с ним в Кенгире. – М. К.

[55] См.: Лехаим, № 10, 2002.

[56] См. статью М. Кораллова «Полвека, век и тысячи лет», опубликованную в «Еврейском слове» в августе 2002 года.

[57] Речь идет о полемике, возникшей на страницах «Лехаима» в 2002–2003 годах: в ответ на статью М. Кораллова «Из предисловия к застрявшему сборнику» (написанную после смерти Л. Разгона; № 1, 2002) появился материал А. Антонова-Овсеенко «Кто играет краплеными картами?» в № 1 за 2003 год, на который последовала реакция в виде письма правления общества «Московский мемориал»: статья «К вопросу о крапленых картах» была подписана С. Чарным и опубликована в № 4 за 2003 год.

ЕВРЕЙСКИЙ ДОМ

Áááä ä ääééø

Ê × ÈÒÀÒÀÈÈÌ

Никогда в жизни я не вел дневник. Много раз собирался, даже покупал тетрадки для этой цели, – но так ничего и не вышло: то лень, то недосуг, то откладывал на завтра то, что можно или нужно было сделать вчера. А теперь уже поздно наверстывать упущенное и возмещать пробел... И можно спокойно вздохнуть.

Дневник – это, пожалуй, атрибут прошлого, ушедшего века. Один из атрибутов, среди которых такие дорогие памяти вещи, как пружинный патефон, перьевая ручка, пишущая машинка «Эрика». Дневник – предмет из этого, отчасти уже антикварного, ряда: что-то нынче не вижу я вокруг себя людей, ведущих поденные записи.

Ведение дневника в прошлом веке – особенно до революции (при большевиках это увлечение стало смертельно опасным делом: откровенные мысли, изложенные черным по белому, служили «вещдоком» и вели прямоком в расстрельный подвал) – считалось занятием людей, склонных к литературному творчеству. Немало зорких писателей оставили по себе память и в этом драгоценном жанре, поэтому из нынешнего дня, точно в перевернутый бинокль, мы разглядываем то страшное время.

Итак, дневниковых записей я не вел. Литературные и политические события, участником или свидетелем которых мне случилось стать, лишь выборочно сохранились в моей памяти. Но они, наполняющие наше бытие, вкуче и составляют Историю поколения, века, эпохи. История же нескончаема и неразрывна, как ничто иное в мире; происшествия далекого и недавнего прошлого суть принадлежность и нынешнего времени, без них сегодняшняя жизнь была бы другой.

Я родился в доме Переца Маркиша, классика еврейской литературы на языке идиш. Мировая культура и высокие гуманитарные идеалы стали атмосферой, в которую я погрузился с самых ранних лет. В этом, разумеется, нет моей заслуги, но из детства я вынес и взял с собою во взрослую жизнь кое-какие представления о главных духовных ценностях и ощущения, почерпнутые из верно подобранных для прочтения книг. Этот начальный опыт, дарованный средой, драгоценен и ни с чем не сравним. Он, а позднее мощное влияние моего старшего брата Шимона – специалиста в области античной культуры, знатока эпохи Эразма из Роттердама и русско-еврейской литературы – помогли мне сформироваться как писателю. Люди, о встречах с которыми я хочу рассказать, были представителями культурной элиты общества. Эти люди, оставившие свой след в истории, светились талантом и умом, общение с ними было истинным кладом, – хотя я и по сей день уверен в том, что писатель (такова его природа), должен существовать, как говорится, на равных в любой социальной среде – от тянь-шаньских кочевников до кембриджских профессоров.

В предлагаемых читателям записках я обращаюсь к событиям второй половины прошлого века, в котором я худо-бедно чувствовал себя хозяином, тогда как в наступившем ощущаю себя гостем. Неудивительно, что все мои интересы были в той или иной степени связаны с моим народом, с еврейством, – так сложилась моя жизнь, разделенная пополам швом времени: тридцать четыре года я прожил в Советском Союзе, тридцать четыре года живу в Израиле.

Два самых главных события, выпавших на мое время, – возрождение еврейской государственности и распад СССР. Культура как образ жизни имеет прямейшее отношение к этим двум событиям, их предыстории и последствиям. Еврейское государство на шестом десятке лет своего существования не в силах избавиться от гнета местечковой психологии, а российский державный орел поворачивает то на Запад, то на Восток обе свои головы, как будто они у него жидутся на смазных шарнирах. Культура исчезнувшего еврейского местечка притягательна, как полузабытая молодость, а движение орлиных голов подчиняется усилиям перетягивающих канат русских западников и славянофилов, которые никогда не смотрели себе под ноги. Культура или ее оборотная сторона – бескультурие – подготавливают изменения в нашей жизни. И то, что было характерным для заключительных десятилетий прошлого тысячелетия, определяет характер начала тысячелетия наступившего.

АДАЕНЕЕ АИ

1 февраля 1953 года, ровно за месяц и пять дней до 5 марта, когда было объявлено о смерти Сталина, в дверь нашей квартиры в самом центре Москвы постучали. Дело было после полудня. Стучали то ли кулаком, то ли – с размаху – ладонью. Это был дурной знак: званые гости обычно предпочитали пользоваться электрическим звонком.

Открыли. В дверном проеме и на лестничной площадке толклись пятеро мужчин в штатском; из-под темных пальто выглядывали сапоги армейского образца. Войдя, мужчины молча остановились посреди прихожей, и тот, что постарше, лет сорока пяти, прочитал с листа, скороговоркой, что все мы, прописанные в этой квартире, подлежим высылке в отдаленные районы Казахстана сроком на десять лет как ЧСИРы – члены семьи изменника родины.

– Гражданин начальник, – дождавшись конца чтения, сказала моя мать, – нам по закону, как ЧСИРам, полагается пять лет, а вы говорите – десять.

– Вы будете, – заглянув в бумажку, сурово спросил начальник, – Лабезникова-Маркиш Естер Хаимовна?

– Лабезникова, – поправила мама.

– Гражданка Лабезникова, – уже назидательным тоном продолжал начальник, – те, которые двадцать пять лет получают, тоже на советскую власть не обижаются... Давайте, собирайтесь! Берите чемоданы, узлы!

Пришедшие живенько растеклись по коридору, по кухне, по двум нашим комнатам (две другие были опечатаны три года назад, в ночь ареста Переца Маркиша), оглядывали мебель, книги, что-то записывали. Один, пошустрей других, подгонял:

– Быстрее, быстрее! На поезд опоздаем – неделю будете сидеть в пересылке до следующего этапа! Галоши есть? Берите, пригодятся!

Управились за час с небольшим. Сбив всех гуртом на лестничной площадке, начальник защелкнул дверь, приладил соединительный шпагатик и притиснул к неровной мастиковой лепешке круглую печать с гербом Союза Советских Социалистических Республик.

– Спускайтесь! – скомандовали выселяемым. – Пошли, пошли!

Еврейский дом на улице Горького, нынешней Тверской, перестал существовать.

Дом поэта Переца Маркиша был именно еврейским домом – не советским, не русским, не просто писательским, – а еврейским. Это совершенно не значит, что в доме на исходе пятницы зажигали свечи – не зажигали. Даже пары серебряных или медных субботних подсвечников – этих неперменных, казалось бы, атрибутов еврейского дома – у нас не было. В ящике отцовского письменного стола, в красном кожаном мешочке, сохранялись реликвии: маленький, с ладонь высотой свиток Торы в бархатном чехольчике и филактерии умершего в конце 30-х годов деда Давида, красивого набожного старика. Там же хранилось несколько безделушек: костяная коробочка, сердоликовый брелок на золотой цепочке – по-видимому, память о каких-то событиях берлинской, парижской, лондонской эмиграции начала 20-х годов. Вещицы такого рода иногда говорят душе куда больше, чем выстроенный на шальные деньги «родовой» дом на лужайке, за каменным забором.

Ī ādāō Ī ādēēō.

Ī īnēāā

1931 āā

А в кабинете отца – книжные шкафы, письменный стол, покрытая восточным ковром кровать. Это всё. Никаких фотографий, ни одной картины на стенах. И так во всем доме. А ведь Перец Маркиш был дружен со многими художниками; назову хотя бы троих: Марк Шагал, Манэ Кац, Натан Альтман. Все трое рисовали его портреты. И ни одной картины дома. Я думаю, это местечко «виновато» – местечко Полонное на Житомирщине, где в 1895 году родился Перец Маркиш и где прошло его отрочество: там, в старом еврейском Полонном, невозможно было и вообразить, что на стене какой-нибудь из убогих хаток висит изображение человека, козы или пейзажа. А ведь Маркиш мастерски писал пейзаж в своих стихах, придавая природе человеческие черты:

Ḍāqēāāēēnī ī īēy ā ī dīnō ī dāā -

× ò ī ā ī ā nēāqēōū ī āō ē ī ī ā ē ī, -

Ḍāqēāāēēnī ī ī - āē ī āā - ūē,

Ēēōā ē āāōō ī āāōy.

Ḍāēēī āēīōū ē nēūōāī ē ī dīō -

Yō ī, āāō dī ī dī āāē āāāī,

Ἐἰεῖν ἰὰ νῆται ἰάδα-ἰά

χὸι-ὸι σαί-ἰό, ἐὰε ἀεὸϋ.

(«Ἀἰεὺν ἰὺ, ἰάδα ἰά Ἀ. Ἀδῆν ἰά».)

Или вот это:

Ἰὰ ἀδῆν ἰάδα ἰά, ἐὰε ἐδῆν ἰε ἀεῖ,

Ἰὰ ἀδῆν ἰάδα ἰε ἰὰ ἀδῆν ἰεῖε...

Ἐϋμῆ ἰά-ἰε ἀεῖ, ἐϋϋῆ ἰά ἰά ἰά

Ἰὰ ἀδῆν ἰά ἰά ἰά ἀεῖ ἰε ἰε ἰε.

Ἐϋμῆ ἰά, ἐὰε ἐϋϋῆ ἰά ἰά ἰεῖε

Ἀδῆν ἰά ἰά ἰά ἰε ἰε ἰε

(«Ἰῆ ἰε ἰε ἰε», ἰάδα ἰά ἰ. ἰ. ἰε ἰε.)

В привязанности Маркиша к природе, в единении с нею можно, вглядевшись, обнаружить отблески язычества. Того язычества, какое свойственно незамутненной поэзии.

Произведение природы, Маркиш ощущал себя ее владельцем – но не собственником. Откуда к нему это пришло – в нищей многодетной семье, в завалищем местечке?

Знакомясь с молодой женой сына, мой дед Давид, с русским языком управлявшийся с пятого на десятое, подвел мою будущую мать к окну, распахнул его и сказал, поведя рукой:

– Смотри, что я даю за моим сыном Перецем!

За рамой окна расстилались степь, расцвеченная темными перелесками, далекая река и холмы – до самого горизонта.

– Вот что я даю тебе за моим Перецем!

Наша достоверная память докатывается волной лишь до подножья дедов; мало кому выпадает сохранить в памяти живые очертания прадедов. А уж за смутными контурами этих последних лежит непроглядная тьма... Мне не суждено было встретиться с дедом Давидом, он умер за несколько лет до моего рождения. Судя по тем обрывочным историям, которые до меня дошли вместе со старинной фотографией, филактериями и свиточком Торы, дед (преподаватель «алефбейс» в хедере) был цельным, не склонным к пустопорожним мечтаньям человеком и праведным евреем. Сохранилась среди старых екатеринославских евреев красивая легенда, выдуманная от начала и до конца: якобы Любавичский Ребе, отдавая должное праведности старого Давида Маркиша, пришел его хоронить на кладбище. А вот другая красивая история – но на сей раз это истинная правда: встретившись в 1972 году с моей женой, пытавшейся вытащить меня, отказника, из Советского Союза, Любавичский Ребе сказал ей: «Я был знаком с отцом вашего мужа. Вместе с Перецем Маркишем мы состояли в отряде еврейской самообороны в Екатеринославе, в 1918 году».

Ī àòüĪ. Ī àðèèòà Ðàÿ.

В бывшем нашем доме на московской площади Белорусского вокзала властвовал свой распорядок, свой уклад жизни, который показался бы многим людям нынче, да и тогда тоже, мягко говоря, своеобразным.

Вставали рано. Семья собиралась за столом, завтрак был обилен, с непременною селедкой и горячей отварной картошкой – тоже память о местечке. После завтрака отец уходил к себе в кабинет и работал до обеда. Тревожить его нельзя было никому. Детям – моему старшему брату, мне и нашей единокровной сестре – и в голову не пришло бы громко говорить, шуметь: папа работает. Телефона в отцовском кабинете не было. После обеда отец уходил по своим делам в город – один или с мамой, либо к нему приходили друзья, с которыми он закрывался в своем кабинете, и до нас, домочадцев, допоздна доносился раскатистый, рокочущий идиш. Это никем и никогда не называлось: «У папы гости». Пиня Нистер, Исаак Нусинов, Хаця Добрушин, реже Давид Бергельсон (мы, дети, звали его «Друфаилыч» – от «Давид Рафаилович») – разве это были гости?! Еврейские писатели собрались у своего товарища и коллеги Переца Маркиша вести бурные дискуссии о еврейском искусстве, неиссякаемые и бездонные, как сам предмет разговора.

Эти дискуссии ничуть не напоминали знаменитые интеллигентские разговоры в московских кухнях. Собеседники не обсуждали политические новости и общемировые проблемы – они жили в еврейском мире, в этом феноменальном вкраплении в земной конгломерат языков, народов и государств. Еврейская культура была их отчизной, домом и партией. Идиш – мамэ лошн – их доброй матерью. Страсти внешнего мира доносились до них, как шум далекого леса... Похоже на гетто? Что ж, быть может. Ведь и в первом европейском гетто, в Венеции, евреи добровольно отгородились от в меру гостеприимных хозяев ради сохранения заповедной самобытности и культуры. Это уже потом, в поздние времена, гетто стало символом подавления и ужаса.

Ī òáüĪ. Ī àðèèòà Ááâèä

В силу своего таланта и характера Маркиш привлекал к себе многих людей, отнюдь не только «своих» – евреев. Его общества искали почему-то военные люди – не знаю, чем это объяснить. На празднование Победы, 26, кажется, мая 1945 года в нашем доме собралось человек тридцать гостей; среди них были маршал Пересыпкин, маршал Судец, генерал армии Трофименко. С обеда ординарцы несли к нам коробки с диковинными заграничными винами. Мне запомнилась высокая, чуть не с меня ростом, бутылка с какой-то проспиртованной, по самое горлышко, веткой внутри... Пересыпкин, расположенный к отцу человек, любил повторять: «С Маркишем поговоришь – на голову становишься выше... Жаль только, ничего он не пьет». Отец, действительно, не злоупотреблял спиртным: выпивал за вечер рюмку рислинга. Не всегда так было. Много лет спустя, в конце 60-х, Шагал спросил у моей мамы: «Перец продолжал так много пить?» Мать удивилась, она никогда не видела Маркиша навеселе: «Что вы, Марк Захарович, он же не пил!» Шагал сказал: «Посмотри на меня, Фира, я ведь не большой силач! Но я вот на этой спине выносил Переца из “Ротонды”». Это было в молодости, в начале 20-х, в годы эмиграции.

Еврейская культурная атмосфера и сам уклад дома, несомненно, влияли на младшее поколение. Перец Маркиш не относился к той категории отцов, что катают коляску, прогуливаются с детишками и решают с ними школьные арифметические задачки. И это лишь усиливало наше благоговение перед отцом. Нечастые часы общения с ним были тем более драгоценны и запомнились на всю жизнь.

В первое послевоенное лето, в 1945-м, семья жила на съемной подмосковной даче, в Удельной. С утра отец работал на открытой веранде, выходящей в широкое поле, заросшее травой. Я, семилетний, играл на этом поле с пятилетней соседской девочкой. Было солнечно. Кажется, гудели шмели. Вдруг – вот уж, действительно, откуда ни возьмись – на поле появилась крупная и, как мне показалась, ужасно страшная овчарка, грозно мчавшаяся прямо на нас. Мы с девочкой бросились бежать без оглядки. Девочка споткнулась на какой-то кочке, упала и затихла в траве, а я добрался до веранды, кинулся к отцу и, сбиваясь и всхлипывая, рассказал о страшной собаке.

– А где девочка? – спросил отец.

– Там... – Овчарка продолжала чертить круги перед верандой.

– Вернись и приведи девочку сюда.

– Так собака...

– Иди!

И я поплелся и, вернувшись на дачу с этой девочкой, сопровождаемый взглядом желтых глаз пса, испытал и навсегда запомнил дивное чувство торжества победы над страхом.

Вот другой случай. Время то же. Отец взял меня на прогулку в лес. Шли молча, он думал о чем-то своем. Прилетела бабочка на коричнево-золотых крыльях, опустилась, вычерчивая в воздухе зигзаги, на желтый цветок в зелени травы. Отец остановился.

– Опиши эту бабочку! Подробно! Рассказывай.

Я стал что-то плести про неровную посадку, про цвет крыльев. Отец слушал внимательно и серьезно. Когда пришли с прогулки, он сказал маме:

– Твой младший сын вырастет писателем, может, художником. Он будет заниматься искусством.

Осенью, уже из Москвы, отец уехал по делам то ли в Минск, то ли в Киев. Я с нетерпением ждал его возвращения – помимо всего прочего еще и потому, что знал: получу подарки на день рождения. Маркиш вернулся поздно вечером, я был уже в постели, но не спал. Он вошел в детскую комнату – с пустыми руками. Через несколько минут я спросил как бы невзначай:

– А что ты мне привез?

– Кое-что для головы, – сказал отец.

Нетрудно догадаться, что такой ответ не слишком-то меня обрадовал.

– Шапку? – предположил я.

Отец счастливо смеялся, откинув голову, смеялся до слез. Потом вышел, вернулся со стопкой книг и, раскрыв верхнюю, написал на чистом листе:

- Ὁτὸῦ ἐλάσσι ἐὰν ἄεῖς

Ἴτασσὲς ἴαε, ὄαυ, -

Ἴί ἄη αὐ ὀάα Ἄάεῖς

Ἄάεῖς ἴά ἄ ἴάεῖς

Ἴδῆαε ἄεῦ ἄεῖαυ.

Мое детство прошло, что называется, под сенью отца – его личности, его слова. Всё закончилось в ночь его ареста – 27 января 1949 года. Мне было десять с небольшим. Ордера на арест не предъявляли, увезли якобы «на собеседование» к министру госбезопасности Абакумову. А три года спустя я получил свои десять лет ссылки – на правах взрослого.

ἸἸἸἸἸἸ

Местом ссылки нам определили казахстанский кишлак Кармакчи – неподалеку от того места в пустыне, где года через два начнут строить космодром Байконур. То был край непуганых джейранов и сайгаков, а в притоках перламутровой реки Сырдарьи копошились сомы, по мнению местных людей, переносящие инфекцию ужасной болезни проказы и по этой причине непригодные в пищу. Ссылные, которых в кишлаке насчитывалось до пяти тысяч, в это ничуть не верили и ловили сомов любыми способами и при первой возможности. А прокаженные – да, прокаженные встречались, и лепрозорий был в тех краях, и не один; так что тревоги аборигенов по поводу сомятины росли не на пустом месте. Что же до мяса непуганых антилоп, то это, действительно, был деликатес, ни у кого не вызывавший сомнений; проблема, однако, заключалась в том, что убить зверя можно было лишь в открытой степи, а уходить от кишлака более чем на пять километров нам, ссылкой, запрещалось. За нарушение этого правила преступнику полагалось двадцать лет каторжных лагерей. Так и было написано на бумажке, которую нам дали прочитать в спецкомендатуре кишлака: «каторжные лагеря». Я тогда удивился: мне казалось, что слово «каторга» в Советском Союзе всё же не в ходу, во всяком случае, официально.

Работы в Кармакчах не было почти никакой. Я рос, хотелось есть. Вопрос о хлебе насущном стоял более чем остро. Ссылные перебивались кто как мог: корейцы огородничали, греки торговали чем Бог дал, чечены держали кур. Родственники, оставшиеся на свободе, помогали продуктовыми посылками. Моя мама вязала на спицах кофты и шапки, отправляла в Москву; там эти вещи продавали. Я нашел интересную работу: играл на музыкальных тарелках в похоронном оркестре, состоявшем из кларнетиста, геликонщика и турецкого барабанщика. Абсолютное отсутствие слуха мне не мешало – тут, самое главное, надо было владеть чувством ритма. Репертуар наш был не богат, он включал в себя лишь одно-единственное произведение: «Граурный марш» Шопена. Работы хватало. За творческий труд денег мне, малолетке, не платили, зато кормили на поминках. Иногда насыпали кулек леденцов. И я гордился тем, что прилепился к делу, чувствовал себя взрослым.

Вскоре после смерти Сталина к нам в Кармакчи привезли целый поезд амнистированных уголовников – отпетых разбойников и воров; там они и жили, в вагонах. В кишлаке воцарился полный беспредел. Бандиты с утра до ночи шлялись по улицам, задирали прохожих, грабили людей и дома. Солдаты МГБ, приписанные к спецкомендатуре, не вмешивались. Как-то раз, среди бела дня, уголовники сдернули с головы пожилого чечена коричневую каракулеву папаху – знак высоких достоинств и предмет гордости владельца. В ту же ночь группа чеченов ворвалась в один из бандитских вагонов и подчистую вырезала его обитателей. В кишлаке ждали войны, но ничего не случилось: уже назавтра, к вечеру, в поезд с уголовниками впрягли паровоз и увезли состав в неизвестном направлении. Никого из чеченов не тронули.

Кармакчинская ссылка представлялась мне скорее приключением, чем наказанием. Мне нравилась Сырдарья, свободно бегущие по степи табуны лошадей, по-своему привлекала меня музыкальная работа. Я подружился с молодыми чеченами, и они приняли меня – с некоторыми, правда, оговорками – в свою стаю. С одним из них, главным моим приятелем Калу Альтемировым, прерванная на полвека дружба возобновилась недавно чудесным образом, и перед самым началом Второй войны он приехал ко мне в гости в Израиль. А тогда, в Казахстане, беда коснулась меня лишь однажды: кто-то стукнул, что я ушел на рыбалку за двенадцать километров от кишлака, и оперуполномоченный майор Ахмедов вполне серьезно пригрозил мне теми самыми двадцатью годами каторги. Но угроза осталась лишь угрозой – после смерти Сталина режим (наш, спецпоселенческий режим) дал брешь, – а я, куда как неуверенный в благополучном исходе моей рыбалки, сполна почувствовал, что значит свобода перед неволей, пусть даже в ссыльном кишлаке, со всех сторон окруженном заросшими верблюжьей колючкой песками.

Переместившись из московского дома в кармакчинскую мазанку, где наша семья (пятеро «членов семьи изменника родины») снимала комнату у раскулаченного и сосланного сюда, на край света, русского старика Сергея Васильевича Устюгова, мы оказались еврейской заплаткой на интернациональном раскулаченном одеяле обитателей кишлака. Казахов здесь было кот наплакал – человек двести. Все остальные делились на две категории, спорившие о том, «кто лучше» и у кого больше шансов выйти когда-нибудь на свободу: спецпоселенцев и спецпереселенцев. К последним относились чечены, корейцы, немцы Поволжья, черноморские греки, месхетинские турки; все они были приговорены к бессрочной ссылке. В отличие от них, спецпоселенцы были приговорены к ограниченной отсидке – начиная от десяти лет и выше. Никто, однако, эти ограничения всерьез не принимал: советская власть захочет – добавит. Сколько надо, столько и добавит.

Кроме нас – мамы, моего старшего брата, племянника отца, прописанного в нашей московской квартире, но никогда там не проживавшего (вот оно, так называемое «выселение по домово́й книге»), сестры отца и меня – в нашем ссыльном мире обреталась еще одна-единственная еврейка. Эту старушку, вдову расстрелянного сотрудника КВЖД, привезли в Кармакчи из Поднебесной. Она сама точно не знала, какой ей впаляли срок. Наутро после нашего появления в кишлаке она пришла знакомиться с соплеменниками и принесла нам в подарок пяток яиц. Первый вопрос, который она нам задала, был: «Значит, евреев уже начали выселять из Москвы?» Трогательная была старушка и добрая.

Наше еврейство оказалось главным отличительным признаком в «интернационале» кармакчинских ссыльных. Антисемитизм, естественно, был не чужд обитателям кишлака: собственная плачевная судьба не способствовала излечению людей от этого порока. Но, как известно, именно антисемитизм во многом способствовал сохранению евреев среди других народов. И всякое проявление юдофобства еще более укрепляло мое молодое упорство: я хотел остаться евреем.

Об Израиле разговоров в ссылке не возникало: где Израиль, где мы? Конечно, я знал еще по московскому детству, по разговорам в доме, что евреи в Россию не с луны свалились, что появилась еврейская страна на карте мира, что приехала в Москву Голда Меерсон. Более того: я видел будущую Голду Меир в Еврейском театре, на спектакле по пьесе отца «Восстание в гетто», и меня, мальчишку, подвели к ней за кулисами. Потом я ходил к особнячку, где временно разместилось посольство Израиля, смотреть на бело-голубой еврейский флаг... Но от казахского кишлака Израиль был так далеко – как будто в другом измерении! Книжка Фейхтвангера «Иудейская война», как ничто другое по тем временам, приблизила меня к полосе земли на восточном берегу Средиземного моря – к той земле, которая в применении к советским евреям, стыдливо именовалась «национальное государственное образование за пределами СССР» и о которой говорить во весь голос было небезопасно. Читая роман, я видел себя свободным и сильным евреем на своей земле, я вчитывался в описания пейзажей и гадал: бывал ли Фейхтвангер в Палестине, видел ли своими глазами серебристые оливковые рощи Самарии и каменистые холмы Иудей? Писатель сделался как бы посредником между мною и моей исторической родиной. Перевернув последнюю страницу «Иудейской войны», я знал: придет время – я окажусь в Израиле. С этим знанием и этим решением я, вместе со всей семьей получив реабилитацию летом 1955 года, вернулся в Москву и пошел доучиваться в ту же школу, откуда двумя годами раньше отправился в «отдаленные районы Казахстана». О судьбе Переца Маркиша мы не знали ничего – власти утаивали правду о его гибели.

Νεὶ γῆ (πρώτα), ἰεὺν γῆ ἰεὺν ἰαδῶν ἰ αἰεὶσὶν Ρ δέε (ἰεὺν), Ἀαεὶ (ἰ δῶν) ἰ ἰεὺν. Ἐεεεε Ἐεεε, 1953.

Сидя в кишлаке на краю пустыни, мы и не помышляли о возвращении в Москву. Мы думали о том, как выжить и приспособиться к новой жизни. Однако не успел еще глаз привыкнуть к бескрайности степного простора, как пришло первое потрясение: умер Сталин.

5 марта 1953-го, ровно через месяц и пять дней после начала нашего затянувшегося на пятнадцать суток путешествия из Москвы в Кармакчи, страна втянула голову в плечи, как перед занесенной для удара дубиной: не стало «вождя и учителя». Сама реакция на смерть «кремлевского горца» в ссыльном поселке примечательна: невольники так искренне рыдали, так горевали, словно на их глазах взял вдруг да и рухнул наземь их любимый каменный идол, с ног до головы вымазанный кровью невинных людей. Слепила смерть рябого бога, страшило до умопомрачения неизбежное будущее. Улицы были пустынные, обитатели не покидали свои домишки. Плакал наш тугоухий хозяин-кулак Сергей Васильевич, всхлипывала, сморкаясь в тряпочку, его жена Серафима Петровна. Что будет завтра? Конец света, всеобщий мор? Кто знает... Мне почему-то было скорее весело, чем страшно. Что-то должно обязательно поменяться в нашей жизни. К лучшему? Ну, это вряд ли. Мама предположила, что всех ссыльных отправят теперь в лагерь, на зону. Вот это могло случиться... Впрочем, могло и не случиться. А пока что из черной радиотарелки лилась красивая траурная музыка и никто никуда не торопился и не шел, все праздно сидели, как будто был объявлен всесоюзный отдых.

Настоящий взрыв прогремел на следующий день. Ранним утром к нам ворвался, размахивая бланком телеграммы, оперуполномоченный майор Ахмедов. Майор орал так, что раскосые его глаза почти выкатились из своих щелок, а привычно смуглое лицо сделалась устрашающе багровым.

– Читай! – орал Ахмедов, «собираетельно» называя всех нас на «ты». – Громко читай! – Сам он декламировать кошмарный текст поостерегся.

«Поздравляем праздником, – было написано в телеграмме, – надеемся лучшее будущее тчк родные».

Глядя на Ахмедова, можно было подумать, что он решил всех нас немедленно прикончить.

А дело было в том, что 6 марта моему брату исполнилось двадцать два года. Телеграмма же ушла из Москвы еще до того, как было объявлено о кончине лучшего друга всех когда-либо явившихся на Б-жий свет.

Дрожащими руками мама предъявила майору свидетельство о рождении, и Ахмедов немного успокоился. Оперуполномоченного тоже можно было понять: ведь это в его, как говорится, епархии произошла такая ужасная провокация! Его поднадзорных поздравляют со смертью всемирного гения, корифея всех времен и народов! Да за такие дела с него самого голову снимут, зашлют за тридевять земель гонять баранов и козлов!

Вскоре стало ясно, что перемены в пути, и они к лучшему. Выпустили врачей – «убийц в белых халатах». Посадили Берию. Из Москвы потянуло свежим ветерком надежды. Через год нам разрешили переехать из кишлака в город Кзыл-Орду, туда же перевели отбывавшего вечную ссылку под Воркутой брата матери и нашу сестру, этапированную из Киева по той же статье ЧСИР и на те же десять лет в сибирскую деревушку Долгий Мост. Ничего не скажешь – произошло объединение семьи.

Кзыл-Орда по сравнению с Кармакчами выглядела как Париж и Нью-Йорк, вместе взятые. В Кзыл-Орде были баня, кинотеатр, даже своя газета. Меня приняли в школу. В городе проживало немало евреев, ссыльных и вольных, и они помогали друг другу.

Приятно встречаться с многими из них в Израиле. Приятно и радостно.

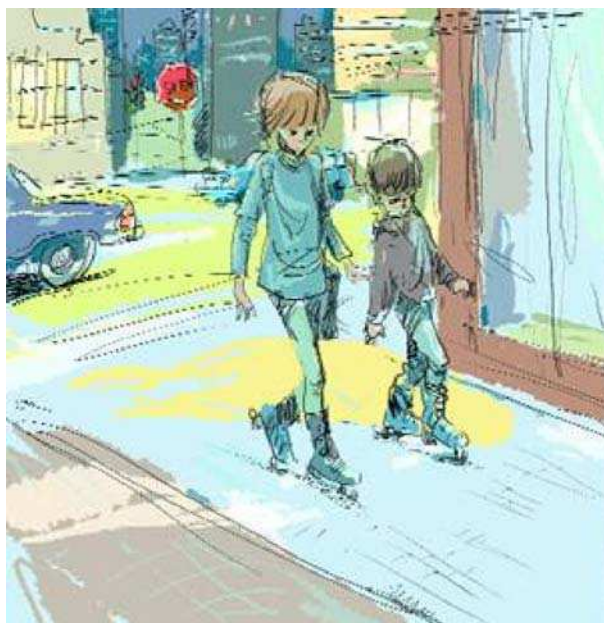
стороны, и это яснее всего было видно при сравнении семейных снимков, сваленных в ящике комода: там враждующие стороны оказывались, как на поле битвы, вперемешку. В то время как теток и сестер матери всегда запечатлевали при полном параде, во весь рост, среди мраморных интерьеров студий Сарони^Ш – непременно в безукоризненных парадных или бальных платьях, взор опущен на огромное кольцо или – как бы невзначай – на ослепительное ожерелье, – женщины семейства Элкинов (мать говорила, да Эстер и сама это замечала, что они «не умеют одеваться безвкусно») всегда представляли на поясных портретах, где выплывает из дымки и центром композиции становится лицо, в гордой посадке головы чувствуется тайная сила, волосы распущенные или тщательно уложенные, но всегда роскошные, и каждый из этих портретов словно говорит: «Важно не то, что у нас есть. Важно, что есть мы».

Обычно Эстер пристально наблюдала за обеими сторонами и отлично понимала, как ее оценивают – тут, как и в случае с Джози, их мнения совпадали. Однако сегодня она, вопреки всему, в глубине души надеялась: а вдруг они снова пришли, чтобы обрести здесь умиротворение – каждая сторона свое, и это было бы знаком, что оно всё еще возможно.

– Давай по новой дорожке наперегонки? – предложил Кинни.

На Форт-Вашингтон-авеню, они съехали с вершины холма на обочину и перевели дыхание. Перед ними в прогале переулка просматривались слепящие бронзой высокие окна Бродвея: они гасли этаж за этажом – так тускнеет медь тарелок, когда на них перестает падать луч прожектора. Здесь желтоватый бульжник сменялся гладким бетоном, по которому катиться было куда опаснее и который высоко и мелодично повизгивал под колесами роликов.

– Нет, наперегонки давай не будем. – Обычно она давала ему выиграть – она не против. А вот против чего она – так это против соревнования. – Хочешь, поедем, не сгибая коленей? – Это было опаснее, но так они состязались с холмом, а не друг с другом. Однако Кинни уже присел, помчался вперед, выкрикивая ругательства, которые у впечатлительных и воинственных мальчишек всегда наготове, и тут же скрылся за углом.

Эстер сложила руки на груди и на прямых ногах покатилась, горделиво сохраняя равновесие, следом за ним; она почти уверила себя, что стоит неподвижно, а вот дома, нанизанные на бесконечную веревку, тянутся мимо. Она завернула за угол, тут снова начинался бульжник, от чего она чуть не упала ничком, но, перейдя на шаг, удержала равновесие, опустила на крыльцо углового дома и онемевшими в холодных сумерках пальцами ухватилась за ремни роликов. Ровно в тот миг, когда она сворачивала за угол, темнота стала почти осязаемой – она никогда не успевала уследить, когда сумерки окончательно переходят в вечер.

– Ключ есть? – Кинни плюхнулся с ней рядом. Она вытащила из кармана ключ от роликов и протянула ему. Пятицентовик, запутавшийся в извилах потрепанного шнурка, вывалился на мостовую, усеянную крупинками, которые засеребрятся, когда зажгут фонари.

– Шоколадку купишь? – спросил Кинни.

– Давай лучше сосиску напополам. – В последнее время она предпочитала сладостям что-нибудь солененькое. В лавочке Хердера сосиски подавали с лужицей горчицы и горсткой квашеной капусты. Она подобрала монетку и крутанула ее на мостовой.

– В решетку же провалится, – сказал он.

– Выудим магнитом. – Не выныривая из обволакивающей тоски, она представила, как ищет магнит в своей комнате, где ящики стола зияют пустотой, где кровать стоит на боку, прислоненная к стене, – к полудню, когда она уходила, там всё уже перевернули вверх дном. Как она ни умоляла, даже игрушки из плетеного сундука вывалили в картонную коробку, а в сам сундук сложили постельное белье.

Она скинула ролики и встала. Помахивая болтавшимися на шнурках роликами пошла с Кинни снова вверх, к Бродвею; она чувствовала себя опустошенной и вымотанной, после катания от ходьбы чуть пошатывало. Проулки заливала сгущающаяся тьма, лица прохожих казались особенно спокойными и задумчивыми. Ей казалось, что, если послушавить палец и провести им по воздуху, на подушечке останется след сумерек. Даже мистер Мишнун – старик выскочил из своей писчебумажной лавочки, чтобы шугануть мальчишку, пытавшегося стянуть конфеты, – остановился на миг и посмотрел вверх, ошарашенный безмолвно спустившимся лиловым вечером.

В молочной Хердера было тепло, пахло хлебом и пряностями, полки были заставлены пестрым товаром, и здесь ухода дня не чувствовалось. Они с Кинни ели не спеша – миссис Хердер рассеянно обслужила их, продолжая беседовать с дамой-покупательницей.

– Я ^[2], так оно и бывает, – сказала миссис Хердер, кивая головой и сметая багровой, словно обваренной ладонью крошки и маковые зерна с разделочной доски. – Так и бывает.

– Со всеми случается, – ответила ее собеседница, крепко державшая в руке пакет с продуктами.

– Рано или поздно, – отозвалась миссис Хердер, продолжая кивать. Глядя поверх голов, в скорбную даль, она испустила долгий, печальный вздох. Кивки ослабевали, как колебания маятника, пока не прекратились совсем.

Эстер, выросшей среди пожилых и просто зрелых дам обоих кланов, эти унылые, заходящие в тупик беседы взрослых были привычны, но смысл их ускользал. Она хоть и не могла определить суть, которая всегда просвечивала сквозь избыточную околичностями беседу и всех устраивала, но понимала, что над всеми взрослыми кружит птица – кто знает? – времени, смерти или судьбы, и пусть все они признавали ее присутствие, и это подтверждалось их звучащими в унисон речами, каждый втайне надеялся, что предугадает тот миг, когда, в какую бы надежную щелку он ни забился, она заметит его и нападет. Каждый лукаво заверял себя: «Раз я могу обсуждать это, меня это не коснется».

Кинни выскочил из магазина, но Эстер, продолжая жевать, раздумчиво разглядывала хозяйку, пока та не обратила на нее удивленный взгляд.

– Спа... спасибо, – пробормотала Эстер и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь. Едва она оказалась на улице, фонари вспыхнули один за другим, и вечер настал.

В конце улочки, где теснились старомодные, даже без неоновых вывесок лавочки, стоял Кинни и разглядывал тускло светившуюся витрину ювелирного магазина Пачманна.

– Смотри сюда! – крикнул он.

Она подбежала и присела рядом с ним на корточки. Единственная лампочка освещала картонные квадратики, разложенные на морщинистом красном бархате, и в центре каждого квадратика поблескивало какое-нибудь украшение. Над ними висели в ряд часы, показывавшие разное время, все – муляжи, и только в середине – настоящие.

– Ты вбок гляди! – Кинни опустился на колени, согнул руку, загоразивая стекло от уличных фонарей. Она пристроилась с ним рядом. И увидела, как в углу стекла сверкает и переливается отражение всей витрины. Кинни скрючил пухлые пальцы над мужскими часами, рука прошла сквозь их отражение и снова застыла – на сей раз над сердечком-медальоном с американским флагом.

– Хочешь такой? – Он сомкнул большой и указательный пальцы над отражением и сделал вид, что передает безделушку ей. А она подставила ладонь – словно готовясь ее принять. Медальон остался на месте. Стоило поводить головой под определенным углом, и медальон то зажигался огоньками, то потухал. А настоящий, в витрине, был удручающе осязаем. Но тот, сотканный из света, чуть двоился и мерцал всё ярче. Она тоже протянула руку.

– Ни черта себе! – воскликнул Кинни. – А мы не опоздаем? Времени-то уже сколько!

Они схватили ролики и понеслись к своему подъезду. В вестибюле было пусто – как всегда во время ужина. Где-то далеко, в шахте, равнодушно гудел лифт, пока не остановился где-то наверху.

– Вообще бы туда не ходил! – Кинни угрюмо пихнул ногой ковер, его румяное лицо в желтоватом электрическом свете выглядело мрачным и унылым. Среди восточного великолепия вестибюля его крепкая фигурка в поношенной одежке вызвала в ней приступ жалости – он казался ей приплюснутой копией ее самой.

– Пошли пешком, – предложил он.

По лестнице она карабкалась первой – от этажа к этажу, мимо закрытых дверей Шумейкеров, Леви, Кингов и прочих жильцов, которых она не знала, и она представляла себе, как каждое семейство, как обычно, сидит за столом с белой скатертью, как горничные неторопливо подают одно за другим блюда, и на массивных буфетах выставлены в навеки установленном и незыблемом порядке супницы, канделябры, вазы с фруктами. Лишь у Элкинов всё разгромлено, там по привычке к стулу еще тянешься, а он уже убран, к комоду – ведь он еще недавно был здесь, от старого порядка нет и следа, но память о нем свежа и это больно.

– Лучше бы мы вообще отсюда уехали, – сказала она, когда они поднялись к себе на этаж. И нехотя потянулась к кнопке звонка.

– Ну, давай же, звони! – подстегивал ее сзади Кинни. Она отпихнула его: ей было почти хорошо, она почти поверила, что там, за дверью, всё по-старому. Дверь откроет отец, закричит: «Силы небесные, ну где же вас носило?» – и они не успеют еще снять куртки, а мать начнет ворчать, что они по уши в грязи, и отправит их мыть руки. Эстер, оказавшись за столом, на своем месте, где салфетка лежит в ее кольцо со вмятиной, сможет войти в свою роль преступника, которого вечно призывают к ответу, и тогда, оказавшись между родителями, такими разными, можно будет предаться собственным мечтам.

Дверь открыла мать. За ее спиной вздымались хаотичные груды скарба, голова у нее была обвязана белым кухонным полотенцем, и у нее был решительный вид героини, готовой к самому худшему –

как у медсестер на агитационных плакатах, что висели у Эстер в школе. Она включила верхний свет – словно желая выставить напоказ их опоздание.

– Никакого сочувствия, ни малейшего! – сказала она. И покачала головой, но взгляд был отсутствующий, а руки, которые она, даже взясь с грязью, умела сохранять в чистоте, что Эстер всегда считала и удивительной загадкой, и своего рода упреком собственной неряшливости, были в пыли, и на полотенце, которое мать судорожно поправила, остались пятна.

– Папа дома? – спросил Кинни.

– Да, – ответила мать, окинув его суровым взглядом. – Он рано вернулся.

Кинни проскользнул мимо нее.

– А Джози где? – спросила Эстер.

– Ты же знаешь, Джози поехала в Йорквилль, искать жилье, – ответила мать. – В новой квартире у нас не будет комнаты для прислуги. Ты что, не можешь усвоить, что мы... – Фразу прервал протяжный и усталый вздох, в нем слышался отголосок немецкого «Ach!». Безукоризненно очерченное лицо матери напоминало Эстер Венеру из учебника латыни, вернее, напоминало бы, если бы в нем не проглядывала жалость к себе, жертве неминуемого несчастья. Нынче, как и всегда во время кризиса, вид у матери был торжествующий – несчастье таки случилось.

Она пронзила Эстер многозначительным, пронизательным взглядом, она часто смотрела на нее так в последнее время – ведь Эстер теперь подросла, она почти женщина, уж не возвести ли ее в ранг наперсницы. Однако, посмотрев на дочь и лишней раз убедившись, что подобный союз невозможен, всплеснула руками и удалилась в кухню.

Эстер вошла в столовую. Сияющий полировкой стол был пуст.

Ἰ ἀδελφὰ πᾶσι ἀεὶ ἐπέειπεν

Ἄδελφὲ Ἰσθριεῖσσι

Ἰ εἶπεν ἂν ἐὰν ἴδῃσιν

Ἰ ἀδελφὰ πᾶσι ἀεὶ ἐπέειπεν ὁ Ἰσθριεῖσσι Ἰ ἀδελφὰ πᾶσι ἀεὶ ἐπέειπεν ὁ Ἰσθριεῖσσι (1821-1896) Ἰσθριεῖσσι Ἰ ἀδελφὰ πᾶσι ἀεὶ ἐπέειπεν
1896 Ἰσθριεῖσσι

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

САМУИЛ ГАЛКИН

Èàíí eä Èàöeñ

Самая близкая к нашим дням публикация переводов С. Галкина содержится в сборнике «Поэзия узников ГУЛАГа» (М., 2005). Казалось бы, не с этого надо начинать рассказ о поэте, ставшем классиком еврейской литературы. Однако другой классик идишской поэзии Ицик Мангер, который неизбежно окажется в нашей антологии, писал, обращаясь к уже умершему Галкину: «Теперь я могу тебе сказать, что среди всех творивших на идише в Советском Союзе ты был исключением в одном: у тебя есть адрес после смерти, могила, легальная могила <...> Кто из всей плеяды еврейских поэтов в Советском Союзе может сравниться с тобой? Ни один еврейский писатель, ни один еврейский поэт в Стране Советов не достиг того, чего достиг ты».

Это писал живший в Польше, США и Израиле Ицик Мангер. И писал после смерти Галкина, когда уже не мог повредить своему коллеге в СССР. Ведь сидел Галкин в инвалидном лагере Абези – том самом, где отбывали срок и философ Л. Карсавин, ведший когда-то полемику с А. Штейнбергом о судьбах еврейства, и искусствовед Николай Пунин, и многие другие достойные люди.

Для нашей подборки мы выбрали стихи Галкина в переводе Анны Ахматовой, в переводе сидельца Николая Заболоцкого, а также в переводах живущего ныне в Израиле Валерия Слуцкого.

Переводы Слуцкого появились в рижском журнале «ВЕК» (1989, № 3). Рядом с ними-то и было помещено письмо Ицика Мангера своему покойному другу, так напоминающее письмо матери из «Жизни и судьбы» В. Гроссмана.

Можно было бы кратко рассказать о биографии Галкина, о его сборниках стихов до и после заключения, о его пьесах «Восстание в гетто» (1946), «Суламифь» (1938) или «Бар-Кохба» (1940). Однако, как говорил герой Галкина в «Бар-Кохбе»:

Átáreúú! Çàì íè:è!.. Èì íàðéý..

Nát àòíð..

Í ðíòèáí úáíèíáá! Áí òííéé,

í á çéííèíáí!

Í íèèòèéóáíèíé! Ní íáí òá í ðí èpáíáí..

И мы обратимся к воспоминаниям того, кто слушал стихи Галкина «Глядя на звезды», кому Галкин читал свое стихотворение «Дер штерн» («Звезда»), «сопровождая, как обычно, чтение русским переводом». Это Анатолий Ванеев, чьи мемуары «Два года в Абези» считаются классикой гулаговской мемуаристики. «Помимо чтения стихов, Галкин рассказывал мне о хасидах, так как сам был из семьи хасида <...> По учению кабалы, Б-г творит мир посредством Тайны сжатия – сойд ха цимцум. Бесконечный – Энсоф – сжимает себя в букву “Юд”, которая по размеру почти точка и является первой буквой сокровенного имени Б-га. Сжимая Себя, Б-г как бы освобождает место, так как первоначально всё заполнено Им одним. Затем Б-г излучает Себя вне Себя. Эта эманация, совершенная вблизи к центру, на периферии принимает низшие формы бытия, что и есть сотворенный мир.

– Послушайте, – сказал я, – так ведь ваша Звезда и есть буква “юд”!

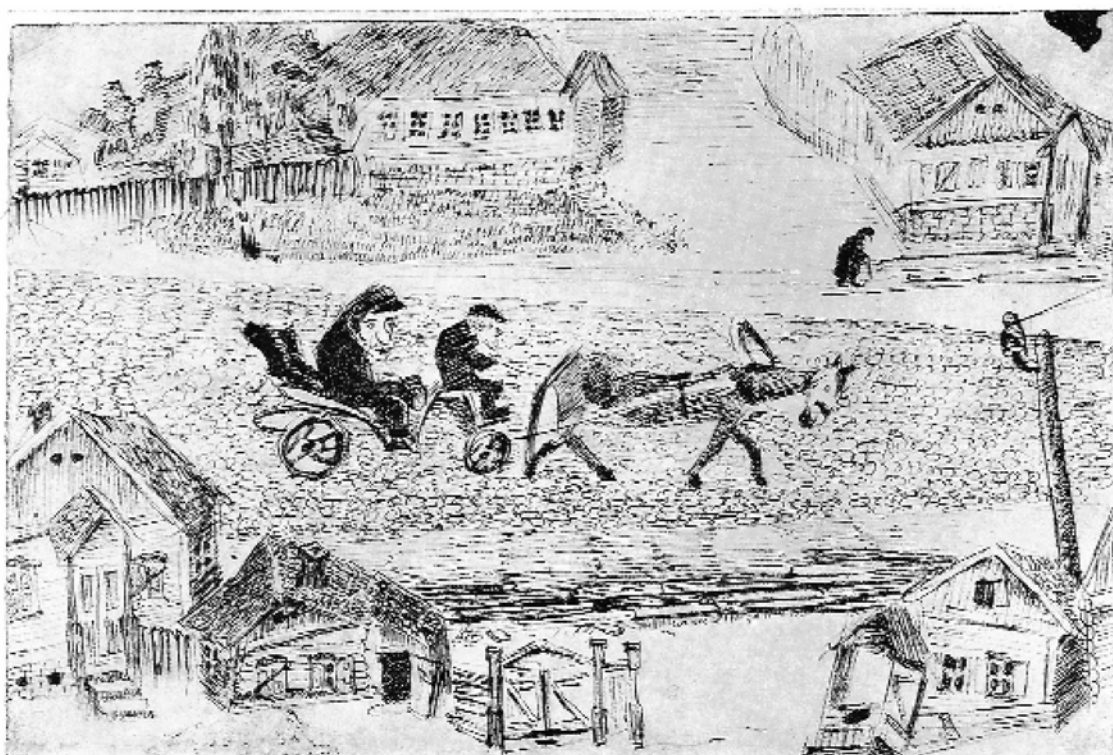
– Конечно, – ответил Галкин».

Стихотворение, о котором идет речь, перевела Анна Ахматова. Однако, как вспоминает Ванеев, «на идише оно звучит мужественнее, и Галкин, пересказывая его без рифмы, передал стихотворение ближе к оригиналу. Он говорил: “Эта звезда мне драгоценна – ради чистоты ее огня – ради того, что свет сам по себе чуден, – и еще ради того, что всё сияние своего огня – в себе самой, как в одной капле заключает она”». Закончив чтение и пересказ, Галкин признался, что написал это стихотворение под влиянием чувства поэтической зависти к стихотворению Иннокентия Анненского:

Νόστιε ἰ εὐδῆ ἰ ἀδύρ ἰ εὐ ἰ ἰ εὐ

Ἰ ἰ ἰ ἰ εὐ ἰ εὐ ἰ ἰ ἰ εὐ ἰ εὐ ἰ εὐ...

Важные комментарии к стихам Галкина продолжают порой неожиданно возникать как бы из небытия. И характерно, что вновь перед нами голос из Абези. В Нью-Йорке в 2005 году вышла книга воспоминаний покойного любавичского хасида Иосифа Немотина «Где эта улица, где этот дом». Там рассказывается история, которая удивительно близка рассказу о стихотворении «Звезда», запомнившегося русскому товарищу по несчастью еврейского поэта. Только касается этот рассказ, по-видимому, стихотворения «“Ты, – говорил он, – идолопоклонник”, – / Мой старый папа, слушая меня...».

À. Èàréàí.

Ἰ ἰ ἰ ἰ εὐ ἰ εὐ ἰ ἰ ἰ εὐ ἰ εὐ ἰ εὐ

1928 ἰ ἰ

И. Немотин вспоминает рассказ Галкина о том, когда счастливый поэт в 30-х годах приехал в родной Рогачев с новеньким орденом. Орденосца торжественно встречали и поздравляли все, кроме его отца. Когда же отец с сыном остались вдвоем, вспоминал Галкин, то отец, указывая ему на орден, сказал: «Сынок, ты, наверное, делаешь талантливую работу, но твоя работа – это Авойде зоре (“чужая работа”)». Это выражение на иврите, собственно говоря, и означает идолопоклонство. До конца понять всю серьезность слов отца может лишь тот, кто услышит эти древнееврейские слова во фразе

на идише. Том самом языке, на котором писал свои стихи С. Галкин. Нечасто еврейские советские поэты, ушедшие в советский литературный мир, сохраняли верность миру и идеям своих отцов. В этом смысле Галкин довольно редкое исключение.

Хотелось бы – пусть в русском переводе, пусть не с тем предельным мужеством, непередаваемым по-русски, с каким поэт стоял, помня заветы отца, перед Всевышним и Его Звездой, – но чтобы энергия и чистый свет поэзии Самуила Галкина дошли до нас, его сегодняшних читателей, которым, как предсказывал он в стихотворении «Другу», его буква «когда-то будет странною для глаз». Это та самая «Буква», о которой писал в своем «Открытом письме» Галкину Ицик Мангер: «Ты видел, как “реабилитировали” твоих убиенных товарищей. Ты видел мумию убийцы в стеклянном гробу в Кремле.

И твое сердце не выдержало.

Союз писателей СССР подготовил твои похороны. Было, говорят, много венков. Среди них – даже один венок с еврейскими буквами.

Эти еврейские буквы были наверняка самыми печальными из провожавших тебя. Они молча глотали слезы и даже не взглянули на парадную кириллицу».

Ныне Галкин – на непарадной кириллице любивших и любящих его поэтов.

* * *

*Î íá çâççâá î ò ðâáí à ýòà
xèñò î ò íé è ñèéíé ñâòà,
Òâí, ÷ ò í íé íâí í ñâò èéí
Ñâò í íâí áí ù é í á ñò ðâééí,
Òâí, ÷ ò í áéâíé áí í í ÷ í íé
Â èâí éâ çâéëþ ÷ áí íâí íé.*

Í í á çâçãä î ò ðàáí à yò à
Òáì , ÷ ò í áéáúáò áí ðáííáò à,
Òáì , ÷ ò í, áéáíé í à áí áú ííý,
Í á ñò áí í àè ò ñý ò óíééáá
Í à ñáí áí í óò è áí éúóí í -
Ñ çâçãí í é áúíé á áí áí áí .
Í í á çâçãä î ò ðàáí à yò à
Û ááðííò úþ ááçí áðí í é ííáò à,
Òáì , ÷ ò í, ííáò áí áí é ðáý,
B ááçí áðí ííò ú í ííò è ááþ,
Òáì , ÷ ò í ñðáçó í ò ááí à
Í ááó è çáì é á í í á

1936, í áááí á Áí í ú Áò ì à ò í áí é

Í ÑÁÍ Í ÈÉ ÈÈÁÍ

Í í á í é é í è ð í ñ úíéáí í í óíò ðí áí
È í áí í é áí .
Áí é á è á í ááí è áúú áóó í é ñ í é í áí ,
È á é yò í ò é é áí .
È áí é é í ú é ú í á í é á ò ááý í í é ð í á ò -
Í á í í ì á ð ò á í é ,
Í í óíò ú í á çá ð á é è ñ ò ú ò á í é í í í á ò
Ðí í á í í é á é .
È í áá á áí ç á í á á í è ð í ì ð á ç ð á ç è ò ñ ý
È í ó ð á á í ,
Í í é ç á ñ ò á á y ò á í ç á í è è í é é í é ò ú ñ ý
Ò á í é ò í í é é é ñ ò á í .
Í í , á á ç á á í á á á ñ á ð ò á é ú ú ð þ è ñ ò í í ó
Í ò yò è ó í á é ,

Í íáíáíí äðááí ííáíé ìðííòíí á
Ñí íé:é, ì íé äðá
Í á çááúááé, ÷òí áúíðýì èòíý ñí íáá,
Í á èíéðéáéáí,
Í í òí ááðáí íò ðáçá à çáí í íá
Í íá í éé ééáí.

1948, перевод Николая Заболоцкого

А. Каплан. Рогачев, старый дом.

1928 год.

ÄÐÓÃÓ

С тобою, друг, у нас давнишний счет:

Ты брел со мной дорогою невзгод.

Когда меня валила с ног усталость

И песня в горле у меня смерзалась,

До песен ли мне было в этот час?

Душа была смятением объята...

О том, что брат остался верен брату

Не пожалеет ни один из нас.

Так почему ж теперь, мой брат,
мой друг,

Так трудно мне с тобой бывает вдруг?..

Ты, как судья, напоминаешь: «Прожит
День нынешний... А где ж его итог?..

Всё ль совершил, что совершить ты мог,
Что за тебя другой свершить
не может?»

Ты требуешь: «Всё ввысь да ввысь
тянись!»

Как будто только мне – по силам высь!

И я тянусь, хоть на плечи легла

Двойная тяжесть и добра и зла,
Хоть высота порой бросает в дрожь,
А середины ты не признаешь...

Не слушать, гнать тебя, перебороть?..

Что проку?.. Ты – народа кровь и плоть.

А я давным-давно сказал себе,
Что призван всё делить в его судьбе.

Ты говоришь: себе я не хозяин,
С судьбой народа я навечно спаян,
И то, что скромный дар мой создает,
До дней грядущих будто бы дойдет...
И верю, – хочется мне верить, друг! –

Пусть не потомки – нет! Пусть все вокруг

Мой стих услышат и поймут его,

Узнав биенье сердца своего...

О самом сокровенном, дорогом

Я говорил на языке своем

Народам разных стран и языков.

Я день и ночь ворочал глыбы слов

И высекал, до боли сжав резец,

Людскому сердцу славу и венец.

Хвалу народу пел мой каждый стих.

А мне... Не надо мне наград иных,

Мне лишь бы знать, что строки

не умрут,

Что он не сгинет, мой заветный труд.

И пусть та буква, что пишу сейчас

Всей страстью сердца,

кровью сердца всей,

Когда-то будет странною для глаз,

Чужою для сынов и дочерей.

Пусть мой язык им будет незнаком,

Они поймут, что этим языком

Мы воспевали счастье, кляли горе,

Волною в общее вливаясь море.

1957

Ї ааааа Реее Ї аеи аи

АÑÈÈ Ї А В АЁБ ÑААВ... *

** Аїїє ї а ү аєү ñау - єòї аєү ї аїү?
Аїїє ү òїєїєї аєү ñау - ÷òї ү òàèїа?*

Èòí äëÿ òääÿ, éíññà íá òù?..

Èíì ó äðó:-èøü ññé è çàáí òù?

Áääü äðáí ÿ ñ éææüì ññé è ñ:-àòù,

Í áí ææü ñò ääÿ ó:-àðòù,

Áää ó òääÿ íá ññ ðñÿò, èòí òù,

È, ññá ðñáí íúé, òù óéääøü..

Èíññà íá ÿ ññá, òí èòí æ?

Ñì íò ðè, ííéóää äéæ è ññáç

È çíæ - íá óää è èò æéçí è óäéíé,

À íí òí òí ó ññáðò ì äðü äææé, -

Èíññà æá äññè íá ññé:-àñ?

Í è:-òíæáí äðáí áí è çáí àñ

Ñ:-èññè ì è ì äðé áääü íá ñò ðáæá..

Èíéü íá ññááíÿ, òí éíññà æá?

Í í íò :-èññà íá ííüÿ íæ,

À ì äðá - äéáí íá íá á íæ;

Èèøü äëÿ ññáÿ ñò äðáÿ ññé - :-òí ÿ?

Èòí ÿ òäéíé? × äñ ÿ ñò íð,

Èíññà ññáÿ á íáí ñí :-èññá

Β óò äáðæääð íá çáí éá?

È «:-òí ÿ äñ ù» éääéí á ñò ðñéó áú,

Í í ì íá íæää ññéæää äñáú

È, ì ùññè ì äðáéðÿ,

Áääò ì íæé ðééíð

È øáí:-àò ì íá :-òí ÿ-

× äðò çíääò :-òí òäéíá..

* * *

«Ты, – говорил он, – идолопоклонник», –

Мой старый папа, слушая меня.

Здесь на Талмуд сослался бы законник,

Десятками запретов приструня, –

Не по иным каким-нибудь мотивам,

Но почву из-под юношеских ног

Он вышибив, себя вполне счастливым,

Наверное, почувствовать бы мог.

Меня увещевал бы разъяренно,

За то бранил и втапывал бы в грязь,

Что я предпочитаю Аполлона,

Кошунствую, Венерою пленяюсь,

Что греками посмел я искутиться,

Себя же выставляя на позор,

Что лезу в виноградник, как лисица,

Которой нипочем чужой забор,

Что бурей я утащен, что за тенью

Гоняюсь, что в сомнительном краю,

Подобный одичавшему растению,

Я соки чужеродной почвы пью.

Но папу не смущали ни буря –

Существеннее был его подход,

Он только улыбался, глаз прищуря,

Когда ему по вкусу был мой плод.

Однажды лишь сказал: «Творенье – диво.

Затмившее в глазах твоих Творца.

Поёшь – “как это дерево красиво!”

Но это ль вдохновлять должно певца?

Ты, дерево почтив, его убранство,

К нему лишь обратил свое лицо,

Тому ж, Кто создал землю и пространство,

Не хочешь посвятить хотя б словцо.

И думаешь ты – нужно лишь для поля,

Чтоб в свой черед сменялись свет и мгла,

Но разве не Его на это воля –

Чтоб вовремя и песнь твоя пришла?

Был царь Давид, и дар его – от Б-га,

Из сердца в сердце он вдыхает свет.

В сравненьи с ним тебе, мой сын, так много

Недостает – вот это был поэт!...»

А мама, за домашнею работой

В другие погруженная дела,

Прислушиваясь к нам, и доли сотой,

Наверно, из всего не поняла.

Она ко мне приблизилась: «Ты видишь,

За хлопотами мне не до бесед.

Ты маме объясни, сынок, на идиш –

Всё слышу я о вас: “поэт... поэт...”

На сколько, расскажи мне, классов это?..»

Ей, в четырех стенах проведенной дни,

Что я скажу? Оставлю без ответа? –

Когда за ней полмира – «Объясни,

Í í m úñèì íà íàííéíyàòny ííáìì,

È nàì è m'áíé í ðrèçííny'ò ñòá:

«Díáí úá ì í á èp'áè, í òñòú áóúáò

ñáò èí ààì !

Áàì - "òíéíì àéáéòáì ", ðr'áí úá ì áñòá!»

Ñí ðíñè òá ì áíy - íáúyñ èé áú áááà èè

Òá ñéáçú, éíááá í íçáòááèyè ñí íéííò íé

Éóí ó è í ðéááò ñò áéá ááú óáí ò áèè

Díáí ìí ó ì áñòá: éó á íí: è çíéíò íé.

Á í úí: á èp'èú - íéíéáí ááí í éáò í,

È ò í í áò á ñéyí úè - éóáá í é áçæyí ó

È éàæááy ááò éá è ñéyí úp áí çááò á

B áí íáí ñí íéííò íé í íçáòááèy'p éóí á

Óíòú òá æá ñéíáá á í íéííéóí úá áí ñéóáíéè,

Ì íéè òáá éííé í á ñòáò í ðááíò ááò -

È éáé í á çáì áò è òú í ò èè: èy, áñèè

Èáíéèè óæá ñáéðááò í á ò í ò.

Í í y í á òí: ó í ñòóí è òúy í é ñéíáíì,

È è í ááó í íéè òááí í í áçíð í íáí éí á

«Díáí úá ì í á èp'áè, í òñòú áóúáò ñáò èí ààì !

Áàì - "òíéíì àéáéòáì " è í éðó áíáí ó!»

1958

Í áóááíá Ááéáðéy Ñéóóéíáí

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ПУЛЬСА ДЕ-НУРА

Яков Шехтер

В конце длинного летнего дня, когда солнце исчезает за плоской крышей автобусной станции, небо над Реховотом становится апельсинового цвета. Стихает базар, продавцы запирают свои лавки, щедро оставляя не распроданный товар второго сорта перед дверьми. Солидные покупатели постепенно покидают рынок, один за другим смолкают вентиляторы, с самого утра разгонявшие влажный, жирный воздух. Наступившая тишина оглушает, сторож, дав нищим возможность набить свои корзинки, запирает ворота. Скрежет сдвигаемых створок кажется невыносимым, точно фальшивая нота у Менухина.

И всё это великолепие цветов, плотный вал запахов и ниспадающая рапсодия звуков расшибаются о толстые стены и тонированные стекла синагоги «Ноам Алихот». Похоже, будто прихожане, собравшиеся для молитвы, живут своей, отгороженной от мира жизнью. Уже давно никто не выбегает смотреть, как низко опустилось солнце и можно ли еще читать «минху», дневную молитву. И появление трех первых звезд, осторожно шевелящихся на темнеющем оранжевом небосводе, тоже перестало интересовать прихожан. Точное время начала и конца молитв, наступления субботы и окончания праздников давно исчислено раввинами и напечатано крупными цифрами в специальных календарях. Жизнь в синагоге движется не по закатам или полнолуниям, а в строгом соответствии с раввинскими предписаниями. Горожане шутят, будто, если погаснет солнце или не взойдет на небосклоне луна, порядок литургии в «Ноам Алихот» останется без малейших изменений.

Но вот закончилась вечерняя молитва, ночь повисла над опустевшим рынком и замершей синагогой. Только в комнате старосты горит свет: за круглым столом сидят трое членов совета. И дел вроде никаких не осталось – всё давно обсудили, рассмотрели, распределили обязанности. Да и какие такие дела могут быть в маленькой синагоге, для чего нужно каждый вечер на целый час оставаться после молитвы?

Возможно, герои нашего повествования сами не подозревают, какая сила сводит их вместе, а может быть, они давно уяснили причину и с радостью подчиняются ее давлению. Ведь нет на свете более удивительных и сладостных уз, чем приязнь и симпатия.

Когда смолкли звуки шагов последнего из прихожан, Нисим открыл сумку и достал из нее утреннюю газету. Староста реб Вульф, следуя указаниям покойного рава Штарка, категорически запретил вносить на территорию синагоги любой вид печатной продукции, кроме Святого Писания и книг комментаторов. Но в своем кругу, без посторонних глаз, он вел себя более снисходительно.

– Полюбуйтесь! – воскликнул Нисим, тыча пальцем в крупную фотографию на первой полосе. – Группа раввинов, собравшись прошлой ночью на кладбище кабалистов в Цфате, совершила Пульса де-нура – обряд древнего кабалистического проклятия. Объектом проклятия стал не кто иной, как глава правительства.

– Чушь, – презрительно скривил губы реб Вульф. – Нет такого понятия: «древнее кабалистическое проклятие». У нас принято благословлять людей, а не проклинать.

– А Шабтай Цви? – воскликнул Нисим. – Ты же сам рассказывал о проклятии графу Липинскому.

Действительно, недели три назад, на одной из вечерних посиделок, реб Вульф припомнил историю, услышанную им много лет назад от рава Штарка.

К середине 1665 года большинство раввинов признало Шабтая Цви Мессией. Во многих общинах отменили траурный пост 9 аба и вместо него устроили праздничный день, с благословением на вино и двумя торжественными трапезами. И только знаменитый раввин Львова, Давид бен Шмуэл, осторожный и основательный, как и его книги, медлил с решением. Во Львове пост прошел, как и во все годы, а в начале 1666 года раввин отправил в Измир, где проживал Шабтай Цви, доверенного посланца.

Когда тот вернулся, Давид бен Шмуэл долго беседовал с ним в своем кабинете.

– Я слово в слово передал господину Цви ваше послание, – сказал посланник. – Когда он услышал о несчастьях, чинимых львовской общине бесчестным графом Ольгердом Липинским, тут же наклонился, вырвал из земли пучок травинки, прошептал что-то и пустил травинки по ветру.

– С графом я покончил, – сказал господин Цви. – Возвращайся во Львов и передай тому, кто тебя послал, что медлительность не пристала столь знаменитому мудрецу.

– Как вы знаете, граф умер два месяца назад, – продолжил посланец. – Я проверил даты – смерть наступила негодая именно в тот день, когда господин Цви произнес свое проклятие.

– Он шарлатан! – воскликнул

Давид бен Шмуэл. – Мессия будет убивать словом. Если Шабтаю Цви понадобились дополнительные действия – значит, он просто колдун.

Раввин отпустил посланца и тут же написал свое знаменитое письмо, с которого начался закат Шабтая Цви.

– При чем тут Шабтай Цви?! – реб Вульф скривился, точно от горького лекарства. Само имя отступника подняло в нем волну отвращения. – Как ты можешь учить из нечистого о чистом?

– Хорошо, – согласился Нисим, но тут же перешел в новую атаку. – А Хофец Хаим и Троцкий?

Всё тот же реб Вульф рассказывал от имени рава Штарка, будто в начале двадцатых годов Хофец Хаим собрал в своей синагоге десять раввинов, достал свиток Торы и отлучил Троцкого.

« – За что рав его отлучил? – спросили ученики, – и если отлучил, то почему так поздно?»

– Душа Троцкого спустилась в мир, – ответил Хофец Хаим, – чтоб стать Мессией. Для этого Всевышний наградил ее особыми силами и особым талантом. До какого-то момента была возможность обратить эти силы к добру. Сейчас точка, после которой возвращение невозможно, уже пройдена.

Отлучение возымело действие; сразу после него звезда Троцкого покатила к закату».

– Пусть твои уши услышат, что произносятся уста! – возразил реб Вульф. – Ты перепутал отлучение с проклятием.

– Да какая разница, как оно называется, но если в результате человека бьют ледорубом по голове, то, по мне, это одно и то же! – не унимался Нисим.

– Проклятие, – степенно принялся разяснять реб Вульф, – это когда на цветок выливают стакан серной кислоты. А отлучение – это когда его перестают поливать водой, отлучают от источника жизни. Результат похож, но пути совсем разные. За исключением того, что проклятие действует наподобие бумеранга: оно всегда возвращается. Поэтому раввины, люди, в отличие от прощелыг-газетчиков, знающие, как работает механизм проклятия, никогда не станут заниматься такого рода действиями.

– Я слышал от стариков на Кубе, – вмешался Акива, – будто бы в каждом дне есть одно мгновение, когда любое произнесенное проклятие сбывается, без всяких последствий для проклинающего. И якобы пророк Билям умел вычислять такую минуту.

– Так почему он не смог проклясть народ Израиля? – удивился Нисим.

– Написано в старых книгах, – произнес реб Вульф, – будто Всевышний, благословенно Его имя, в те дни отменил это мгновение. Потому-то у Биляма и не вышло. До того выходило, а тут вдруг перестало получаться. Потом, когда Биляма убили, вернул мгновение на свое место.

– Слова – вообще опасная штука, – вздохнул реб Вульф. – Ох как осторожно надо с ними обращаться.

– Да, – подтвердил Нисим, – недаром гиганты Ренессанса определили нашу жизнь, как «слова, слова, слова...».

Реб Вульф вдруг приподнял указательный палец и приложил его к губам.

– Тссс! Мне кажется, я слышал его!

В комнате воцарилось напряженное молчание. Нисим тихонько встал с места, на цыпочках подошел к полуоткрытой двери и распахнул ее настежь. Прошло несколько минут.

– Наверное, показалось, – вполголоса, не решаясь разбить установившееся безмолвие, произнес реб Вульф.

– Показалось, – подтвердил Нисим, возвращаясь на свое место. Он глубоко вздохнул и, словно в холодную воду, прыгнул в рассказ.

– Неподалеку от моей «басты» торгуют два брата-зеленщика, Эли и Леви. Тихие, спокойные люди, дела свои ведут скромно, не гонятся за большой прибылью. Я наблюдаю за ними уже много лет и ни разу не слышал криков возле прилавка, не замечал рассерженных покупателей. Старший, Эли, давно женат, а младший всё искал себе пару. С кем только его ни знакомили, жених-то он завидный. Недурен собой и с хорошим доходом, а всё не шло.

– Мой брат – человек особенный, – говорил про него Эли, – и жена ему нужна тоже особенная.

В конце концов приглянулась ему девушка. Родом из Турции, приехала после школы одна, без родителей. Прошла армию, закончила курсы по маркетингу и устроилась в торговом центре Реховота. Объявления по внутреннему радио центра слышали? Так вот это она.

– Знаю я этих братьев, – сказал Акива. – Перед субботой всегда у них базилик беру и кинзу. Действительно, приятные люди.

– Н-да... – протянул Нисим. – Стали о свадьбе думать, надо знакомиться с родителями. А те из Стамбула – ни ногой. Нечего делать, сели на самолет, полетели в Стамбул. Это мне Леви сам рассказывал, мы за последние годы сдружились, особенно моя жена с его Рики.

Так вот, родители Рики жили в старой части Стамбула, там, где раньше был еврейский квартал. Евреи давно оттуда поразъехались, кто в Израиль, кто в более фешенебельные районы города. Остались только неблагополучные семьи. Рикины родители материально стояли довольно крепко; отец крутил вполне процветающий бизнес. Проблема была в матери, она болела сердцем и практически не выходила из дома. Спуститься по крутой лестнице с шестого этажа и взобраться назад она могла только раз в год или еще реже.

Из этой квартиры, по словам Леви, можно было и не выходить. Вид из окон такой, что любишь с утра до вечера, будто в театре. Сапфировый Босфор как на ладони, улицы и крыши Куле, еврейского квартала, прямо под носом. Крыши давно превращены в небольшие клумбы: розы, гортензии, мальвы, настурции – кто во что горазд.

А их улица – Языджи Сокак – давно уже центр ночных развлечений: гуляющие девки прохаживаются перед входом в парадные, как манекенщицы на выставке, кавалеры к ним пристают, торгуются, потом, столковавшись, расходятся по гнездышкам. Дома старые, без кондиционеров, окна настежь... В общем, есть на что посмотреть.

Н-да... Рикина мать курила не переставая крепкие турецкие сигареты, вся квартира пропахла дымом. К ней постоянно приходили подруги, они пили кофе, играли в «реми» и болтали. Глаза у нее были, точно у совы: огромные, желтые и навывкате. Выдержать ее взгляд Леви не мог. Будущая теща сразу предупредила, что сама на свадьбу не приедет и отца не отпустит, ее состояние не позволяет оставаться одной дольше нескольких часов. «Ну, не может так не может», – подумал Леви, хотя свадьба без родителей невесты – дело необычное. Однако чего в жизни не бывает.

Погуляли они по Стамбулу, накупили всякой ерунды в дешевых лавочках и вернулись домой. Свадьбу назначили через три месяца. Арендовали банкетный зал, разослали приглашения – в общем, всё как обычно. Из Стамбула пришла поздравительная открытка и чек на солидную сумму.

Н-да... А за две недели до срока позвонил хозяин зала. К нему пришла инженерная комиссия и закрыла его заведение. Комиссия выяснила, что этот зал сделан по такому же проекту, как и «Версаль»*, поэтому без капитальной перестройки здания свадьба может перейти в похороны. Хозяин договорился с другим залом, по соседству, правда, на следующий день. Открытки с новым сроком и адресом он напечатает и разошлет за свой счет, дайте только адреса.

Ладно, лучше так, чем как в «Версале». На всякий случай обзвонили всех приглашенных, объяснили ситуацию. Никто не возражал.

– Хотел бы я видеть того, кто стал бы возражать, – хмыкнул реб Вульф.

За день до свадьбы Рики начала волноваться. Приехать родители не могут, понятно, но почему не звонят? Она без конца набирала стамбульский номер, но телефон не отвечал.

– Что-то случилось, – тревожно повторяла Рики, – мама не может так надолго выйти из дому.

– Телефон, наверное, испортился, – утешал ее Леви. – Или они решили преподнести нам сюрприз и сейчас летят в Израиль.

Но на свадьбу родители Рики не прилетели. Радость отодвинула тревогу, и после хупы невеста отплясывала так, что все только диву давались. Они вообще очень красивая пара, Леви и Рики, а в свадебных нарядах смотрелись, будто сошли с обложки журнала мод. Молодые танцевали весь вечер, даже за стол не присели, чтобы перекусить.

Отец позвонил на следующий день. Рики молча выслушала несколько фраз, положила трубку и упала в обморок. Оказалось, что ее мать умерла два дня назад. Перед смертью она попросила ничего не сообщать дочери, не портить радость. Похороны должны были состояться в день свадьбы, и отец специально отложил их на один день. Он ведь ничего не знал про смену зала.

– Она всегда упрекала, что я мало ее люблю, – повторяла Рики. – Что бросила ее одну и уехала в Израиль, что редко звоню, что приезжаю всего на две недели. А в последний раз сказала, что буду танцевать на ее похоронах...

Нисим положил обе руки на стол и похлопал, словно проверяя надежность, незыблемость матери.

– Она, наверное, попала на ту самую минуту, которую искал Билам, – произнес он и откинулся на спинку стула, словно освобождая место для другого рассказчика. Несколько минут собеседники молчали, переваривая услышанное. Глубокая тишина наполняла синагогу, и в укромных сумерках этой тишины таились духи прошлого. Святая земля держала Реховот в своих ладонях; кто знает, может быть, на месте синагоги разбивал свои шатры праотец Авраам, или злодей Билам разжигал костры и готовил колдовские снадобья. Всё это происходило здесь, и невозмутимая память песков, желтых ноздреватых камней и красной, крошащейся от жары земли медленно пропитывала синагогу, создавая в ней удивительный, особый воздух.

Тишину нарушил перестук пальцев. Акива положил обе ладони на стол и пробарабанил какую-то мелодию. Затем медленно оторвал пальцы от столешницы, внимательно, словно дирижер перед исполнением рапсодии, оглядел собеседников и начал.

– Эту историю я слышал от моей тети. Она жила в Гаване. Ее муж, ювелир, хорошо зарабатывал, и компанию они водили с другими ювелирами, а так как было это еще до Кастро, то жизнь текла безмятежно и радостно. Их дом находился в фешенебельном квартале, по соседству с напарником мужа. Вот с ним-то и случилась та самая история.

Руки у напарника были не золотые, а бриллиантовые, клиенты записывались в очередь за год и платили деньги если не бешеные, то по меньшей мере безумные. С женой ему не повезло, так моя тетья считала, та закончила Гваделупский университет и преисполнилась огромной важности. В университете Леонарда изучала испанскую литературу и набралась от «романсеро» таких деликатных манер и такого изысканного обращения, что разговаривать с ней было сущим наказанием. Каждый громкий возглас она воспринимала как чрезвычайную грубость, а темы для разговоров выбирала только художественные или поэтические. Жены других ювелиров, женщины простые в обращении и с хорошо развитыми голосовыми связками, скоро перестали с ней общаться, и осталась она, бедняжка, одна-одинешенька в огромном пустом доме.

Слава Б-гу, родились дети, и Леонарда нашла в них утешение и занятие, полностью посвятив себя их воспитанию, и так как характеры у детишек оказались весьма непоседливыми, то потихоньку утонченность и деликатность сползли с нее, как сползает со змеи ставшая ненужной кожа. Дети росли, а с ними рос и голос Леонарды. Спустя несколько лет она орала так, что даже моя тетья, привыкшая к общению на высоких нотах, посылала служанку узнать, не случилось ли чего плохого с детьми или мужем. Внешне

Леонарда сильно переменялась: если в начале супружества она была плотной, чуть ли не полной девушкой, с сочными губами и копной черных волос, то с годами губы превратились в две тонкие полоски, а волосы сильно поредели. Тело Леонарды высохло, она стала поджарой, почти худой женщиной с сильно выпирающими ключицами и хрипловатым голосом. То ли дети выпили из нее соки, то ли беспрестанная ругань и крики свели на нет полноту юности. Лишь глаза сияли по-прежнему и тонкие, искривленные в постоянной усмешке губы сохранили яркость.

Муж Леонарды тоже оказался голосистым мужчиной, правда, в первые годы семейной жизни он не решался покрикивать на жену, однако спустя несколько лет перестал сдерживаться. В общем, было там что послушать, крику, шуму и проклятий хватало. Особенно изошрялась Леонарда, черпая свое вдохновение в испанской литературе. Пожелания она заворачивала такие, что хоть записывай.

При всем при этом супруги относились друг к другу довольно тепло, ни об изменах, ни о разводе речь не шла, просто стиль общения у людей такой выработался: крикливый и бранный. Ссорились они примерно раз в две недели, и однажды моя тетья услышала, как Леонарда в конце перебранки прокричала мужу во всю силу своего уже почти оперного голоса:

– Чтоб ты сдох!

– Я сдохну, сдохну, – ответил ей взбешенный муж, – но не так, как ты хочешь. Пользы тебе от моей смерти не будет никакой!

– Давай, давай, – отозвалась Леонарда, – великий герой. Я хочу уже видеть, как исполняешь свое обещание.

Прошло несколько лет, к власти пришли «барбудос» и начали прибирать к рукам имущество богатеев. Кто мог – срочно перебирался в Америку, пограничную охрану еще не успели наладить, и за приличную сумму рыбаки переправляли беглецов во Флориду. Ювелир собрал свое имущество, зашил драгоценные камни и золото в пояс, посадил жену с детьми на повозку и отправился в рыбацкую деревеньку. Наверное, он уже знал, к кому обращаться, потому что побег был назначен на следующую ночь. Когда деревенька заснула, беглецы тихонько прокрались на берег, спрятались в роще кокосовых пальм и стали ждать условленного сигнала. Ночь выдалась темная, луну закрывали плотные зимние тучи. Наконец во мгле возник и закачался огонек – подошла лодка. Ювелир поспешил к кромке воды и пропал в темноте.

Леонарда ждала довольно долго, минут пятнадцать, а потом, заподозрив неладное, вместе с детьми поспешила к огоньку. Перед ее глазами предстала ужасная картина: ее муж, скрючившись, лежал на песке, рядом стояли два рыбака, видом больше смахивающие на морских разбойников. Леонарда бросилась к мужу – он был мертв.

– Негодяи, что вы с ним сделали?! – закричала она, отбросив в сторону всякую предосторожность.

– Тихе, сеньора, – ответил один из рыбаков. – Мы даже пальцем к нему не прикасались. Он вышел из темноты и не успел сказать слово, как схватился за сердце, упал на бок, постонал две-три минуты и затих. Мы пытались напоить его водой, но он был мертв.

Рубашка ювелира действительно оказалась мокрой, Леонарда опустила руки ниже, чтобы снять пояс, но пояса на теле не оказалось.

– Разбойники, грабители, где пояс моего мужа?!

– Не было у него никакого пояса, – сказал второй рыбак, – а вы, сеньора, лучше помолчите, если не хотите встретиться с пограничниками.

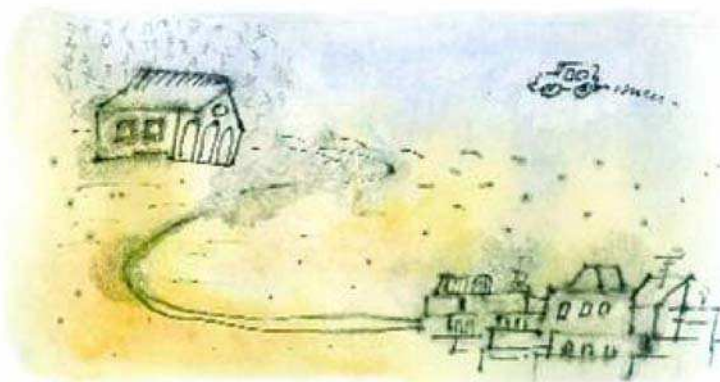
Но в Леонарду точно бес вселился, она орала не переставая и пыталась достать своими кулачками ближайшего из рыбаков.

Всё закончилось в одно мгновение: получив крепкую затрещину, Леонарда повалилась на песок, а рыбаки впрыгнули в лодку и погасили фонарь. Тихий скрип уключин, мягкие всплески осторожно погружаемых в воду весел – и лодка исчезла в темноте.

Вернувшись в Гавану, Леонарда несколько дней ходила по родственникам, жалуясь на горькую судьбу. Вскоре у нее отобрали дом, оставив только комнату, где раньше жила горничная, и строго приказали искать работу. Помыкавшись, бедняжка устроилась читальщицей на табачную фабрику.

– Это что за должность такая? – удивился Нисим.

– В цехах, где сворачивают сигары, – продолжил Акива, – уже несколько сот лет существует традиция: один из работников читает вслух какой-нибудь роман, а все остальные слушают и крутят сигары. Трудятся в этих цехах одни женщины, поэтому романтические литературные пристрастия Леонарды пришлись весьма кстати. Ее приглашали нарасхват, ставили в пример, награждали грамотами и повышали зарплату. В итоге ее жизнь сложилась весьма удачно: с утра до вечера она занималась любимым делом – чтением романов – да еще получала за это приличные деньги. Спустя несколько лет Леонарду невозможно было узнать: к ней вернулась девичья полнота, на щеках расцвел румянец, и даже губы вернулись к первоначальной ширине и свежести. Замуж она больше не вышла, сама воспитала детей и, по мнению моей тети, была куда счастливее в комнатке горничной, чем в роскошной спальне хозяйки дома.

Акива замолчал и, снова положив ладони на стол, едва слышно простучал пальцами отрывок музыкальной фразы. Он словно играл на пианино, пальце бегали по невидимой клавиатуре, исполняя только ему одному слышимую мелодию.

– Вот что, – сказал Акива после минутного перерыва. – Не знаю, угодила ли Леонарда в «мгновение проклятия», но мужа своего она явно не любила, тяготилась совместной жизнью и наверняка хотела избавиться. Слово – это ведь не пустой звук, мир был сотворен словом, все наши молитвы – слова. В конце концов, человека выделяет из природы именно речь, то есть она не простое сотрясение воздуха и нечто большее, чем способ передачи информации. Проклятие, произнесенное от всего сердца, с полной отдачей себя и готовностью принять любые последствия поднимается к высшему Престолу, так же как и самые искренние молитвы. С общепринятой точки зрения Леонарда потеряла всё – мужа, достаток, сытую жизнь. Ей пришлось много работать и обходиться без горничных и гувернанток. Но именно это изменение, воспринимаемое большинством людей как несчастье, сделало ее счастливой.

– Значит, ты оправдываешь проклятия? – воскликнул Нисим. – Лишь бы человек был счастлив, а способ не имеет значения? Когда во времена Ренессанса кто-нибудь утверждал, что благая цель оправдывает средства, все знали, что он иезуит.

– Нам не дано предугадать, – сказал реб Вульф, – куда могут привести радость благословения или горечь проклятия. Только апостериори. Ваши рассказы напомнили мне одну странную историю. Я уже совсем забыл о ней, со времени тех событий прошло тридцать с лишним лет, участники давно умерли или скрылись из виду. Поэтому я расскажу ее целиком, ничего не скрывая, изменив только имена.

Рав Штарк отправил меня на несколько месяцев учиться в ешиве Тифрах, что в Южном Негеве. Крохотный городок, никаких развлечений, двадцать четыре часа в сутки посвящены Торе. Мне надо было срочно подтянуть целые разделы в Учении, ведь образование я получил никудышное, да и, честно говоря, в юности был большим шалопаем. Работал я на том же месте, что и сейчас, и уже тогда был на хорошем счету у начальства, поэтому отпуск взял почти двухмесячный.

Нисим и Акива переглянулись. Реб Вульф никогда не рассказывал подробностей о месте своей работы, но в синагоге все про всех всё знают.

Реб Вульф почти сорок лет служил на вертолетной базе ВВС Израиля, расположенной неподалеку от Реховота. Вертолеты на базе были сплошь американские и, как всякая находящаяся в интенсивном употреблении техника, время от времени выходили из строя. Механические повреждения научились ремонтировать довольно быстро, а вот с многочисленными приборами, заполнявшими кабину вертолета, пришлось куда сложнее. Американцы их не ремонтировали, а при малейшей неисправности заменяли новыми. Стоили приборы безумные деньги, но богатая американская армия могла себе такое позволить. Реб Вульф, тогда еще совсем молодой техник, научился разбирать намертво запаянные изготовителем высотомеры, спидометры и прочую навигационную премудрость и возвращать ее в рабочее состояние. Помимо светлой головы тут требовались интуиция и чуткие пальцы, поэтому в ремонтной группе работали всего трое человек, а сам реб Вульф превратился в «священную корову» вертолетной базы, ведь сложные ремонты мог выполнить только он.

– Учеба оказалась интересным, но непростым делом, и поэтому в два месяца я не уложился. Пришлось просить еще два, но командир базы пришел в отчаяние от моей просьбы. Бросать учение на середине я не хотел, и мы остановились на компромиссе: мне платили половину зарплаты и раз в неделю привозили в ешиву особо неподатливые приборы. Привозили их в передвижной лаборатории, я проводил в ней без перерыва около двадцати часов и на целую неделю освобождался для учебы.

Жизнь ешиботника известна: с утра длинная молитва, потом занятия до двух часов дня, обед в ешиботной столовой или бутерброды у себя в комнате, короткий сон и снова учеба, уже до темноты. Вечером молитва, ужин, небольшая прогулка вокруг ешивы и опять учеба – кто сколько может. Иные сидят до часу ночи, другие отправляются спать пораньше, чтобы встать до восхода солнца.

Общества вокруг не было никакого. По субботам мы иногда собирались в столовой, разговаривали на разные темы, или на прогулке беседовали друг с другом о планах на будущее, да мало ли о чем. Люди все были молодые, от девятнадцати до двадцати двух, поэтому проблемы походили одна на другую. Мне тогда исполнилось двадцать шесть, жениться я еще не успел и почти не выделялся из общей группы учеников.

Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи обыкновенным ешиботником. Ему было около тридцати лет, и мы за то почитали его стариком. Какая-то таинственность окружала его судьбу, никто не знал, кто он и откуда, чем занимался до поступления в ешиву и что заставило взрослого человека сесть на одну скамью вместе с юношами. Сам он никогда о себе не рассказывал, а глава ешивы, разрешивший ему посещать занятия, от вопросов уклонялся. Ливио, назову его так, большую часть занятий пропускал, вставал поздно и до глубокой ночи сидел над трактатами, посвященными закрытой части Учения. Любого другого за такие фокусы быстро бы отчислили из ешивы, но у Ливио, как видно, было особое разрешение, и он вел себя словно почетный гость.

Что именно он учит, никто толком не знал; сидел он отдельно, а когда кто-нибудь приближался к его месту, немедленно закрывал книгу. На вопросы по Талмуду он отвечал толково и быстро, было видно, что Ливио много учился и хорошо помнит выученное.

Αἴνῆεἰ ὦ οἰ ἄνῆεἰ ἰῖ ἔαιά

Ἰέ, ἰῖ, ἄὸ ῖῖ ἔἔἄἰ ῖῖ, ἄἔἰ ὠἔἔ ἔἰ

*ἡαἰ ὀ**

οἰ ὠἔἔ ἰ ἔῶ ἄἰἢ ἔἔἔ ὦ οἰ ἄἢ ἔἔἣ ῖῖ ἔαι ἄ

ἡἰς ἄἰ ἰῆ ὠἔῖ ἄὸ ἰ ἄἔἰ ἰ ἄἰ ῖῖ ἔὸ ἡἄῶ οἰ

ἄῖῶἔἔ

ἄἰἢ ἔἔἔ ἰ ἔῶ ῖῖ ἄἣ, ἰῆ, ὠἰ ἔἔ ῖἢ ἰ ἔῶ

ὠἰ ἔἔ!

ὦ ἣ ῖῖ ἔὸ ἄἰἢ ἔἔἔ, ἄἣ ὠἣῖ ὠἄῖ ἰ ἔῶ

ἄἔἔ

ἰ ἄἔἰ ὠἄῖ ῖ ἄἰ ῖ, ἔῶ ἔἔἔἣἣ ἄῖ ὠἣῖ;

ἡἰς ἔὸ ἡἄῶ ἔἔῖ ὠἰ ῖῖἔἔ,

ἔῶ ὠῖῶ ὠἣῖ ἄἔἔ -

ῖῖ ἣἣ ἰ ἔὸ ἰῆ ὠ ἄἔἰ ὠἄῖ ἣἣ ῖῖ ἄἔἔ

ὦ ἣ ῖῖ ἔὸ ἄἰἢ ἔἔἔ, ἣῖ ῖῖ, ἰὸ ὠἣῖῖ

ἰ ἄἔἰ ἰ ἄἰ ῖ, ῖῖ ἰ ἄῶ ἰ ἔὸ ἰ ἄἔἰ ἄἔῖῖ

ãýéò,

bis óí ò'òèè íéó ì àéí øòýðí èð äàðèíéý

hàí ò -

çè çèíãò ì èð äîñéèäè óóí ãéäýíýì èàíä

Àì íé èç ãýáýí èí à ãéäýíýì èàíä

À èèóãð ááí, òèä, à øýéíýð áðèèüýí ò -

bis çè çèíãò óí ýñ òèèòàèò äýì çýãýðñ

óí ðó

óí ñáèãýéý húéäýò çèð - ýé-èþ-èþ-èþ.

Óí hýð èð äîñéèäè, äîñçèñý ãçàí ä

ääí äýðò íéóí hãðð àçíé óí ýòèé ááí ä-

bis óí ñáèèò çèð, àè äè ì àì ýì èò hãðð

óí ãýòèè,

äîñéèäè ì èð çèíãýí - íé, øíèè ýñ ì èð,

øíèè!

Andantino

Ой, нэм, гу- тэр клез- мэр дайн фи- дл
хант ун шпил мир дос ли- дл фун гол- дэ- н
ланд, а- мол флэгт майн ма- мэ ми
харц ун гэ- фил дос ли- дл мир зин- гэн,
шпил эс мир, шпил! ой, шпил эс мир, шпи

ᠶ᠋ᠠᠨᠠᠶᠢᠡᠠ ᠶᠢ ᠴᠢᠡᠶᠢᠣᠶᠢᠨᠡ ᠨᠣᠶᠢᠳᠢᠶᠠ

Áîçüü è æá äîáðíé èëäçì àð, ñèðèíéó

è ñüãðæ ì íá ì äîü éó ᠶᠢ ᠴᠢᠡᠶᠢᠣᠶᠢᠨᠡ ᠨᠣᠶᠢᠳᠢᠶᠠ

éîòîðð, áúâæîí, íæíî è ñüãðæ:íî

íæà ì íá ì àì à, ñüãðæ æá áá, ñüãðæ!

Óñüóóÿ ÿòó ì äîü éó, è ñüãðó ì áðäü

ì íé

âîçì èéí àò äîðîäé íæèè -

èðáè àÿ ì îÿ ì àì à;

i eēāy āā ōēūāēā è ēāñēīāīē āçæyā

i ðīāōāyò i èī ōāōāāñ: āñōūā

Óñēūōóy̆ yòóīāñīí éó è āēæó- āñò i ài à

i īñò èēāāò i íá ēīēūāāēū

ōōāī ūēāy̆ āā ðōēā ēīñī ōēāñī i íāñ ēāā,

è i ài à íīāò í çīēīòíé ñòíðīíá

Æēē-āūē ēīāā-òí ā çīēīòíé ñòíðīíá

āāēíñò āāííūē ñūííē, ōi íúé è i ðēāñæéé, -

ííá íīāò è āāñīíēíéíí òèēāþò ÷āñī,

è ēā:āāòñy̆ ēīēūāāēū- yé-ēþ-ēþ-ēþ.

Óñēūōóy̆ yòóīāñīí éó-

ñēāāññòíúé òíò íāíāā

è íá ñāðāōā ñòāíāò āññòíí è íāēííēíí -

è, ēāé i ài à, íāēíí è ñāðāā:íí

çāōí:āòñy̆ ñī'āò ūāā -

ñūāñæ æá i íá ñūāñæ!

* h произносится как в английском have.

ГЕДАЛЬЕ БАНКВЕЧЕР

Григорий Канович

Окончание. Начало в № 2, 2006

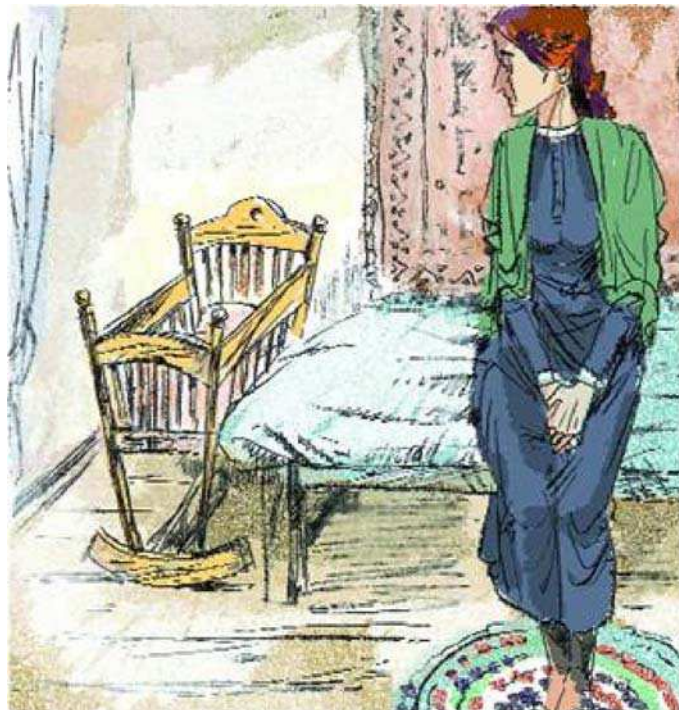
Банквечер сначала подумал, что чудаковатый Пакельчик подтрунивает над ним, и отнесся к его предложению с недоверием. Но по трезвом размышлении решил – почему бы в самом деле не попытаться отвлечь Рейзл от ее беды работой – глажкой, пришиванием пуговиц, отпариванием старой подкладки? Глядишь, втянется и через год-другой даже закройщицей станет. После того как Арон уехал в командировку в Москву, реб Гедалье подыскивал зятю, старшему подмастерью, подходящую замену. Да и как было не подыскивать, если Банквечер и в младшем подмастерье Юозасе не был уверен – вздумал рыжий снова требовать прибавки к жалованью. «Сами, господин Банквечер, знаете, что сейчас делают с хозяевами, угнетающими трудящихся». Что-что, а это реб Гедалье хорошо знал – загоняют, как мебельного фабриканта, прикладами в телячий вагон, и – в гости к белым медведям. Хотя, кроме самого себя, он, Гедалье Банквечер, никого не угнетал.

Чем Рейзл не замена? Только бы она согласилась, а обучить ее – дело нехитрое.

Банквечер понятия не имел, как подступиться к дочери, с чего начать, боялся, что все его просьбы она отвергнет с ходу.

После смерти внука реб Гедалье входил в ее комнату почти на цыпочках и всегда с какой-нибудь доброй вестью на устах – придуманной или всамделишной.

– Тебе, Рейзеле, целых три замечательных письма из Москвы! Дай Б-г каждой еврейке получать такие письма. Не письма, а пасхальные подарки. Ты только послушай!

Банквечер принимался читать эти письма, как пасхальную агоду, и, пользуясь тем, что Рейзл сама к ним не притрагивалась, «перелицовывал» их, дополнял заимствованиями из баек Хацкеля Брегмана, подслащивал собственными, давно забытыми признаниями в любви и жалобами на разлуку и тоску, всплывавшими из сгустившейся от ила памяти; осторожно снимал с конвертов незнакомые, копеечного достоинства, марки, на которых красовались либо бравый красноармеец в островерхом шлеме, демонстрировавший свою богатырскую силу воображаемому классовому врагу; либо стахановка-ткачиха,

озарявшая всю планету своим счастьем. Отец раскладывал перед Рейзл глянцевого фотографии (она и к ним не прикасалась, словно там был запечатлен не Арон, а совсем чужой человек) и терпеливо рассказывал, что на них было изображено. На этом снимке, Рейзеле, наш Арончик возле Кремля – того дома, где живет старый друг Мейлаха Блоха и всех трудящихся на свете Сталин; а вот на этом – он в перепоясанной португеей гимнастерке на Красной площади в очереди к другому дому, где в хрустальном гробу лежит вечно живой Ленин; а тут Арончик в пилотке – на колхозной выставке достижений, смотрит на счастливых коров и доярок в выходных платьях, а на последнем снимке твой благоверный гордо выходит из подземного поезда на остановку, украшенную мраморными колоннами. До чего же, доченька, только люди не додумываются – поезда под землей!

Но Рейзл не интересовали ни Ароновы письма; ни поезда под землей; ни счастливые коровы и разнаряженные доярки, такие же породистые, как и их коровы; ни дом, где жил Сталин; ни обитель, где в хрустальном гробу лежал Ленин. Она сама словно лежала в гробу, не одна – вместе со своим Эфраимом, не успевшим вкусить материнского молока, и всё, что происходило за пределами гроба, не имело к ней никакого отношения. Ей хотелось только одного – чтобы не приподнимали крышку и не уговаривали ее вернуться к тому, что было прежде.

Реб Гедалье по ночам не спал – лежал с открытыми глазами в постели, прислушивался к каждому звуку и как отец Отца умолял Б-га, чтобы Он смилостивился над ним и над его несчастной дочерью. Всевышний по Своему обыкновению ничего не обещал, но и в милости не отказывал.

– Муж есть муж, – опережая милость Всевышнего, сказал разносчик «Еврейских новостей» Хацкель Бреган. – Когда молодая жена долго остается одна, она может и не колыбельную запеть, а что-нибудь покруче. Где же, спросишь ты у меня, выход? – Хацкель перевел дух и выпалил: – В постели! Надо вызвать из Москвы Арона. Лягут оба, поначалу покалякают о том о сем, а потом разок-другой, как водится между супругами, сделают то, что ты с Пниной, а я с Голдой, да будет благословенна их память, по ночам умели неплохо делать.

– И что?

– Что – что? Ручаюсь, что наутро у твоей дочери все хвори как рукой снимет. Вот что! Я знаю, ты не в ладах с буквами. Дай мне адрес, я сяду и под твою диктовку напишу Арону в Москву. Он парень сообразительный, одна нога туда, другая – сюда, и через день-два он у тебя на крыльчке.

Адреса Банквечер Брегану не дал, потому что надобность в услугах Арона, к счастью, отпала. То ли Г-сподь услышал мольбы реб Гедалье и смилостивился над ним, то ли Рейзеле, еще совсем недавно склонявшаяся над пустой кроватью, любовно выложенной подушечками, вышитыми тонким бисером, и застеленной байковым одеяльцем, без всякой посторонней помощи взяла себя в руки и избавилась от рухнувшего на нее помрачения – перестала своим заунывным пением выворачивать отцу душу и малопомалу с каким-то целительным рвением стала хлопотать по дому – убирать, мыть, стирать, развешивать белье, кухарить, даже украдкой смотреться в большое портновское зеркало, висевшее в гостиной, и смущенно присматриваться к новым клиентам – малословным русским командирам, от которых у Банквечера не было отбоя. Когда подмастерье Юозас объявил забастовку и наотрез отказался без прибавки к жалованью выходить на работу, Рейзл и вовсе ожила и бросилась помогать старику – она и утюжила, и пришивала, и отпарывала, а порой часами под его руководством строчила и строчила на безотказном «Зингере».

Банквечер не сводил с нее глаз, налитых радостной влагой, и ненавязчиво и настойчиво втягивал в работу. Следя за тем, как она орудует иглой и неистово жмет на педаль «Зингера», он нет-нет да ловил себя на мысли о том, не сменить ли ему вывеску, не прибавить ли ему к старой, уже выцветшей надписи над входной дверью имя дочери – «Банквечер и Рейзл Дудак», пусть все знают, что отныне у него появился не только помощник, но, может быть, наследник и продолжатель. При дочери о своем намерении он и заикаться не смел – вместо того, чтобы обрадоваться, она еще рассердится и отругает его: «Банквечер и Рейзл Дудак?» – что это, мол, за бред? Евреи от смеха животики надорвут.

Ну и пусть себе на здоровье надрывают. Евреям никогда не угодишь. Они и Б-гом недовольны. А вывеска Банквечеру даже во сне снилась. Жаль только, что не всё, что снится, можно назавтра внести в дом или повесить над входной дверью.

Но реб Гедалье не столько заботила смена вывески, сколько отсутствие старшего подмастерья Юозаса, который словно сквозь землю провалился. Вряд ли – даже с помощью трудолюбивой Рейзл – он

успеет в обещанные сроки выполнить все заказы. Привыкший держать слово Банквечер вставал ни свет ни заря, садился за швейную машинку и, не давая себе роздыху, строчил до позднего вечера, а иногда и до глубокой ночи.

В такую июньскую ночь, перед самым рассветом, бормоча себе под нос единственную заученную в незапамятные времена своего ученичества песенку, реб Гедалье на неразлучном и обьеженном «Зингере» незаметно въехал в свою вторую по счету мировую войну. Но ни гул самолетов, ни разрывы бомб и стрекот зениток не заставили его отвлечься от шитья, подойти к окну и взглянуть на небо. Истинный мастер, уверял Банквечер, должен смотреть не на небо, а на материал. Портной – на сукно, сапожник – на кожу...

– Маневры, – сказал он самому себе и продолжал спокойно нажимать на педаль, и только когда у него за спиной, шурша ночными туфлями, как привидение, выросла испуганная Рейзеле, он обернулся.

– Слышал?

– Слышал.

– Кажется, это немцы, – прошептала она.

– Немцы? – удивился Банквечер, и его ноги вдруг примерзли к педали. – Ты не ошибаешься? Похоже на маневры.

– Это не маневры, – в сердцах повторила дочь. – Я собственными глазами видела, как низко над костелом пролетел самолет с крестами на крыльях, сделал круг и улетел... Это, папа, война. Как хорошо, что Арон в Москве.

– А что, доченька, в этом хорошего? Мы с твоей мамой врозь никуда не ездили, тридцать с лишним лет были всегда вместе.

Рейзеле помолчала и добавила:

– Хорошо, что и ее нет с нами, и... – она неожиданно запнулась.

– Чего замолкла? Кого еще?

– Эфраима, да не покарает Г-сподь меня за мои кощунственные слова. Над ними, папочка, уже никто не надругается. Их никто догола не разденет и не расстреляет.

– Что ты мелешь? Кто тебе сказал, что немцы нас разденут догола и расстреляют? Уж не паникер ли Хацкель Брегман, собиратель всяких ужасов и страхов?

– Мне это в прошлом году один беженец из Августавы на рынке рассказал. Будто бы немцы раздевают евреев догола, выводят куда-то за город и расстреливают.

– Не знаю, доченька, кого там у них в Польше выводят и раздевают. Но мы... мы с тобой, по моему, ничего не сделали такого, чтобы нас расстреливали? Я с немцами прожил в Пруссии бок о бок пять лет, и ни один из них меня ни разу пальцем не тронул. Везде и всюду я только и слышал: «Данке шён», «Битте шён», «Филе данкен». Отнесешь, бывало, по просьбе Ганса Хёпке-Хавкина клиентам на дом готовую одежду, они тебя и пивом угостят, и еще чаевые пфеннигами дадут, – Банквечер покосился на замолкший «Зингер», вдруг оборвал разговор, грузно опустился на стул, нажал на педаль и с каким-то молодым азартом и неудержимой яростью помчался к этому пиву, к этим пфеннигам, к своей незабываемой школярской молодости...

На третий день войны Мишкине расколосось надвое, как грецкий орех. Из одной половины на улицы посыпались литовцы, которые с радостью, скрываемой под искусным равнодушием, наблюдали за отступающими в беспорядке частями Красной Армии и лихорадочными сборами местечкового советского начальства – энкавэдистов во главе с заместителем заместителя Повиласом Генисом и старовеера – младшего лейтенанта Ионы Андропова, спешно грузивших в служебную «эмку» какие-то важные, не подлежащие

огласке документы; бургомистра Мейлаха Блоха и его челяди, забирающихся в кабину и в кузов крытого брезентом грузовика; из другой половины на мостовую вылущивались евреи, целыми семьями направлявшиеся следом за потрепанной и присмирившей от круглосуточных бомбежек пехотой.

Реб Гедалье из-за ситцевой занавески взглядом плутал по армейским колоннам и среди отступающего войска выискивал своих недавних клиентов, но то ли от того, что у него слезились глаза, то ли от того, что его заказчики – русские командиры затерялись в многочисленных нестройных рядах своих подчиненных, ни одного из них он так разглядеть и не смог. Банквечер и сам не понимал, для чего он их выискивает. Может, для того, чтобы каждому вернуть закроенный или еще не тронутый ножницами отрез, купленный в избежавших национализации лавках Шварца или Амстердамского, которые при Сметоне щедро и, как в ту пору казалось, дальновидно жертвовали на Международную организацию пролетарских революционеров? А может, для того, чтобы попросить у товарищей командиров прощения, за то что он не по своей вине подвел их – не выполнил в обещанный срок заказы. Но ведь войны, оправдывал он себя, начинают не портные.

– Люди бегут, – сказал он дочери с неподдельной горечью, хотя не был склонен ни к нытью, ни к паникерству. – Может, говорю, тебе, Рейзеле, на время куда-нибудь податься. К Элишеве, например. В деревне люди пашут, косят, доят, а не забрасывают друг друга бомбами.

– На время? В деревню? – удивилась дочь. – Ты что, как Арон, веришь, что Красная Армия в мире всех сильнее и что она скоро прогонит немцев?

– Где ты, Рейзеле, видела еврея, который верил бы в чужую армию? – отделался грустной шуткой отец.

– Никуда, папа, без тебя я отсюда не подамся. И не упрасивай меня! Ты же сам никуда вроде бы не собираешься?

– Собрался бы, да в мои годы есть только одно подходящее укрытие от всех бед. Сама знаешь какое. По-моему, лучше всего каждому держаться поближе к тому месту, где ждут те, кого ты при жизни любил и кто тебя любил...

– Там, папа, и меня давно ждут... И Эфраим... И мама...

– Но пока мы с ними встретимся и укроемся в том месте от всех напастей, надо, доченька, работать, а не смотреть каждую минуту в окно на то, чье войско уходит, а чье приходит. Скажешь – сумасшедший! А мне всегда немножко нравились сумасшедшие. Ведь в нашем сумасшедшем мире скучно и частенько даже накладно быть нормальным. Что касается меня, то я невзирая ни на что буду шить.

– Кому?

– Тем, с кого мерку снял.

– Но они уже, папа, никогда не вернуться. Может быть, их уже и в живых нет.

– Откуда ты знаешь? Арончик говорил, что и наш бывший бургомистр Тарайла, сторонник Гитлера, не вернется. А он, вот увидишь, скоро снова появится в Мишкине... Если немцы одержат верх...

Банквечер подошел к платяному, пропахшему нафталином шкафу, распахнул створки, вынул оттуда пиджачную пару и промолвил:

– Этот костюм я сшил ему не то к открытию сейма, не то к какому-то другому важному заседанию. Не помню. Когда Тарайла вернется, мы тут же отдадим костюм его владельцу.

– Если к тому времени мы будем живы.

Назавтра реб Гедалье встал на рассвете и, как ни в чем не бывало, оседлал свою лошадку...

Не прельстившись мелкой дичью, немецкие части в местечко не вошли. Они обогнули Мишкине и уверенно, не встречая сопротивления, двинулись дальше на восток.

Над опустевшими, замершими в ожидании улицами местечка клубилась гнетущая, ничейная тишина, которую не нарушали даже ни изредка врывающийся крик отряхнувшегося от сна петуха, ни лай какой-нибудь дурашливой и раболепной дворняги. Не нарушал неверную, готовую вот-вот взорваться тишь и стрекотавший на Рыбацкой «Зингер». Стрекот машинки, всегда навевавший на Банквечера добрые, умиротворяющие мысли, сейчас как бы прошивал его душу неутихающей тревогой. Тревожился реб Гедалье не за себя, а за своих дочерей и почему-то больше всего – за похоронившую первенца Рейзл. Он корил себя за то, что не заставил ее, пусть налегке, со скудным скарбом, немедленно покинуть Мишкине – ведь жену заместителя начальника энкавэдэ Арона Дудака вполне могли посадить в грузовик или в «эмку». Подсадили бы и увезли бы куда-нибудь в Ржев или Великие Луки. Его мучили угрызения совести из-за того, что он как следует не напугал Рейзл, не отдалил от пропасти, а, уравнив с собой, только неразумно подтолкнул к ней.

В комнате из полумглы на реб Гедалье поглядывали два длинноруких манекена, которые, как казалось, с укоризной качали безволосыми головами, и Банквечер первый раз в жизни не выдержал, встал и повернул их мертвецкими лицами к стене, украшенной большой выцветшей фотографией – он и покойная Пнина в двенадцатом году в Вильне, у входа в Большую синагогу, в которой они венчались.

Рейзл спала, а реб Гедалье прищипоривал свой «Зингер» и гнал его туда, где не было этой недоброй, незаконной тишины, этого затаившегося за каждым углом несчастья; туда, где он когда-то был молодым и счастливым пленником крохотной иголки, которая в отличие от бомбы никому не причиняет вреда, а благоволит ко всем без исключения.

Его яростную рысь внезапно остановил настойчивый стук в дверь.

– Кто там? – беззлобно прикрикнул на запертую дверь Банквечер.

– Откройте! – уже с большей настойчивостью потребовали за дверью. – Это я – Юозас Томкус, ваш бывший подмастерье. Не узнаете меня?

– Юозукас? – удивленно переспросил реб Гедалье. – Сейчас, сейчас...

Банквечер заторопился, доковылял до двери, повернул в замочной скважине ключ, отодвинул защелку, и в комнату твердым, начальственным шагом вошел забастовавший перед самой войной подмастерье Юозас, а за ним ввалился смахивающий на расплывшего Иисуса Христа бородач с белой нарукавной повязкой и обрезом за поясом.

– Не за прибавкой ли ты, Юозукас, явился? – косясь на нарукавную повязку бородача и обрез, попытался разрядить напряжение Банквечер.

– Ага, – с улыбкой ответил Томкус. – Теперь уж вам, хозяин, от прибавки не отвертеться.

Бородач с обрезаем кивнул, полез в карман, вынул из помятой пачки «Беломора» папиросу и, чиркнув спичкой, бесцеремонно и картинно закурил.

– Наверно, не отвертеться, – закашлялся реб Гедалье, почувствовав, что Юозас и бородач пришли неспроста и что от них, как сивухой, разит бедой.

– Как я вижу, вы неплохо справляетесь и без подмастерьев. Работаете за двоих, – Томкус цепким взглядом знатока оглядел «Зингер».

– Дочка помогает. Дай Б-г ей здоровья.

– Рожите помогает? Молодчина, – похвалил Рейзл Юозас. – Кому, если не секрет, шьете?

– Шью, просто шью. От нечего делать, – не вдаваясь в объяснения и от волнения переходя с жемайтийского диалекта на понятный Томкусу идиш, сказал реб Гедалье и снова надрывно закашлялся. – Когда-то в глупой молодости я не папиросами, а самосадом баловался, но сейчас, извините, дыма на дух не переношу. Легкие у меня дырявые.

– Кончай, Казимирас. У человека легкие дырявые, а ты дымишь, как паровоз, – перевел Юозас с идиша слова Банквечера своему напарнику.

Бородач неохотно погасил огонек о стоявший на комодке праздничный восьмисвечник, швырнул окурок на пол и усердно затоптал его кованым ботинком.

– И всё-таки, кому же вы, хозяин, от нечего делать шьете? – Томкус подошел к швейной машинке, словно правдивого ответа ждал не от Банквечера, а от нее, похлопал шершавой ладонью по железу и по-хозяйски уселся на стул. – Понятно, понятно, – пропел он, разглядывая уже простроченную штанину. – Брюки для товарищей командиров? Не так ли? Нехорошо, нехорошо обманывать специалиста.

– Кто заказывает, тому и шью.

Юозас не отреагировал, пощупал сукно, несколько раз нажал на педаль и с ехидцей промолвил:

– «Зингер» в полном порядке. Как подумаешь, он, может статься, будет тем единственным «евреем», который уцелеет в Мишкине и еще принесет пользу...

И засмеялся.

Услышав чужие голоса, в комнату неслышно вошла проснувшаяся Рейзл.

– Доброе утречко, Рожите, – поприветствовал ее Юозас. – Оказывается, ты не сбежала вместе с красными, как некоторые твои подружки. Молодец. Настоящая патриотка. Помнишь, как мы с тобой и Элишевой на праздники наш гимн пели – «Литва, отчизна наша», вы с сестрой – на иврите, а я – политовски. Здорово у нас получилось.

Рейзл не ответила.

– Видно, ты, ласточка, еще не проснулась. Что тебе этой июньской ночью снилось? Москва? Мавзолей? Ленин в гробу, а рядом рыдающий горькими слезами Арончик? – поддел ее по-литовски Юозас.

– Ха-ха-ха! – грохнул заскучавший по смачному дымку бородатый Казимирас и снова полез в карман.

Рейзл не шелохнулась, стояла рядом с отцом, смотрела на Томкуса с испуганным презрением, и на память ей вдруг пришел незнакомый беженец из Августавы, который на рынке, прицениваясь к душистому деревенскому меду, рассказывал, как в Польше расстреливали раздетых догола евреев.

– Не обижайся, Рожите. Арон был хорошим парнем, только зря в дерьмо вляпался.

– А ты... ты не вляпался? – тихо заступилась за Арона Рейзл. – Ведь и ты еще недавно был за власть рабочих и крестьян и за швейной машинкой распевал уже не «Литва, отчизна наша», а «Интернационал».

– Я и сейчас за власть трудящихся, но без русских и евреев, – огрызнулся Юозас.

Бородач Казимирас снова захохотал, извлек из кармана курево, но в последнюю минуту почему-то сунул незажженную папиросу в рот и стал перегонять ее из стороны в сторону. Переминаясь с ноги на ногу, он разбойно покручивал в руке пропахший воском семисвечник и нетерпеливо ждал, когда Юозас подаст знак, и тогда они, закончив бесполезные разговоры, приступят к делу. Впереди еще вся Рыбацкая улица, а дружок Томкялис так долго тут с одним старым евреем нянчится...

Но Томкус не спешил. Его обуревало чувство радостной мести, смешанное с жалостью. Кого-кого, а Банквечера ему было в самом деле жалко. Реб Гедалье был не похож на тех своих сородичей, которые в сороковом распоясались и дорвались до власти. Если бы у него, у Юозаса, спросили, кого миловать, он бы без запинки ответил: моего учителя! Его-то он уж точно оставил бы в Мишкине целым и невредимым, как и «Зингер». Не тронул бы он и гордячку Рейзл, которая в отличие от своего муженька не выбегала из дому навстречу русским танкам, не осыпала их полевыми цветочками, а, беременная, сидела дома и вышивала цветочки на рубашонке для своего ребенка. И еще пощадил бы Томкус чудаковатого доктора Пакельчика, который бедных лечил даром и спас от верной смерти его старшую сестру Антанину. Но служба есть служба – велено прочесать местечко и вымести из него всех евреев, чтобы и духа ихнего тут не осталось. Хочешь не хочешь – исполняй! Могли бы, конечно, во временном повстанческом штабе дать им с Казюкасом не Рыбакую, а другую улицу. Но теперь деваться некуда – сейчас они выведут и реб Гедалье, и Рейзл во двор и погонят их на сборный пункт, в синагогу, а потом... А что будет с ними потом, только начальники в штабе знают.

– Как я понимаю, ты сюда пришел не за прибавкой к жалованью... как я понимаю, ты сейчас получаешь жалованье в другом, более доходном месте, – непривычно заикаясь, с трудом подбирая слова, произнес Банквечер.

– Верно. Я не за прибавкой пришел, – сказал Томкус и, повернувшись к напарнику, добавил: – И к вам, как видите, не богатого клиента привел.

– Да уж вижу – одет он вполне по сегодняшней моде, – прохрипел Гедалье.

– Ха-ха-ха! – грянул Казимирас.

– Зачем же вы в такую рань пришли?

– Можно подумать, что вы с луны свалились, и не знаете, что Советам капут. Мы за вами пришли. За вами, – ответил за Томкуса бородач с обрезом и, упиваясь своим безнаказанным превосходством, продолжил: – Чтобы раз и навсегда очистить Литву от клещей и паразитов.

– Казимирас за словом в карман не лезет, но его слово страшнее, чем он сам, – не то похвалил, не то мягко пожурил необузданного напарника Томкус.

– Чем же, хотелось бы знать, клещ Гедалье Банквечер и его дочь – паразитка Рейзл так не угодили Литве? Тем ли, что всю жизнь плохо шили серяги и полушубки? Мы что – законы не соблюдали, в казну налоги не платили? – распаляясь от страха, выпалил старик.

– Эка доблесть! А ради чего вы хорошо шили и законы наши соблюдали? Ради Литвы? Черта с два! Ради собственного кошелька! А исподтишка что делали? Гадили и вредили, – ухмыльнулся Казимирас. – Вредили и гадили.

– Может, тем вредили, что кое-кто из паразитов когда-то даже кровь за Литву проливал! – переводя буксующее дыхание, прошептал Банквечер, тщетно пытаясь оградить себя и Рейзл от грозившей им опасности.

– Евреи за Литву кровь проливали?! – выпучил глаза Томкус. – Тут уж вы, хозяин, хватили через край. Не рассказывайте нам сказочки!..

Реб Гедалье жилистой рукой вытер со лба россыпи холодного пота, жестом подозвал к себе дочь и спокойно сказал:

– Рейзеле! Открой, пожалуйста, нижний ящик комода... там на самом дне есть такая малюсенькая стопочка бумаг. Мама ее в холстинку завернула. Найди среди них лист, на котором большая гербовая печать и всадник на лошади. И покажи его нашим гостям.

– На кой хрен нам, Юозапас, заглядывать в какие-то бумажки, у нас дел по горло, а мы тут всякую чепуху выслушиваем, – пробасил бородач с обрезом, раздраженный увертками и словоизвержениями бывшего хозяина Томкуса, ненужной возней с бумагами, – да предъяви они бумагу от Самого Г-спода Б-га, и это им уже не помогло бы.

– Не волнуйся, успеем, – бросил Юозас.

В душе Рейзл осуждала отца за напрасное и постыдное унижение. Перед кем он унижается? Перед своим бывшим подмастерьем и этим неотесанным бородачьем громилкой? Ее коробило от суетливости и высокопарных оправданий родителя. Глупо смазывать елеем ствол нацеленного обреза, который всё равно в тебя выстрелит. Но, не желая прекословить отцу, Рейзл неторопливо, с нарочитым тщанием принялась раскладывать бумаги, пока наконец не обнаружила ту, которую он просил.

– Вот! – с неуместной торжественностью сказал реб Гедалье и протянул пожелтевший документ Томкусу. – Благодарность за подписью майора Витаутаса Кубилиуса, командира третьего пехотного полка...

Бывший подмастерье долго шарил по листочку взглядом, пытаясь удостовериться в подлинности подписи, и громко, скорее всего для Казимираса, прочитал:

– Рядовой Банквечер Гедалье, сын Бенциона... Участвовал в восемнадцатом году в боях за независимость Литвы. Ого! За независимость, – Томкус причмокнул языком, повертел в руке бумагу и протянул ее Рейзл. – Был ранен... Чего ж вы, хозяин, об этом столько лет молчали?

– А зачем об этом говорить. Рана давно зажила, Литва рассталась с Россией и стала не Северо-Западным краем, а Литвой, и мы с Пниной с Б-жьей помощью переехали на жительство в Мишкине, и я в первый же день продел нитку в иглолку...

– Что было, то было, – с вялым и бесплодным сочувствием процедил Томкус. – Но приказ начальника штаба Тарайлы пока никто не отменял, и мы должны ему подчиниться.

– Что я слышу? Господин Тадас Тарайла всё же вернулся? – воскликнул реб Гедалье. – Мы же ему с тобой двубортный костюм сшили. Я тебя еще посылал к Амстердамскому за пуговицами. Забыл?

– Как же, как же, – подтвердил Юозас. – Большие, серые, в цветных разводах.

– Пришли Советы, и господин Тарайла куда-то внезапно исчез, – пожаловался Банквечер.

– Но я, хозяин, очень сомневаюсь, что господин Тарайла, хоть он и вернулся благополучно, сможет вам чем-нибудь помочь.

– А я, Юозас, не его помощи прошу, а твоей, – с достоинством произнес Банквечер.

– Моей? – Томкус крикнул от удивления.

– Юзе! Сколько можно переливать из пустого в порожнее? – озлился Казимирас и снова задымил трофейным советским «Беломором».

Реб Гедалье бросился к шкафу, схватил висевший на плечиках костюм и понес к Томкусу:

– Я этот костюм всё время как зеницу ока берег: и нафталином пересыпал, и проветривал, и утюжил. Он чуть ли не полтора года взаперти провисел. Передай его, Юозас, господину Тарайле.

– Ладно. Передам. Это не проблема, – пообещал Юозас. – А пока пусть еще у вас в шкафу повисит. Как только освобожусь от дел, заскочу и заберу его. Ведь ваши ключи с сегодняшнего дня будут всегда при мне...

– Понимаю, понимаю, – с бессмысленным упорством повторял Банквечер, ни на кого не поднимая глаз.

– Ну, вроде бы договорились, – сказал Томкус и, к радости своего соратника, добавил: – А теперь, хозяин, двинемся. Брать с собой ничего не надо – ни из вещей, ни из еды. На дворе в разгаре лето. Не замерзнете. И от голода, даю честное слово, не умрете...

– А иглолку, моток ниток и наперсток можно взять?.. Как говорил один умный человек, пока можно шить, можно жить.

– В синагогу с иглолкой, ниткой и наперстком? – опешил подмастерье Юозас. – В синагоге не штаны латают, а грехи отмаливают и душу спасают.

– Я вроде бы уже тебе уже не раз говорил, что иглолку, моток ниток и наперсток я взял бы с собой даже в могилу...

– Папа! – закричала Рейзл. – Замолчи! Сейчас же замолчи! Не смей их ни о чем просить! Они тебя всё равно не слышат. Дьявол им уши заткнул.

– Ай-йй-йй, как красиво – дьявол нам уши заткнул! А твоему Арону он не заткнул? – Томкус переглянулся с Казимирасом и, поймав его равнодушный, ускользающий, как дымок «Беломора», взгляд, сказал:

– Ну раз уж вам так хочется, возьмите.

– И еще одна просьба. Последняя. Хочу сказать пару слов «Зингеру». Можно?

– Он что, Юзапас, нарочно нас дурачит? – возмутился Казимирас.

– Почему бы старость не уважить. Мы же, Казимирас, не звери, а люди. Я за этой машинкой многому научился. Пусть скажет пару слов, – разрешил Юозас. – Только пару, хозяин, не больше.

Банквечер сел на стул, упер старые, больные ноги в педаль, но принялся не строчить как обычно, а что-то сбивчиво и невнятно шептать своей железной лошадке, перескакивая через годы и города, через перевероты и смуты, через свои невосполнимые утраты и неизжитые сомнения. Реб Гедалье беззвучно благодарил ее за то, что она столько лет безропотно служила ему верой и правдой, что вместе с ним успела состариться или, как ее погоняла шутил, заржаветь; он просил у нее прощения за все свои капризы и причуды, за то, что нещадно изнурял и ее, и самого себя и, конечно, за то, что Г-сподь Б-г отказал ему в великой милости испустить дух не на краю безымянного рва, а рядом с «Зингером» – своим утешителем и кормильцем.

– Прощай, – сказал он чуть слышно и, припав к крупу своей лошадки, накрыл ее, словно теплой попоной, сваявшимися седыми лохмами.

Только бы он не заплакал при них, подумала Рейзл, и вслух промолвила:

– Хватит. Вставай.

Томкус и Казмирас погнали реб Гедалье и схоронившуюся в молчании, как в вырытом окопе, Рейзл с обжитой ими Рыбацкой улицы к синагоге.

Редкие зеваки провожали их с дотлевающим любопытством – изгнанные из своих жилищ евреи уже никого в местечке не удивляли.

Рейзл держала реб Гедалье как слепца под руку; он и вправду перед собой ничего, кроме «Зингера», не видел и шел, смешно подпрыгивая на бульжниках.

Над почтой на ласковом летнем ветру снова развевался старый трехцветный флаг.

Высокий парень со светлыми, ангельскими кудрями, стоя на лестнице, большим кузнечным молотком задорно скалывал с опустевших домов многолетние, жестяные вывески. На шерботом тротуаре уже валялись «Хацкель Брегман. Колониальные товары» и «Парикмахер Наум Коваль», «Амстердамский и сыновья» и «Хаим Фридман. Свежее мясо». Голодные еврейские кошки, ставшие в одночасье бездомными и беспризорными, разочарованно обнюхивали обломки потускневшей жести и отворачивали от нее привередливые носы.

Вдалеке, за непроницаемой завесой юдгиряйской пуши ровно и неумолимо строчил невидимый пулемет, пули которого, должно быть, догоняли отставших от своих частей солдат отступавшей в беспорядке по литовским проселкам и большакам непобедимой Красной Армии...

– Строчит, как наш «Зингер», – сказал Банквечер и споткнулся о камень.

– Не разговаривай, папа, зазеваешься и, чего доброго, ноги сломаешь, – одернула отца Рейзл. – Этого нам только не хватало...

– А зачем мне, доченька, сейчас ноги? Зачем? – вопрошал реб Гедалье.

Его вопрос, как и все еврейские вопросы, был обращен скорее к Г-споду Б-гу, чем к дочери Рейзл, но, видно, в тот июньский день сорок первого года Всевышнего как назло в Мишкине не было, и старому реб Гедалье никто толком не мог ответить.

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

НА ОБОЧИНЕ НАШЕГО ГОРОДА

Аарон Аппельфельд

Окончание. Начало в [№2, 2006](#)

אֵלֶּיָא ז.

Сказать по правде, в сентябре случаются и приятные сюрпризы. Всё больше и больше наших людей заполняет берег. Порой они выглядят, как бойцы секретного десантного отряда, только что вернувшиеся издалека. Они всегда бредут в одиночестве, не смешиваясь с толпой, великая тайна пролегает между ними и всеми остальными созданиями. Иногда мне кажется, что они месяцами упражнялись в молчании и теперь уже не нуждаются больше в словах. Речь, даже краткая и сдержанная, претит им. В свое время я полагал, что наглая, сотрясающая округу музыка только меня доводит до бешенства. Я ошибался. В последнее время я всё чаще замечаю одного из наших, втолковывающего со свирепым видом: пробивающая уши музыка – извольте у себя дома, но не в общественном месте!

Несколько дней назад пришло письмо от Тины. Она описала мне систему своего чтения. Каждый день она прочитывает три главы из Ветхого Завета и одну из Нового. Вначале она чувствовала бо́льшую склонность к Новому Завету, но теперь научилась ценить точное описание, покой и вдумчивость, исходящие от древних слов. Мне нравятся ее теории и вкрапленные тут и там замечания. Иногда мне кажется, что она отправилась туда не для того, чтобы переменить веру, а лишь для того, чтобы научиться читать Танах.

Я тотчас ответил ей и сообщил, что и тут еще не окончена битва. Ужасающая жара, удручающий гвалт и пустота пожирают всё ценное и доброе, хотя на определенных участках тель-авивского пляжа после полуночи можно видеть наших людей, которые сражаются со всем тем, что терзает и распинаят тишину. Не скрыл от нее, что пристально наблюдаю за ними, уважаю их молчаливость и горжусь ими.

На этой неделе в одну из ночей на берегу появился некто из наших с двумя корзинками в руках. В одной лежали бутерброды, в другой – бутылочки с соком. Он шел от человека к человеку, каждому вручал бутерброд и бутылочку и, ничего не потребовав взамен, удалялся. В его щедрости просвечивало какое-то застенчивое благородство, покоровившее мое сердце. Я порывался подойти к нему и поблагодарить, но долго не решался, под конец всё-таки подошел и сказал:

– Спасибо за угощение.

– Не за что, – ответил он и улыбнулся, как ребенок.

– Вы не просто одарили нас, вы преподнесли нам урок доброты, – произнес я отчего-то преувеличенно громко.

– Что вы, я никого не собираюсь учить, просто я люблю делать бутерброды – вот такие продолговатые и узкие. Сок я тоже выжимаю сам.

– Вы каждый день приходите сюда?

– Нет, только два раза в неделю – в те ночи, когда не работаю.

– А где вы работаете?

– Сторожу еще не сданные в эксплуатацию здания.

– Хорошее занятие, – одобрил я.

Он пожал плечами, словно говоря: «Мне нравится это делать».

Я хотел выразить ему свою симпатию и умножить похвалы, но в душе понимал, что ему это не требуется и может только смутить его.

В эту ночь я видел во сне свою молодость – те дни, когда после войны я ворочал большими делами в Германии: продавал оружие подпольщикам Африки и католикам Северной Ирландии, а также отдельным группировкам повстанцев Южной Америки. Это было опасное занятие, но оно будоражило омертвелую душу. Если бы не определенные осложнения и мои собственные промахи, я был бы сегодня мультимиллионером. Впрочем, мне и так грех жаловаться: я обеспечен и имею возможность поддерживать других. Иногда я мечтаю о настоящем большом бизнесе, солидных предприятиях, раскинувших свои филиалы на разных континентах. Было время, когда я надеялся, что эту мечту когда-нибудь осуществит мой сын, но он, как видно, не собирается этого делать, и теперь уже сомнительно, чтобы сам я занялся этим.

ÀÈÀÀÀ 8

В сентябре или начале октября появляется мой сын Эмиль. Он одаривает меня своими визитами два раза в год: в сентябре и в марте. Иногда он звонит, но, если не считать этих двух мимолетных посещений, мы не видимся.

Когда он стучит в мою дверь, я весь напрягаюсь. Мне трудно переносить его. Каждая встреча с ним для меня нож острый. Спешу пояснить: в целом он ничем не отличается от большинства человеческих созданий – ни манерой поведения, ни разговорами. Напротив, можно охарактеризовать его как человека положительного и уравновешенного, вся беда в том, что как личность он полная противоположность мне. Некоторые свои качества, не стану отрицать, он позаимствовал и у меня, но всё прочее в нем от матери: телосложение, жесты, образ мыслей – всё. Когда он был моложе, я еще надеялся, что это как-то изменится. Не то чтобы я жаждал видеть в нем самого себя, но всё-таки хотел, чтобы он не столь явно напоминал мать. Эта надежда быстро рассеялась. Черты матери проступали всё отчетливее. Теперь он – ее полная копия. «Человек не имеет права быть копией!» – хочется мне воскликнуть в каждую из тех минут, когда он рядом. Эти черты, как видно, не подлежат истреблению. Они пустили глубокие корни в каждой его жилке и, что еще страшнее, в мыслях. Таких же мелочных и практичных, как у матери. Тот факт, что мой сын – владелец мини-маркета, казалось бы, не должен удручать меня. Многие достойные люди с развитым воображением и возвышенными устремлениями ведут мелкие дела – по собственному желанию или в силу обстоятельств. Человек может владеть мини-маркетом и быть значительной личностью. Но мой сын Эмиль насквозь, с головы до ног, мелкий торговец. По-моему, он обожает свое занятие и погружен в него с головой. Я мог бы успокоиться и сказать: прекрасно, человек доволен своим положением. Но что делать, если мысль об этом неотступно гложет и пожирает меня – да, систематически гложет и пожирает. Когда я просыпаюсь ночью, перед глазами мгновенно вспыхивает мучительная картина: Эмиль со своим мини-маркетом. И я содрогаюсь всем телом.

Ему было пять лет, когда я развелся с Фридой. Я видел его раз в неделю, иногда чаще. В эти краткие часы, отданные в мое распоряжение, я пытался посеять в его душе мои размышления и стремления. Иногда мне казалось, что он что-то усваивает, но годы, его мать, окружавшие его друзья сделали свое дело. Я не имел никакого влияния на его развитие. Не раз я задерживал его у себя до позднего вечера, чтобы он увидел море и наших людей. Я терпеливо внушал ему, что мы – я, а в силу этого и он – отличаемся от других людей. Отличаемся, потому что видели и слышали такое, чего другие люди не видели и не слышали.

Когда он был мальчиком, мои разговоры занимали и волновали его. Он то и дело задавал вопросы, и я с великим рвением множил и нагромождал слова. Говорил о благородстве, о возвышенном и свободном образе мыслей. Я объяснял ему, что на нас лежит ответственность за сохранение человеческого в человеке. Я любил его вопросы и в глубине души надеялся, что когда-нибудь, в один прекрасный день, он наберется мужества и восстанет против матери, придет ко мне или убежит из дома и станет жить в другом городе. Даже намекал, что, если он надумает поехать за границу, я помогу ему.

Но чем старше он становился, тем заметнее слабел его интерес ко мне. В его вопросах начала проскальзывать тень подозрительности. Это одновременно и бесило меня, и заставляло опускать руки. Но я еще не отчаивался. Одержимый желанием повлиять на сына, я лез из кожи вон, я так старался, что и самому себе начинал казаться выспренным и неестественным.

Год от года он всё больше походил на мать. Однажды, когда ему уже исполнилось семнадцать, он вздохнул и сказал:

– Папа, я не понимаю.

– Даже после того, как я объяснил тебе?

– Да, не понимаю.

– Чего ты не понимаешь?

– Ничего.

– Я готов начать с начала, – произнес я с невольным раздражением.

– Не нужно, папа. – Он улыбнулся, как будто поймал меня с поличным.

Я понял, насколько глубоко засела в нем мать. Топором не вырubiшь.

ÀËÀÀÀ 9

Когда он явился позавчера, мне вдруг показалось, что он сделался выше. Я знал, что в его возрасте уже не растут, и тем не менее глупейшим образом заметил:

– Ты подрос, не так ли?

Он опустил голову и ничего не сказал.

Мы не стали задерживаться в квартире и отправились в кафе. Отхлебнув кофе, я стал ждать, пока он изложит свою просьбу. Ему, как видно, нелегко просить. «Папа, у меня к тебе просьба», – начинает он обычно, и это слово – «папа» – более всего вгоняет меня в дрожь. На этот раз я откликнулся совершенно спокойно:

– Какая именно?

– Я хочу расширить мини-маркет, – без обиняков приступил он к делу.

– Каким образом?

– Есть возможность приобрести парфюмерный магазин, который примыкает к нему.

– Во что это обойдется? – Он назвал сумму. До сих пор он не отваживался заговаривать о таких деньгах.

– Нужно подумать, – сказал я.

Если бы каждое его слово и каждое движение не так безнадежно напоминало мать, полагаю, мне было бы легче разговаривать с ним. Это сходство, что поделаешь, действует на меня отвратительно.

Сегодня Эмилю тридцать. С годами в нас обоих развилась взаимная недоверчивость. Я, во всяком случае, приучил себя быть немногословным. Иногда мне кажется, что и он неразговорчив не только потому, что ему не хватает слов. Сидит, тупо вперив в меня взгляд или, наоборот, опустив глаза. Из него трудно вытянуть законченное предложение. Удивительным образом я тоже теряю возле него способность нормально разговаривать. С трудом выдавливаю из себя корявые отрывистые фразы, слова путаются, утрачивают смысл и порядок. Если уж быть откровенным до конца, в его присутствии меня охватывает настоящее смятение. Он хорошо сделал бы, если бы вообще не появлялся. Я встречаю его без малейшей радости и поневоле невнимателен к нему.

Внешность Эмиля может ввести в некоторое заблуждение. Он широк и крепок, как его мать, но далеко не так проворен. Реакция его всегда запаздывает. Иногда мне кажется, что все мои объяснения вообще отскакивают от него. Или застревают где-то на полдороге. Из-за этого ощущения я по два или даже три раза повторяю одно и то же – что, по-видимому, утомляет его. Но так же, как мать, он терпелив, бесконечно терпелив, трудно вывести его из себя.

Уже пять лет, как он женат. Детей нет. Я не спрашиваю, почему нет детей. Не люблю, чтобы копались в моей жизни, и не пытаюсь совать свой нос в чужую. Однажды, правда, он как-то мельком намекнул, что его жене не удастся забеременеть. Я не стал интересоваться почему. Прежде, впусив его в квартиру, я предлагал ему чашечку кофе, мы сидели в гостиной и неторопливо отхлебывали его. Но постепенно я понял, что эта интимная обстановка не доставляет удовольствия ни мне, ни ему, гораздо лучше сидеть в кафе, в окружении посторонних людей.

Со временем я также понял, что и продолжительное пребывание в одном месте нежелательно. После часа в кафе мы перебираемся в ресторан. Вспомнив, что он хочет расширить свой мини-маркет, я спрашиваю:

– Это твоя инициатива?

– Моя, – говорит он, и счастливая младенческая улыбка озаряет его лицо.

– А ты не думал когда-нибудь о супермаркете? – принимаюсь я за свое.

– Нет.

– Большие начинания расширяют горизонты, не правда ли?

– Правда, – соглашается он и тут же прибавляет: – Если я приобрету эту парфюмерию по соседству, у меня появится дополнительный торговый зал, а это уже настоящий мини-маркет.

– И это всё, к чему ты стремишься?

– Больше мне не требуется.

Я смотрю на него, и сердце мое сжимается от жалости. Но к этой жалости примешивается досада.

ÀÈÀÀÀ 10

Разделяющая нас стена с каждым годом становится выше. Он окончил армейскую службу, женился и купил себе этот дрянной магазинчик. Я помог ему купить его, но мысль, что мой сын, плоть от плоти моей, всю свою жизнь проторчит в этой мерзкой лавке, терзала меня неотступно.

«Собственная лавка, твоя собственная лавка!» – заветная мечта его матери. В какой-то момент, чтобы угодить мне, он присвоил этой жалкой лавчонке наименование «мини-маркет».

– Почему бы не открыть завод? – пытался я расшевелить его воображение.

Но наставления матери были, как видно, сильнее моих утопий. Она обожала повторять: «У моего деда была лавка, у моего отца была лавка, и все были прекрасно устроены». Тем самым раз и навсегда был положен предел его устремлениям. Она издевалась над любым смелым и значительным замыслом. Утверждала, что подобные выдумки потворствуют авантюрам. Я знал об ограниченности ее взглядов, но не мог поверить, что такое крупное тело, как у нее, удовольствуется столь малыми жизненными масштабами. Во время предыдущей нашей встречи я не удержался и сказал ему:

– Устав нашего ордена не строг, но одно требуется от каждого его члена: стремление к великим свершениям. Ты не обязан владеть большими средствами, но должен быть преисполнен дерзновенных замыслов.

Он глянул на меня так, будто я окончательно выжил из ума, и сказал:

– С меня достаточно того, что у меня есть.

– Я вижу.

– Ты считаешь, что со мной что-то не в порядке?

– С тобой всё в порядке.

Наши встречи, как я уже отметил, становились всё более редкими. Теперь мы видимся два раза в год. Я приглашаю его в кафе, затем в ресторан, как бы между прочим вручаю ему чек, и мы расстаемся без лишних нежностей и церемоний. Каждый следует своим путем. Несколько раз он удивил меня, явившись с женой. Жена постепенно сделалась весьма похожей на него. Увесистая, застенчивая и немногословная. Можно даже сказать, косноязычная – на ней тоже лежит печать лавки.

– Как дела? Как ваши успехи? – бессмысленно повторял я.

Его просьбы всегда были скромными. Новая мебель в гостиную или холодильник для магазина. Трудно уважать и ценить непритязательность, проистекающую от узости взглядов, но я, как идиот, всё еще надеялся, что в один прекрасный день что-то изменится. Что-то прорвется в его душе и выплеснется наружу – раздражение, гнев, бунт, стремление повидать свет, попутешествовать или хотя бы желание поразить меня новой, непривычно свободной одеждой, которая соответствовала бы его габаритам. Никаких изменений не происходит. Напротив, от года к году он всё прочнее укореняется в своем мелочном бескрылом мире. Лицо

его становится всё шире, какая-то красная сыпь идет по щекам, как у существ, обитающих в затхлых помещениях. В последнюю нашу встречу мне почудилось, будто что-то барахтается и колотится в нем, рвется наружу, какое-то запоздалое желание вырваться из клещей матери и жены. Я едва не сказал ему:

«Беги, высвобождайся из этих пуг, пока ты еще в силах, – не бойся, я помогу тебе!»

Он, разумеется, тут же струсил, опустил глаза, но грузное тело еще зывало: «Я не знаю, что делать».

«Ты знаешь. Такому сильному человеку, как ты, дозволено однажды повесить голос!» – почти выкрикнул я.

«Я не знаю, что делать», – настаивал беспомощный взгляд, а на лице отразилась неспособность выразить даже эту нехитрую мысль словами.

«Ты знаешь. Если не знаешь ты, знают твои руки!»

Могучее тело сжалось от растерянности и как будто пролепетало: «Зачем ты заставляешь меня делать то, на что я не способен?»

«Я не заставляю, – внушал я ему, буравя его взглядом, – я только прошу, чтобы ты постарался, капельку постарался. Ты – мой сын и поэтому, как и я, принадлежишь к нашему ордену. Наш орден невелик, но, поверь, он очень престижен. Состоять в его членах – большая честь».

«Какой орден?» – едва не раскрыл он рот.

«Наш орден».

«Это тайный орден?»

«Нет. В любую ночь можно увидеть его».

ÀÈÀÀÀ II.

Мы сидели в ресторане на своем обычном месте, как уже привыкли сидеть дважды в год, и в какой-то момент мне показалось, что всё еще обойдется, как обходилось всегда. Поедим, обменяемся несколькими ничего не значащими фразами, я вручу ему чек, и он отправится своей дорогой, а я – своей. Но он вдруг поднял глаза и спросил:

– Чем ты сейчас занимаешься, папа?

Я настолько удивился, что невольно в свою очередь произнес:

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто так.

– Странно... Ты никогда не интересовался.

– Верно, – согласился он.

– Но если уж ты спросил, я скажу. Слушаю музыку, читаю сочинения Примо Леви и брожу ночами по пляжу.

Выслушав мой ответ, он повесил голову и замолчал – как будто я отчитал его за какую-то провинность.

– Но ведь было время, когда ты работал, не правда ли? – снова спросил он, уже с некоторым вызовом.

– Это было давно.

– Чем ты тогда занимался?

Это было произнесено таким тоном, которого прежде я никогда не слышал от него.

– Сложно объяснить, – пресек я неуместное любопытство.

– Я давно хотел спросить тебя, но не решался.

– Жаль, очень жаль... – протянул я зачем-то и добавил: – Жаль, что ты пошел по стопам своей матери.

– Что ты имеешь в виду? – Он вскинул глаза.

– Мне трудно объяснить тебе. Скажу лишь одно: ты погряз в мелочности и ничтожности. Я хотел направить тебя по другому пути. Нашим людям не положено заниматься пустяками, понимаешь?

– Нет, не понимаю. – Мне почудилась в его голосе едва заметная нотка высокомерия.

– Если не понимаешь, я вряд ли смогу объяснить тебе. И всё-таки скажу: долгие годы я ждал, что ты придешь ко мне и спросишь: «Папа, почему ты не такой, как все остальные люди?»

– Я хотел спросить, но боялся.

– Боялся? Меня? Я что, когда-нибудь ударил тебя?

– Нет.

– Так почему же ты боялся?

– Ты всегда молчал, – сказал он и с облегчением улыбнулся, как будто преодолел какое-то препятствие, годами возвышавшееся перед ним.

Я хотел подняться на ноги – в этот час мы обычно прощались, но почему-то не поднялся, а продолжал:

– Все эти годы я надеялся: то, что бьется во мне, когда-нибудь застучит и в тебе.

– Что же это?

– Ты прекрасно знаешь.

– Я не понимаю, – сказал он и дернул могучим плечом.

Мне показалось, что на его непроницаемом и невыразительном лице застыла презрительная усмешка. Как будто он долго взбирался в гору и наконец достиг такого места, откуда ему позволительно насмехаться надо мной и разоблачать мои замыслы, называть их, как выражалась его мать, бредом и манией величия.

– Я не в состоянии объяснить тебе, но запомни: большие дела, подобные тем, которыми заправлял я, совершают не легковесные фантазеры. Тут требуются основательность и размах. Только твердость духа и широта взглядов приводят к высотам. И еще музыка. Теперь ты понял?

Его широкое лицо опять расплылось в снисходительной усмешке, как будто я ляпнул какую-то глупость.

– Можешь смеяться сколько тебе угодно.

– Я не понимаю тебя, – повторил он, снова дернув плечом.

В этом движении заключалось всё, что я ненавидел в нем.

Я поднялся на ноги и сказал:

– Поступай как знаешь. Я не намерен вмешиваться в твои дела и не скажу тебе больше ни слова. В один прекрасный день тебе сообщат, сколько ты унаследовал. Но отныне и впредь, будь любезен, не приходи ко мне.

ГЛАВА 12.

Был уже вечер, а я всё еще бродил вдоль набережной. Досадный разговор с Эмилем не шел у меня из головы, но боли я не чувствовал. Мне почему-то казалось, что он вот-вот вернется, и я отдам ему злополучный чек, который позабыл выписать. Тишина становилась всё более глубокой и стылой. Не отдавая себе в этом отчета, я остановился возле кафе «Двора». Хозяйка обрадовалась мне, поинтересовалась моим самочувствием и тотчас принесла чашечку кофе и булочку. Я поблагодарил ее и сел за столик. Однако перед глазами мгновенно всплыло широкое, победоносно улыбающееся лицо сына. Я пытался отогнать от себя это видение, но улыбка неудержимо расплывалась и розовела на его губах. Я поспешно расплатился и вышел.

Молчание вокруг было тугим и мрачным, но издалека моих ушей достиг какой-то тонкий прокалывающий звук – достиг и принялся сверлить мои внутренности. Я попытался не обращать на него внимания, и на какое-то мгновение мне показалось, что он оставил меня. Я ошибся. Звук истончился и с новой силой впился в мои уши. Я изменил направление, но он последовал за мной. Я закричал:

– Хватит! – как будто в моей власти было отогнать и усмирить его.

Я ускорил шаги, как делаю всегда, когда меня преследует наглая музыка, но на этот раз это был не транзистор, а лишь однообразный звук, исходящий непонятно откуда.

После часа утомительной ходьбы я, кажется, напал на источник звука. Какой-то мужчина сидел у кромки воды и слушал музыку. Сама музыка была негромкой, едва слышной, но вместе с ней из транзистора вырывался какой-то тончайший свист, продолжавший терзать меня.

– Господин! – воскликнул я, опускаясь перед незнакомцем на колени. – Я буду весьма признателен вам, если вы уменьшите звук. Я знаю, громкость ничтожна, но что делать, ваш транзистор просверлил мне уши!

– Я не понимаю вас, – ответил он и дернул плечом – в точности как мой сын.

– Я признаю, – продолжал я смиренно, – звук не громкий, возможно, он даже не может быть тише, но голова моя раскалывается. Я понимаю, вы не виноваты, но если вы сжалитесь надо мной и выключите транзистор, я дам вам двадцать долларов. Это просьба – поверьте, не требование, а всего лишь нижайшая просьба!

– Чего ты хочешь от меня? – спросил он, склоняясь ко мне плечом.

– Мне больно, невыносимо больно! Неужели вы не видите, как мне больно? – воззвал я к нему, как к брату.

– Не выдумывай, музыка почти не слышна.

– Но я слышу!

– Так заткни уши ватой! – рявкнул он.

– Смилуйтесь надо мной! – взывл я, теряя самообладание.

– Убирайся отсюда! – он приподнял правую руку и отмахнулся от меня, словно я был не человеком, а надоедливым комаром.

Это движение окончательно вывело меня из себя, и я ударил его. Человек, выглядевший приземистым и щуплым, мгновение назад расслабленно внимавший звукам транзистора и погруженный в свои думы, упругим спортивным прыжком вскочил на ноги и нанес мне точный жесткий удар. Я очень хорошо ощутил его кулак и кровь, хлынувшую из раны, но тут же пришел в себя и ответил ему градом ударов. Он не сдавался. Я понял, что это один из наших. Возможно, мы сидели с ним в одном и том же гетто или лагере, или шагали рядом в том марше смерти, от которого уцелели очень немногие... Я понял всё это и тем не менее не остановился.

Под конец выдохся не он, а я. Как видно, потерял сознание. Очнувшись под утро, я увидел себя распластанным на песке. Всё тело болело, кровь, запекаясь на лице, бритвой вспарывала кожу. Я не мог вспомнить черт моего противника, но отчетливо помнил его мгновенный прыжок. Испытанная комбинация на этот раз не удалась, он опередил и превзошел меня во всем.

Наконец я кое-как поднялся на ноги и потащился в свою берлогу.

Ī adāāā nē eādē oā

Nāāō eāī ū Oāī ādūī

1999

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

МОШЕ

Илана Арци

Продолжение. Начало в №1, 2, 2006

Ī ĀDĀ CĀ Ī ĀDŌ

*Í ðáí òáó Bàéíá í áðáá ñ áðóíþ
í áçáé èþáéí íá ñííá Èíéòá - áúéíí .*

«Òèí íí è Èáé<...> íí áíéá ñáíé

ááá í á ííáíééè áúéá

Í ðíééýò èó ñáá, èáí í íáí<...>»

(Áðáéòéí 49:5, 7)

«Сод» – «тайна», – где захоронен Иосиф. А как же выполнить наказ: взять его кости при возвращении евреев из Египта на родину?

Долго думал Моше. Наконец пришел на берег Нила, нацарапал на золотой пластинке «веоле ашор» («и поднимется бык») и опустил ее в воду. К ногам его всплыл саркофаг с останками Иосифа.

Иосиф умер истинным праведником, так как за все свои ошибки заплатил при жизни сполна:

За то, что «стучал» на братьев – дескать, они едят «эвер мин а-хай» («мясо от живого животного»), – его рубашку, обрызганную кровью животного, доставили отцу Яакову.

За то, что доносил на сыновей Леи, которые обзывали рабами детей наложниц, – сам был продан в рабство.

За то, что ябедничал отцу на братьев, что те любезничают с ханаанскими женщинами, – влип в историю с женой Потифара.

За то, что оговаривал десятерых братьев, – получил десять лет тюрьмы.

Наконец, когда уже почти отсидел срок и обратился не к Всевышнему, а к виночерпию с просьбой походатайствовать перед фараоном, – Ашем добавил ему еще два года заключения.

Иосиф прожил меньше, чем его братья. Почему?

Когда братья спустились в Египет и пришли на аудиенцию к Иосифу, они говорили на иврите, и их речь переводили на египетский язык. Итак, десять раз он услышал фразу: «твой раб – наш отец» – и промолчал. За это Г-сподь сократил ему отведенные годы на десять лет.

Ì ÈÕÀ

Саркофаг с телом Иосифа погрузили на повозку. Берег опустел.

Из камышей выбрался пацан, воровски огляделся, набрал полную грудь воздуха и нырнул в Нил. Всплыл, держа в руках ту самую пластину, которую бросил Моше. Обтер и сунул ее за пазуху. Это был

Миха. Тот самый «младенец», которого спас Моше: вынул из стены, куда египтяне его уже почти замуровали. (Если евреи не выполняли норму по кирпичам, то пустоты заполнялись еврейскими младенцами...)

Миха вместе со всеми вышел из Египта, прошел по дну Красного моря и достиг подножия горы Синай.

СІ ЁІ ОІ Е ОАЁАÖ

«È ñàçàè Á-ãĬ ĩŝá»

“Áçĭéàè èĭ ì ĩá ĩá ãððè ááüü òàì ;

è ŷ äàì òááá ñèðèæ:àèè èàì áĭ ĩ ũá

è Òĭðð<...> äëŷ ĩãñòááááĭ èŷ ĩãðĭáá”».

(Òĭ ĩéñ 24:12)

«È áüè Ĭ ĩŝá ĩá ãððá ñðĭé áĭ áè è ñðĭé ĩĭ-áè».

(Òĭ ĩéñ 24:15)

Шли уже сороковые сутки. Народ начал роптать:

– Моше пропал! Где он?!

А сатана тут как тут, навел мглу:

– Умер Моше! Умер! Вон, смотрите: в облаках на кровати лежит.

Народ зашумел:

– Кто заменит Моше? Что делать?!

Племянник Моше – Хур стал успокаивать народ:

– Давайте еще подождем, ведь осталось совсем немного! Моше сейчас спустится!

Однако неуправляемая толпа затоптала Хура насмерть – и бросилась к старшему брату Моше, Аарону:

– Сделай нам божество, которое пойдет перед нами! «Я готов совершить “Кидуш Ашем”, как Хур, но лучше попробую потянуть время до прихода Моше...» – подумал Аарон. Вслух же сказал:

– Снимите все золотые кольца, серьги, браслеты с ваших жен, дочерей, сыновей и несите мне.

Он прекрасно знал: ни одна женщина со своими побрякушками не расстанется. Так, думал, времечко и потянем.

Однако он не учел, что и на мужчинах было много золотых украшений. Они не стали связываться с женами – поснимали с себя всё и принесли ему.

(Кстати, с тех пор еврейским мужчинам запрещено носить золотые украшения, кроме перстня с печаткой.)

Собранное золото Аарон бросил в огонь, надеясь, что, кроме слитка, ничего не получится. Но тут в первые ряды протиснулся Миха и подбросил в костер пластинку, на которой была надпись «и поднимется бык».

Тут же из костра выскочил золотой теленок, запрыгал, закувыркался и стал щипать травку!

Евреи стояли, разинув рты, – закричали же «эрев рав» – египтяне, которые мутным потоком устремились за Моше и евреями, как только упал «железный занавес». Они орали:

– Вот божество твое, Израиль, которое вывело тебя из Египта!

Левиты же – родное колено Моше – вообще держались особняком и ни в чем участия не принимали.

Аарон объявил:

– Завтра устроим праздник Б-гу, я начинаю строить жертвенник.

А сам подумал: может, утром вернется Моше...

С первыми лучами солнца бунтовщики стали собирать хворост, резать скот и приносить жертвы золотому теленку.

А на горе Синай Б-г сказал Моше:

– Спустись вниз! Твой народ, который мы вывели из Египта, сделал себе золотого тельца и принес ему жертвы! Я их уничтожу, а от тебя произведу новый великий народ.

Взмолился Моше:

– Зачем Тебе, Б-же, гневаться на народ Твой, который Сам Ты вывел из Египта великими чудесами? Чтобы египтяне смеялись? «На беду, скажут, Он вывел их, чтобы стереть с лица земли...» Не губи народ Свой! Вспомни Авраама, Ицхака и Якова, которым Ты клялся, что умножишь потомство их, подобно звездам небесным, и что дашь им страну, которой они будут владеть вечно.

Вымолил заступник.

Моше стал спускаться с Синая. У подножия горы его ждал лучший ученик, Иеошуа.

Отсюда уже были слышны крики возбужденной толпы.

– Битва в стане? Клич победителей, стоны побежденных?!

– Нет! Вакханалия вокруг золотого тельца!

Глаза Моше вспыхнули гневом – бросил скрижали, и они разбились. Схватил золотого тельца – пережег его на огне, растер в прах! Смешал прах с водой и всех евреев заставил выпить! (Как делали это с женами, подозреваемыми в неверности.)

Встал Моше в воротах стана и крикнул:

– Кто за Б-га, ко мне!

Левиты окружили Моше.

– Прочешите лагерь и перебейте всех грешников!

Около трех тысяч человек пали.

На следующее утро Моше сообщил народу, что снова возвращается на гору, к Б-гу, и попытается искупить их грех.

(I êîí:áí eá ñeááóò)

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

РОМАН С ЕВРОПОЙ

I eáeé Áíðáeé

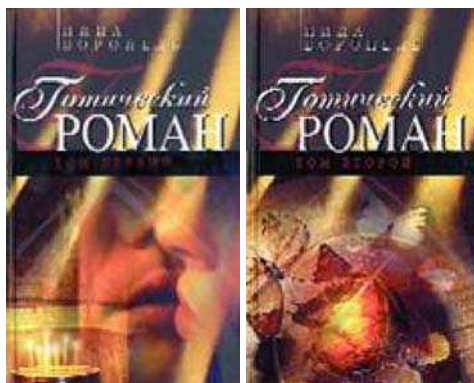
I eía Áíðáeé iáðáððeóðeðáeá iðeéð:áí:áíeð òðeéiáð «Áeáeé iááóáí áíáeá»: òáí áðí γοí iγòe:áñòíúe ááóòíí iúe ðíí áí. È íáçáí eá òáí áðí eííá «Áíðe:áíeé ðíí áí». Ááóòíí íeé áñò áñ ðeéíðáñ íí :áñðe ííá:áóíe – òí áñòú íá:òí íáííeñáí íá, eç ðýáá áíí. Áñe eçááðeéñòáí ðáeéí íeáçáòú ááóíðá è íðááíííððeðááòú, eáe ííeáð áñáýááòú ðáeñò, íáíeááíúe áíeíáíeáí ðááeóíðá è eíððeóíðá, ííí áíáeéíñí ñíáe ðáeé ñ íááñeóðáeéáðñíe áíγòíñòð. xáí I eía Áíðáeé iáðá «Óáí eéñí » íðáeíeéáñí?

Идею реструктурирования удачной назвать никак нельзя: трилогия была – трилогия и осталась; каждый из трех «внутренних» романов продолжает сохранять относительную целостность, условное выделение новых частей ничего тут не меняет и лишь делает новую структуру менее стройной и осмысленной.

Обложка нехороша. Создается впечатление, что художник романа не читал (жизнь коротка, роман – велик) и действовал из общих соображений. Но не преуспел. А отчасти так даже и дезинформировал потенциальных читателей: церковные свечи в сочетании с полураскрытыми губами любовников обещают что-то вроде христианской (даже и православной) эротики, да ведь у Нины Воронель ничего такого нет; эротика – да, притом разнообразная – пожалуйста! – но уж никак не христианская. Или издатели решили, что в России это как раз то, что нужно, и именно такого рода реклама должна заставить потенциального читателя раскрыть роман?

А вот перемена названия удачна: новое очевидным образом лучше прежнего – точнее и обобщенней. Название «Гибель падшего ангела» соответствовало только одной сюжетной линии и вообще было неточно и даже, пожалуй, слегка напыщенно.

«Готический роман» – если кто не знает – литературоведческий термин. Для простоты процитирую словарь. Готический роман – это «чёрный роман», роман “ужасов” в прозе предромантизма и романтизма, содержит таинств. приключения, фантастику, мистику, а также социальные мотивы; в центре произв. – демонич. личность». Самое начало «Онегина»: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог» – аллюзия на модного тогда «Мельмота-Скитальца» – готическая классика. Думаю, Пушкин первый, кто заговорил о готическом романе в таком тоне.

Βιβλίο τῆς Ἄλλῃς «Οὐρανός».

2005.

Весь перечисленный словарем реквизит наличествует и у Нины Воронель: и чернота, и ужасы, и таинств. приключения, и социальные мотивы, и демонич. личность («падший ангел»). Фантастики, пожалуй что, нет, а мистика, пожалуй что, есть, но – с разоблачением. Плюс круто заверченный сюжет. Плюс неременная love story. Да не одна. Плюс положительно-прекрасный израильский супермен – герой едва ли не эксклюзивный. Роман очевидным образом просится на экран, потенциальный блокбастер – куда смотрят продюсеры? Может, долетит на крыльях «Феникса».

Действие происходит то в старинном (готическом во всех смыслах) замке, то в таинственной библиотеке, где вдалеке от любопытных глаз ведутся переговоры арабского принца с израильянами, то в не менее таинственной усадьбе, где апокалиптическая секта устраивает конец света в одном отдельно взятом подземелье. И замок, и библиотека, и усадьба – излюбленные готическим романом места.

Оскар Уайльд, должно быть, полагал, что «Кентервильское привидение» закроет тему. Он ошибся. Уайльд пришел мне сейчас в голову еще и потому, что Нина Воронель в давние времена перевела «Балладу Редингской тюрьмы» и сделала это очень хорошо. В «Кентервильском привидении» Уайльд противопоставил мистическим ужасам рационализм – рационализм мистические ужасы легко одолел. Правда, это был самый лучший по тому времени рационализм – патентованный, американский, на взлете, а мистические ужасы на спаде и слегка морально устаревшие, побитые, так сказать, молью.

Этот конфликт есть и у Нины Воронель. Рационалистический императив прост и прагматичен: темноту подземелий хорошенько осветить, старые кости захоронить, мусор убрать, преступные тени материализовать и засадить их носителей за решетку, отреставрировать всё что можно, после чего водить по таинственному замку экскурсии: бизнес – венец рационализма. Как же эта славная мысль не пришла в голову новым кентервильским жителям! Да, совсем забыл: поставить у входа в готический замок пивной ресторан. Использовать потенциальную энергию истории и культуры, заставив их работать на пиво с сардельками. Течет вода Кубань-реки куда велят большевики.

Освещение подземелий – заветная мысль Фрейда. Да только поди их освети! Жизнь показывает, что сделать это сложнее, чем декларировать.

У Сартра в «Размышлениях о еврейском вопросе» еврейский рационализм противопоставляется безумному иррационализму антисемитизма. Герой «Готического романа» – воплощенный еврейский рационалист: реставрирует замок, хоронит кости и выводит на свет таинственные тени. Кому еще реставрировать европейскую культуру, как не еврею! Ну что бы они в самом деле без нас делали!

Само собой, в романе есть много чего интересного кроме подземелий. И трупы, и эротика – всё значится в дежурном меню, все останутся довольны. Но есть и специфические блюда: в наличии большая гомосексуальная тема, поданная в психологическом и гуманистическом ключе; и лесбийский сюжет тоже есть – Нина Воронель полна политкорректности, у нее нет предпочтений.

В наличии также легкий инцестуальный флер: у злодея – любовника матушки героя – в иные времена был роман с подружкой Ури, всё еще остающийся сюжетно актуальным. Предлагается также эдипов комплекс Ури и отца Инге: Нина Воронель – любительница симметрии. Папаша ведьмы – полупарализованный, безъязыкий монстр на инвалидной коляске с железной лапой вместо руки, коей он, посредством азбуки Морзе, отстукивает миру послания, но при случае может ею же и пырнуть. Обуреваем страстями даже и в крайней немощи.

А еще есть исторический роман в романе. Что-то вроде «Рукописи, найденной в Сарагосе»: вдруг возникает некий зашифрованный дневник, переносящий действие на иные берега, а в том дневнике – роман о Рихарде Вагнере (возбуждающий ассоциации с романом Годунова-Чердынцева), а в том романе – дневник жены Вагнера Козимы.

Да, вот еще: большой хэппенинг – костюмированное и исторически точное воспроизведение битвы при Ватерлоо. Местные пейзажи с воодушевлением представляют драгун с красными носами и улан с положенными им хвостами: кусают длинный ус, скачут, палят из ружей и пушек и воинственно машут саблями. Затесавшийся в роман ирландский террорист, естественно, играет за французов. Во время этих гуляний возникает не предусмотренный знаменитым сражением труп. Мы-то, читатели Честертона, только того и ждали: где спрячет мудрец труп? Ну конечно, в сражении! Подумаешь, тоже мне, бином Ньютона!

Но ведь, согласитесь, в такого рода сюжетах не только неожиданность, но и предугаданность партитуры создает желанный эффект. Кого бы тут привести в пример? Да хотя бы Хичкока! Мастер саспенса так определяет излюбленный свой прием: «поощрение захватывающего дух любопытства и создание чувства общности между режиссером и зрителем, которые знают, что должно произойти».

Òrò fàì úé çàì fê Àlòè-àfèé àí àwò m ùfèá.

Важные для Нины Воронель вещи художественно двоятся: хотя они и кажутся на первый взгляд сугубо инструментальными, но вовсе не утилизируются сюжетом и живут своей собственной, вполне независимой от него жизнью.

Русский читатель книги только лишь отчасти может оценить напряженность еврейско-немецкой love story, в особенности если еврейское дается в израильской аранжировке. Германия до сих пор остается в еврейском массовом сознании символом Катастрофы – еврейская эмиграция в Германию представляется чем-то чудовищным.

Между тем героиня романа – «ведьма», заморозившая молодого израильтянина, – воплощение des deutschen Weiblichen – в более широком контексте воплощение Германии и Европы. Под сурдинку дана тема блудного сына: герой – еврей-свинопас немецкой ведьмы – для повышения градуса занимается заодно и убоем нечистых животных. Авойда зора^[1] – дальше некуда! Неспециализированный читатель не углядит оксюморона в свином сюжете притчи – Нина Воронель возвращает ему смысл, внятный тем, кому этот рассказ первоначально был адресован. Герой в сладостном плену («рабстве») у ведьмы-Европы с ее замками, подземельями, ужасными тайнами, священными камнями, свиньями, неведомыми в стране Израиля листопадом и летним дождем. И культурой, культурой, культурой. Как мог ты, смелый и свободный, забыть у ласковых колен? Так ведь у ласковых колен чего только не позабудешь! Израильской маме-йеки^[2] всё это представляется полным кошмаром.

Не ведающий израильских реалий читатель не увидит ничего особенного в описании летнего дождя – мало ли таких текстов в литературе?! Однако автор и его израильские герои живут в мире, где дождя летом не бывает никогда, где летом смиренно молятся не о дожде – только о росе! И в этом контексте летний дождь теряет свою нейтральность: написать о нем хотелось совершенно безотносительно, о, как хотелось, сидя у себя в северном Тель-Авиве, хотя бы мысленно пережить это великое европейское чудо.

Из германского захолустья действие перемещается в захолустье английское: в деревенской глуши и тиши Уэльса упрятана библиотека редких книг и манускриптов – с маленькой гостиницей для элитарных специалистов, кои приезжают сюда со всего света. Это, с одной стороны, деревня, с другой – средоточие культуры: библиотека с хранилищем редких книг, древних рукописей и инкунабул. Всё вместе – воплощение западного мира.

Библиотека и замок не просто декорация действия: они живут самостоятельной и не сводимой к сюжету жизнью, в известном смысле они главные герои романа.

Библиотека задает уничтожающий масштаб происходящему – величественное обрамление сиюминутных политических и человеческих страстей. Еврейско-арабская интрига нуждается в большой европейской библиотеке только лишь как в инструменте прикрытия, только как в декорации.

Обе стороны стремятся тайну свято сохранить и, само собой, обеспечить безопасность мероприятия. Коварные враги ставят себе противоположные цели. Кто друг, кто враг, а кто просто так – книжки читает, – к удовольствию любителей жанра, определить поначалу совершенно невозможно, и читатель бродит в густом тумане, который рассеивается, как ему и положено, только к концу.

В романе как бы пародируется картина мира, которая предполагает таинственное еврейское сокрытие за разнообразными масками: худшие подозрения подтверждаются – самые неожиданные персонажи действительно оказываются евреями.

Понемногу выясняется, что никаких высоколобых книжечеев нет и в помине – серьезные, углубленные в фолианты господ только делают вид, что читают, им не до чтения: все они агенты разнообразных разведок и террористических организаций, прибывшие в этот медвежий угол с секретной миссией. И даже вон тот простоватый, вечно под градусом, батюшка из Румынии, угощающий всех аутентичным самогоном («цуйкой») и со знанием дела толкующий о жидомасонском заговоре, уж он-то как в компанию ученых людей затесался, ему здесь не по чину! – но и он (кто бы мог подумать!) в конце концов оказывается матерым израильским снайпером (суровый урок всем, кто готов простодушно внимать такого рода пропагандистам). Само собой, полки в нужный момент раздвигаются, и узкие таинственные проходы ведут непонятно куда.

Библиотека – большая метафора культуры – оказывается лишь театральной декорацией. Внимательный читатель, а впрочем, и невнимательный тоже увидит в полумраке удрученные таким положением вещей тени Федорова^[3] и Борхеса, они бесцельно бродят по залам и тяжело вздыхают: в силу глубокой своей удрученности они не в силах напугать даже самых впечатлительных, скорее уж способны вызвать сочувствие. Впрочем, в этом интересном месте есть кого бояться, кроме теней. Вы можете как угодно относиться к Федорову и Борхесу, но всё-таки у вас есть гарантия, что, материализовавшись, они не свернут вам шею в дальнем углу.

Роман наполнен культурными реалиями Европы – еврейские отсутствуют начисто. Самое древнее из еврейских событий, упомянутых в романе, – Война Судного дня. 1973 год. В терминах книги, «Йомкипурская война» – мелкий пример специфического русского волапюка в Израиле. Историческая память героев романа коротка, как мысли Буратино. Можно сколько угодно твердить о тысячелетиях еврейской истории, о богатстве, глубине, высоте и красоте еврейской культуры – но уж, извините, чем богаты, тому и рады; как говорил Бен-Гурион: у меня нет других евреев. Вот и у Нины Воронель в романе – тоже нет. Не имея ничего своего за душой, бедным детям сионизма нечего противопоставить неотразимому влечению к Европе – они безоружны.

Карл, желающий взорвать Европу, – сам подлинный европеец, он персонификация ее собственной воли к смерти. Ури чужак, пришедший из-за моря и полюбивший. Карл – возненавидевший, но свой: это его мир, его «библиотека». Его конфликт с Европой – семейный конфликт, его неотразимое мужское обаяние – обаяние не только арийского облика, но и европейской души. В дни долгого заточения он пишет роман о Вагнере, роман о Европе – о ком могли бы написать роман еврейские герои романа?!

Борьба за Инге становится и борьбой за Европу. Персонифицированный террор хочет ее использовать и подчинить, молодой израильтянин – влюблен и очарован. Ури реставрирует готический замок (внятная метафора еврейской вовлеченности в западный мир) – Карл хочет взорвать всё это отжившее европейское мироустройство, репрессивную культуру, сковавшую свободу человека: заложить бы динамиту – ну-ка дрizzнь!

В какой-то момент Ури обнаруживает останки Карла; «Карл больше не придет» – последние (утешительные) слова первого тома. Впрочем, для внимательного читателя предъявляемые доказательства смерти демонического героя не столь уж и убедительны. И кроме того – сюжет! Здоровенный том – а ужасный и обольстительный Карл возникал пока что только в зеркале воспоминаний да на полицейских фотографиях: присутствовал, так сказать, виртуально. Еще полромана осталось – и что, он уже списан в тираж? Позвольте вам не поверить. Мы им еще не насладились. Да и взгляните на дело глазами автора: ясно, что Нина Воронель до поры, до времени морочит читателям голову, готова в тайне триумфальное явление героя. И еще одно обстоятельство. Первоначально трилогия звалась «Гибель павшего ангела». Падший ангел – Карл. Можно ли при таком-то названии погубить ангела в середине романа? Пустой вопрос!

Естественно, Карл воскресает и является во всем блеске своего великолепия. По правде сказать, все персонажи рядом с ним бледноваты, и положительно-прекрасный израильтянин – тоже. В конце концов (на последних страницах романа) убить Карла всё же приходится. А жаль – уж больно хорош! Ну и кроме того, смерть его – дань жанровой условности: типологически он, конечно, бессмертен, как бессмертен бунт Европы против самой себя.

Мать Ури, прекрасная Клара, твердо знает, что Вагнер – «нацистский ублюдок» (грубое и примитивное идеологическое клише из тех, которые, вообще говоря, не свойственны сознанию героини), но она не в силах противиться его музыкальному напору. Как и обаянию Карла, который, симметрично Вагнеру, оказывается в конце концов нацистским ублюдком.

Í íéúá ðúúáðè - èçéþáéúá í úé ðúéúéçèð á ðè-áíéíá ðí à í á

«Áéíðáúþò» í í è á ðí à í á Áíðí í áú

Í ðè-áí è í á í í ýòè.

Роман Клары и Карла, как и роман Ури и Инге («ведьмы»), – еврейский роман с многоликой Европой. Для Ури и Инге – это любовь двух миров, неапокалиптический плод которой во чреве Инге: ребенок Ури уже не будет «настоящим» евреем. Можно ли допустить такое? Нина Воронель и не допускает. Насильственной рукой она прерывает беременность прекрасной ведьмы, предусмотрительно позаботившись, чтобы зачатие было впредь невозможно. А ведь могла бы и убить! И на том спасибо. Больше у «нас» с Европой детей не будет. Сколько нарожали – хватит уже!

Нине Воронель приходится здесь разрешать не только сюжетные коллизии, но и проблемы большого контекста. Конечно, Ури остается и в Европе израильтянином, более того, он рискует жизнью, выполняя задание родных спецслужб, – на этом, собственно, и построена одна из сюжетных линий романа. Но внесюжетно, по большому счету, это не имеет ровно никакого значения. Автор волен, конечно, распорядиться судьбой своих персонажей (хозяин – барин) – да только большой выбор Ури уже сделан.

Бедный Самсон Вырин оказывается посрамлен и в «Готическом романе»: правды нет и выше. Со свинопасом Ури, как и со станционной дочкой, вопреки евангельскому назиданию, визуализированному в повести в народных картинках с приличными, как бы специально для Нины Воронель, немецкими стихами, ничего дурного вдали от «отца» не происходит – оба они явным образом прижились на чужбине, и небеса не спешат покарать их. Вот и Нина Воронель милосердна: она вовсе не склонна брать в руки меч, отвергнутый Иваном Белкиным.

До Карла у Клары было бесчисленное множество еврейских любовников. Бесчисленное – даже не столько в смысле их количества, сколько в смысле их жизненной незначительности: они просто не идут в счет, их как бы и не было. Карл – совсем иное: здесь большая европейская страсть. Как бы нарочно (почему «как бы»? – просто нарочно!) рядом обретается бывший любовник – высокопоставленный функционер израильских спецслужб. Ну никакого сравнения! Нина Воронель вложила в карман рубашки работника героической профессии меняемую раз в три года зубочистку – пусть будет рядом с Карлом еще гаже!

Занятный момент: Клара знакомится с Карлом по пути с концерта Вагнера в Иерусалиме, и этому знакомству предшествует полная перемена отношения к композитору: от априорного рационального отвращения до невольного чувственного влечения. Она размышляет о Вагнере, и тут же (как бог из машины) появляется Карл с его акцентированно породистым арийским обликом. Вагнер вызывает Карла из небытия.

Связь Карла с Вагнером намечена заблаговременно: Ури, видя фото Карла, непроизвольно сравнивает его с вагнеровским Зигфридом. Впрочем, это выглядит не более чем расхожим, оброненным мимоходом клише, случайным и ни к чему не обязывающим. Тут же и забытым. Но из этого семечка вырастает баобаб.

Я сказал: «случайным» – да не таким уж случайным: всё-таки, чтобы сравнение оказалось непроизвольным, Зигфрид с Вагнером должны всегда быть под рукой. Так вот они только того и ожидают: Ури сразу «узнаёт» Карла, ибо любит Вагнера назло идеологически ангажированной мамаше, а может, и просто назло; весь роман он борется за внутреннюю эмансипацию. Чем отличается а идише мамэ от ротвейлера? Ротвейлер рано или поздно отпускает свою жертву.

В первой встрече Клары и Карла возникает забавный узор, едва ли предусмотренный автором, но зато диктуемый рельефом. Впрочем, с чего я взял – может, и предусмотренный. Знакомство героев происходит на дороге, ведущей из Иерусалима в Тель-Авив. Не просто на дороге между двумя этими городами – тут важно направление движения: Клара встречает Карла на большом горном спуске.

На иврите «спуск» – «йерида», «подъем» – «алия». Антонимы. Смысл этих слов, исходно означающих чисто физические действия, давно уже расширен. «Алия» – помимо всего прочего – и духовное восхождение; «йерида» – духовное снижение, падение. Репатриация в Израиль (теоретически) – алия, вызов к чтению Торы в синагоге – алия; эмиграция из Израиля – йерида, наихудшая йерида – в Германию. Карл ловит Клару на йериде.

Роман с Карлом – мужским лицом Европы – кончается для нее полным крахом. О, Европа умеет прельстить и использовать евреев!

Книга Нины Воронель напитана эротикой. Речь даже не об откровенных сценах (хотя и это непременно блюдо в меню, конечно, предлагается), а об общей атмосфере. Клара окружена эротической аурой, она источает эротические флюиды.

Всё это тонко и умело исполнено. До сих пор Клара всегда (типологически) была победительницей, манипулирующей мужчинами, – но годы уходят, и стареющая женщина пристально-сокрушенно разглядывает морщинки у глаз. Карл появляется в момент острого кризиса, он идеал мужчины, он возвращает ей наполненность и осмысленность жизни. И вот на взлете внезапного немислимого счастья, в точке самого великого своего любовного торжества Клара сокрушена, сердце ее навеки разбито: Карл таки украл ее кораллы. Конечно, Карл – бунтующий дух Европы, Клара же – просто обыкновенная несчастная женщина, но какое всё это имеет значение! – драма обманутой женщины внесюжетна, боль Клары больше перипетий приключенческого романа.

Òà ìàì àÿ áéáéèí òáéà

Èáçáéí ìíí áú, ò è ò ù áà áéááú ìí ÿòí òí èí èí ò áé è áæ á ò ñÿ.

Теперь Кларе не остается ничего, кро

ме как вернуться в свой еврейский мир и зализывать раны, которые вряд ли когда заживут. Ужасная перспектива! И Нина Воронель милосердно прерывает потерявшую вдруг смысл жизнь Клары, материализуя глухую (кладбищенскую) стену, пред которой та вдруг очутилась.

Выбитый из колеи Ури звонит из Англии своей далекой немецкой подруге. Какой-то необязательный разговор. И вдруг она на пустом месте, как бы невпопад спрашивает: ты что, был сейчас с женщиной? И сердце обрывается, и большая политическая и культурологическая игра со всеми сюжетными ухищрениями становится неважна перед внезапной, ничем не мотивированной догадкой страдающей женщины, которая перестает на мгновение быть персонажем романа.

^[1] *Ááí éáà çí òà (éáðèò) - áóéá «:áæáÿ ðááí òà»; ò à èí òáé:áí èé ò áðí èí (è ì áçááí èá ìáí ìá ìá èç ò ðáé ò á ò ìá ðá èí óáá), ìç ì á:á ð ù èé è áí èí ñé ó áí èá á ò è ð í èí ì ì ù ñéá - ì áá ð á é ñ é ì á çá ì ÿ ò è á*

^[2] *Éá èé (èç ð. ñéáí á) - áá ð áé - á ì ò í á ò ù èç Áá ð í á í èé.*

^[3] *Í è é í é á é Ó á á í ð í á (1828-1903) - ñé ð í ì í ú é á é á é é í ò á é á ð ù ð ù ÿ í ó á á í é í á ì ó ç áÿ, ì á ì í ó á é é í á á á é é í ò è æ é ç í è ì á í í é ñ ò ð í è é ì í á ñ á è í è ì á í á í, á á é á ç á ò á á é é é ò ñ á ð á ì á í í è é í á (Á é á á é í è ð á Ñ í é í á í á á, È ù á á Ó í é ñ ò í á, Ó á á í ð á Á í ñ ò í á á í é í á) è ñ é á á ç ð ù á á í í é í é á í èÿ ð á ñ é é ò ì ù ñ é ò á é á é á ú è è í ò á é é á é ò ó á é ù ù ì ñ é ñ á ñ é ì í ì í á ð í á é í; ñ é á é é í ð í: á á í í í ð í á é ò è ð í á á é á ÿ á á ó ù á á í ð á í á ð á á é á í è á í è ð á í ñ é á á ñ ò á í á é á é é í ò á é.*

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

О ПОЛЬЗЕ САМООПИСАНИЙ

Áéáéí ìí á ð á Á ð ð è ò á é í

Á í ð í á ñ ó ó í á è ò á á á è ù ..

Ì .: Á í ì á á ð á é ñ é í é é í è á é, 2005. - 856 с.

Трилогия Александры Яковлевны Бруштейн (1884–1968) принадлежит одновременно двум жанрам. Это и мемуарная литература, и художественная беллетристика. Точное воспроизведение примет времени, языка, умонастроений, бытовых деталей эпохи конца XIX – начала XX века сближает трилогию с автобиографией. Непосредственность и эмоциональность рассказчицы Сашеньки Яновской – сначала девятилетней девочки, а в заключительной части выпускницы гимназии – позволяет отнести книгу к исчезнувшим ныне «романам для семейного чтения». Плавно текущий «роман-река», написанный в 1950-х годах о событиях полувековой давности, помимо информации, сообщает читателю ритм тех благополучных лет, довоенных и дореволюционных.

Саша Яновская живет в губернском городе на северо-западе Российской империи. Ее среда – дети из дворянских и интеллигентских семей, средний класс дореволюционной России. В городе смешанное население: поляки, евреи, литовцы, русские, немцы; нет сомнения, что перед нами Вильнюс, где А. Бруштейн родилась в семье городского врача и где провела всю свою юность до момента поступления на Бестужевские курсы в Петербурге.

Подробности местами просто трогательны: «Для первого моего “выезда в свет” мама велела мне обновить голубенькую блузочку, еще ни разу не надетую. Блузка оказалась тесна. Да к тому же мама ядовито сострила: “постарайся не протереть локтей в первый же вечер!” Правда, я часто протираю коричневое форменное платье именно в локтях – каждую новую “форму” портниха шьет мне с двумя парами запасных рукавов. Совершенно так же обстоит дело у всех моих подруг. Вероятно, хрупкость рукавов – это вроде как закон природы, и тут не над чем насмехаться».

Взросление девочки происходит на переломе от века девятнадцатого к двадцатому, – сегодняшний читатель может сравнить ту эпоху с недавним миллениумом, чтобы убедиться, насколько изменились времена и нравы. Задаваться вопросом «найдите десять отличий» не приходится. Возникают другие вопросы: осталось ли с тех пор хоть что-то, есть ли еще сходство между нашими современниками и героями трилогии?

Предшествующее издание «подростковых мемуаров» состоялось в 1980 году. В нынешнем издании части трилогии «Дорога уходит в даль...», «В рассветный час» и «Весна», соответствующие, как водится, детству, отрочеству и юности, впервые выходят под одной обложкой. Помимо иллюстраций, нынешнее издание снабжено редкими архивными фотографиями. Снимки позволяют представить материальную культуру тех лет и облик героев повествования, воспроизводят стиль эпохи: городской ландшафт Вильнюса, интерьеры домов, портреты известных людей, «владевших умами» поколения, характерные городские типы. Украшение издания – городские пейзажи Мстислава Добужинского из серии «Виды Вильно».

Александр Дайнико

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ДРАМАТУРГИЯ САМОУБИЙСТВА

Èi ðá Èáðò áñ

Ñai íéééáéááöèÿ

Ì .: Òáéñò, 2005 - 187 с.

Венгерского писателя Имре Кертеса начали переводить на русский язык относительно недавно, незадолго до присуждения Нобелевской премии по литературе за 2002 год. Кертес родился в 1929 году в Будапеште. В 1944–1945 годах был узником Освенцима и Бухенвальда. Школу окончил после освобождения из концентрационного лагеря. До 1950 года сотрудничал в прессе, затем работал на заводе. С 1953 года зарабатывал на жизнь переводами с немецкого и писал прозу. Книги Кертеса переведены на многие языки. Опыт противостояния нацистской машине физического уничтожения и коммунистической машине духовного подавления определяет темы его произведений.

Роман «Самоликвидация» – третья книга писателя, выпущенная издательством «Текст». Действие происходит в 1990 году в Будапеште после падения коммунистического режима. Главный герой – венгерский писатель еврейского происхождения, бывший малолетний узник концлагеря, всю жизнь проживший в коммунистической Венгрии. В новые времена, когда происходит переустройство общества и ликвидация отживших социальных институтов, таким же отжившим и ненужным писатель ощущает самого себя. Его тяготит негативный опыт, он ощущает «усталость от жизни», истощенность жизненных сил и решает приступить к «самоликвидации». Для этого он создает пьесу, где описывает свой уход. И предшествующие самоубийству, и следующие за ним события – в частности, обнаружение в архиве писателя пьесы «Самоликвидация» – разворачиваются одновременно и в действительности, и на страницах его последнего сочинения. Романная проза чередуется с мизансценами и драматургическими диалогами. Герои пьесы те же, что и герои романа: бывшая жена, нынешняя любовница, коллеги по издательству, друзья автора. В реальности они действуют именно так, как он задумал и написал.

Персонажи обмениваются следующими репликами:

«Здесь все по-дурачки прожили жизнь. В этом наша специфика, *genius loci*...»

«Идет всеобщая ликвидация, а у меня нет охоты участвовать в дележе. Я стал зрителем. Причем не в первых рядах, а где-то на галерке».

«Государство всегда одно. Оно <...> лишь для того финансировало литературу, чтобы ее ликвидировать».

Книга рационально выстроена, предметные описания и пейзажные зарисовки сведены к минимуму, основное внимание уделено психологическим нюансам и разворачивающимся между героями конфликтам. Но за той рациональностью, с которой один старый писатель режиссирует свое самоубийство, а другой старый писатель это описывает, ощущается абсурд. Неслучайно эпиграф к роману – цитата из Сэмюэля Беккета.

Имре Кертес – вполне западный автор. Он не создает «теплой литературы», не убеждает читателя в том, что во времена Аушвица и ГУЛАГа за преступлением обязательно следует наказание в виде нравственного раскаяния, что «история учит», а страдания миллионов жертв не могут быть напрасны.

– Могут, – утверждает Кертес.

Надежды ни себе, ни своему герою он не оставляет.

À cáemã äð Dãrãrã òð

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

СМЕШАННАЯ ТЕХНИКА

Áðåçà Áðññèí

Í íáðíáí íñðè í èññù ïì

Ì .: Í íáíá èèò áðñò óðí íá íáíáí èá, 2005. – 528 с.

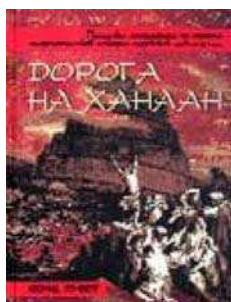
ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ДОРОГА НА ХАНААН

Ēāîîēä Āîî āāđā

Āîđîāî íà Ōāî āāî

Đîñòîâ íà Āîîā Ōāî ēēñ 2005. – 272 c.

Книга Л. Гомберга «Дорога на Ханаан» родилась из увлечения автора, журналиста по роду занятий, библейской историей. Ее подзаголовок – «Прогулки литератора по тропам мифологической истории иудейской цивилизации» – многое объясняет.

Первая часть «От Эдена до Вавилона» – попытка толкования и комментирования первых сюжетов Торы. Читатель знакомится с версиями о местонахождении рая на земле, узнает о родословной Каина, о планировке Ноева ковчега и о расселении его потомков по лицу всей земли, о царе Нимроде и о сооружениях Шумера и Аккада, послуживших прообразами библейской Вавилонской башни.

Во второй части подробно рассматриваются научные и теологические версии об Уре Халдейском, о перекрестке цивилизаций – Древнем Ханаане времен Авраама и Сары, анализируются результаты археологических раскопок и генетических изысканий, различные аспекты истории Авраама и Сары.

Книга издана в серии «Коды тайной мудрости». Название красноречивое. Сведения из библейской археологии и истории Древнего мира соседствуют с гипотезами, нуждающимися в подтверждении, с цитатами из неокабалистов, рассуждающих о метафизическом и мистическом значении цифр. Поэтому отнести «Дорогу на Ханаан» к жанру научно-популярной литературы было бы неправильным. Скорее, она имеет отношение к литературе популярно-эзотерической.

Видимо, одно из свойств Торы – беспокоить умы и порождать всё новые и новые комментарии. Для тех, кого не отпугнет древняя история в сочетании с эзотерикой, «Дорога на Ханаан» может оказаться занимательным чтением.

Александр Рапопорт

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

КРАСНЫЙ СИОН

Àëàëñîí äð Ì áéëàõñ (Ì äëëõîá)

Êðàññ ùé Ñèíí

ÑÏ á: Êëè áóñ Ì ðàññ, 2005. – 240 с.

Писатель А. Мелихов «носит много шляп». Он известен читателю современной русской прозы книгами «События и открытия», «Так говорил Сабуров», «Дары нищего», «Изгнание из Эдема. Исповедь еврея», «Роман с простатитом», «В долине блаженных, или Вечный Жид». По первой специальности он физик, кандидат физико-математических наук. Занимался психологической помощью лицам, склонным к суициду. Выступает как публицист и литературный критик. Член Русского ПЕН-центра. Заместитель главного редактора журнала «Нева». На обложке его нового романа стоит имя Александр Мейлахс.

«Красный Сион» – многослойное, сложно построенное произведение. Помимо прозы Мейлахса-Мелихова, в нем использованы тексты биробиджанского писателя-идишиста Бориса Миллера, выведенного под именем Мейлеха Терлецкого. География романа охватывает довоенную Польшу, Советский Союз от западной границы до Средней Азии, государство Израиль и Российскую Федерацию от Москвы до Биробиджана. Время: от конца 30-х до середины 90-х годов минувшего века; без малого семьдесят лет, целая человеческая жизнь.

Канун второй мировой войны, польский городок Билограй. В семье городского врача подрастает мальчик Бенцион, младший в семье. Он запомнит и свою «малую родину», и детали предвоенного быта, и разговоры домашних о желательном, но так и не случившемся отъезде в Палестину. А еще он будет дружить с горбатым сапожником Берлом, горячим сторонником созданного в Стране Советов «Красного Сиона» со столицей в Биробиджане. От пролетарски настроенного Берла Бенци получит первые в своей жизни уроки политграмоты.

Вскоре семья бежит из оккупированной Польши в СССР. Бенци теряет близких, попадает в детдом, вместе с Армией Крайовой генерала Андерса оказывается в Палестине. В Израиле Бенцион Шамир пройдет путь от рабочего и солдата до известного ивритского писателя, классика современной израильской литературы. В начале 1990-х он в качестве культурного атташе при посольстве Израиля несколько лет проведет в России, увидит «начало российского капитализма». В этот период он и побывает в Биробиджане, куда так и не добрался в свое время горбатый сапожник Берл. Шамир отыщет расположенный в убогой частной квартирке музей писателя Терлецкого, чьи статьи из запрещенной в буржуазной Польше советской газеты сапожник с восторгом читал маленькому Бенци. Здесь, в постсоветском Биробиджане, в квартире вдовы писателя Бенцион Шамир увидит, как реализовалась мечта, в которую искренне верил сапожник Берл и все, разделявшие его взгляды. Теперь в чистоту этой мечты верит только изуродованная нищетой и болезнями старуха, по-прежнему влюбленная в Терлецкого и на идише читающая гостью из Израиля прозу покойного мужа. Так замыкается цикл, начатый в детстве с рассказов Берла о еврейской республике на границе с Китаем, посреди амурской тайги...

В новом романе Мелихов продолжает проходящую у него из произведения в произведение тему о том, что человечество живет грезами, определяющими поведение масс на том или ином историческом этапе. В попытке воплотить утопию совершаются подвиги и преступления, столкновение грез чревато войнами, а крушение старой сказки приводит к рождению нового мифа.

Спрессованность событий, их «рваный» монтаж, а также размышления о человеческой природе, об иллюзиях, возникающих как защита психики от неприглядной реальности, определяют стиль этого произведения. Короткие энергичные фразы двигают сюжет и сообщают повествованию динамизм, они чередуются с долгими и плавными периодами, в которых заключена рефлексия главного героя: «Он вглядывался в нелепую сталинскую Москву, он вглядывался в “сталинские” дома всевозможных Советских улиц всех подгримированных русской новью под американские задворки областных городов, где ему приходилось бывать по еврейским делам, – и, сталкивая зрение Берла со зрением Бенциона Шамира, всюду прозревал высочайшую тему всех мировых трагедий – тему напрасной жертвы, тему обманутой веры, тему

великого добра, обернувшегося величайшим злом, тему грандиозной мечты, породившей бескрайнее царство заурядности...»

Àèàèàí àð Ðàííííðò

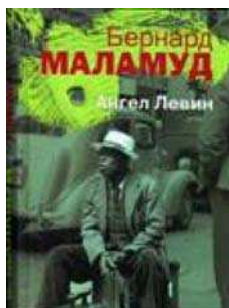
ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ЧЕРНО-БЕЛЫЕ АНГЕЛЫ БЕРНАРДА МАЛАМУДА

Áàðí àðä Ì àèàì óä

Áí äë Èäàèí

Ðàííèàçú / Ì àðààí ä ñ àí äë

Нельзя сказать, чтобы американского писателя Бернарда Маламуда вовсе не печатали в Советском Союзе. В далеком 1967 году в переводе Р. Райт-Ковалевой с кратким предисловием Ю. Нагибина тиражом 100 тыс. вышел сборник его рассказов «Туфли для служанки». Для прошедшей отечественную цензуру переводной литературы это была необычная книга. Главным образом потому, что герои рассказов – американские евреи, некоторые из них религиозны, а отношения между ними и, например, обитателями Гарлема, весьма далеки от принципов «пролетарского интернационализма». С окончанием «оттепели» издавать Маламуда у нас перестали, слишком многое в его прозе отличалось от советских прописей. Будучи президентом американского ПЕН-клуба (1979–1981), он осудил преследование писателей в СССР и ЮАР, уравнивая в этом вопросе два государства, после чего окончательно попал в список авторов, враждебных социализму. Вторая книга писателя в России, сборник рассказов «Идиоты первыми», вышла спустя четверть века, уже в посткоммунистические времена.

Новая книга составлена из наиболее ярких рассказов этих двух сборников в переводах Р. Райт-Ковалевой, С. Митиной, В. Гольшева, Л. Беспаловой – ведущих переводчиков с английского. На обложке фото: под белоснежной надписью «Ангел Левин», перед колодкой для чистки обуви, сидит безупречно одетый негр в белой шляпе с сигаретой в руке. Это ангел, герой одноименного рассказа. Он послан на землю, чтобы помочь портному Манишевицу, на которого, как на библейского Иова, одно за другим обрушиваются несчастья. Здоровье под угрозой, мастерская сгорела, сын погиб на войне, жена при смерти. Но Манишевиц, усердно посещающий синагогу, оскорблен тем, что его ангел-хранитель – негр. Он ждал еврейского ангела. Портной устраивает Левину экзамен, спрашивает, где крылья, просит прочесть молитву на древнееврейском, в конце концов решает, что всё это – розыгрыш, и называет Левина самозванцем. Ангел глубоко уязвлен, у него испытательный срок, ему необходимо выполнить миссию, но сделать это насильно невозможно... Не найдя ничего лучшего, Левин отправляется в Гарлем и ударяется в запой. Время идет, жена Манишевица уже на пороге смерти, и тогда портной с риском для жизни разыскивает пьяного Левина в публичном доме и уверяет, что больше в нем не сомневается: «Вы – ангел, от Самого Б-га посланный...»

– Как же вы меня унизили! – говорит Левин со слезами на глазах.

Он приводит себя в порядок, провожает Манишевица до дома и взмывает в небо. Войдя в квартиру, Манишевиц сообщает внезапно выздоровевшей жене: «Фанни, я тебя обрадую. Верить ли, евреи есть везде».

Элемент трагифарса, склонность к притче и неожиданный поворот в конце сюжета характерны для всей новеллистики Маламуда. Психологизм и умение выстроить картину из нескольких бытовых деталей сближают его с Чеховым. Проблемы своих героев, те же, что и во времена праотцев, он рассматривает как универсальные человеческие проблемы. Мысль эта афористично выражена в его знаменитом высказывании: «Все люди – евреи».

Ààààà àà Ðàí Ìí Ìòò

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

«Любая религия – основа личной жизни»

Ðàààííàð: Áàí Òí ààð

Ἰ ἰέ εὐ:σέε ἐβᾱίαιέε

ἼΘΑ, 2005.

Фильм имеет подзаголовок «лечебно-оздоровительная комедия» и вполне его оправдывает. Картина веселая, живая, с отлично рассчитанными мизансценами, характерными диалогами и кучей уморительных деталей, а главное – с превосходным актерским трио: блистательной Мерил Стрип, восхитительной Умой Турман и обаятельным Брайаном Гринбергом.

Сюжет, как и полагается такому жанру, незамысловат. Рафи, стильная и состоятельная красавица из мира высокой моды, знакомится с Дэвидом, очаровательным юношей из еврейской семьи, начинающим художником. У них завязывается бурный роман, с единственной, но постоянно всплывающей проблемой – четырнадцатью годами разницы в возрасте (коронная фраза Рафи: «Да у меня майки старше тебя!»). Восторгами и сомнениями Рафи делится со своим психотерапевтом, а Дэйв, хороший сын, почти честно и почти всё рассказывает своей матери, пока – и в этом вся соль – не обнаруживается, что оптимистичный психотерапевт и энергичная еврейская мама – одно и то же лицо. Сначала это понимают зрители, потом героиня, и, наконец, когда все соки из этой комедийной ситуации выжаты, – сами виновники переполоха. Далее они очень трогательно ссорятся-мирятся, ссорятся-мирятся – с полным сопереживанием зрителей, – но вот когда зритель уже расслабился, радуясь очередному примирению красивой пары, тут-то и наступает пессимистический конец, несколько неожиданный для американской комедии.

В пользу жизненности фильма свидетельствует непосредственность восприятия: все хором завидуют героине Умы Турман с ее молодым любовником, толкуют о разнице поколений и всерьез задаются риторическим вопросом: могут ли надеяться на личное счастье пары, в которых мужчина заметно моложе женщины? Кроме пересказа сюжета да разведения кухонной психологии рецензенты обсуждают достоинства актеров и гадают, насколько эти роли им близки и отражают их персональный опыт, – на что Ума Турман отнекивается, будто «вообще сто лет не ходила на свидания», а Мерил Стрип отделяется либеральными заявлениями, что, мол, «любая мама – это еврейская мама» и «я верю в разнообразие жизни, смешанные ДНК и мировой беспорядок». Рецензенты-эстеты отмечают красоты интерьера и экстерьера: виды дневного и ночного города, роскошные квартиры, уютные кафе – Нью-Йорк, изображенный не акульным мегаполисом, джунглями капитализма, а комфортным местом для жизни, где герои с нереальным постоянством пересекаются в мебельных магазинах, кафе и супермаркетах.

Серьезных отзывов в российской критике фильм не получил. Снобы лишь посетовали на то, что, «к несчастью для Умы Турман, Квентин Тарантино снимает кино не каждый год». Фильм, однако, не тупая американская комедия – в нем есть зачатки интеллектуализма. Главные герои знакомятся в кино, на Blow-up Антониони. Рафи отличается изысканным вкусом в искусстве и музыке. В беседах Рафи со своим психотерапевтом, которая, в свою очередь, ходит к другому психотерапевту, присутствует сатира на психоанализ. Рванувшись к книжной полке, чтобы спрятать фотографию сына, психотерапевт по ошибке подсовывает Рафи книгу «Лесбиянки и кабала» – очевидный камешек в огород постмодернистской какофонии. Бен Янгер сам признавался, что стремился достичь высот Вуди Аллена. Но, скажем честно, не достиг. Вся «культурка», впихнутая в фильм, лишь задает общий фон, life style, но совершенно не играет.

Только представьте себе, что бы, скажем, Альмадовар выжал из мотива «кино в кино» – сколько было бы аллюзий и параллелей! А тут – ружье не выстрелило: герои встретились на ретроспективе Антониони, а могли бы встретиться на ретроспективе Феллини, Бергмана – или в бассейне. Так что в основном фильм вполне конвенционален, за исключением, пожалуй, отсутствия happy-end'a.

Пара слов о еврейской теме (тоже, кстати, нередкой в американских комедиях – взять того же Вуди Аллена или, попроще, «Знакомство с Фокерами»). Такой национальный колорит неслучаен у еврейского юноши Бена Янгера, и до того снимавшего кино про нью-йоркских евреев. Да и Мерил Стрип, вообще часто играющая эмигранток – англичанку, польку, итальянку, датчанку, неоднократно касалась еврейской темы. Ее звездная роль – Софи, полька в Бруклине, состоящая в страстных отношениях с евреем-параноиком и постоянно переживающая во снах и воспоминаниях ужасы концлагеря («Выбор Софи», 1982), а также знаменитая Этель Розенберг, героиня одного из самых скандальных процессов о шпионаже периода «холодной войны», и даже рабби в нью-йоркской синагоге («Ангелы в Америке», 2003).

Еврейская тема в картине имеет, конечно же, комическую сторону. Эксплуатируются классические мотивы: домашний еврейский мальчик – который «не знает, что такое клитор», и – что еще хуже – не знает, что такое джаз, и начинает каждое предложение со слов «моя мама», – и властная еврейская мама, которая стремится во всем контролировать своих детей, с завидным упорством готовит костистых карпов и хранит вино по три месяца в холодильнике, пока оно не превращается в шипучку. Самый трогательный, немножко сюрреалистический персонаж, живущий в воспоминаниях Дэйва, – бабушка Буби: когда внук сообщает ей, что решил стать художником, она бьет себя сковородкой по голове; когда знакомит со своей девушкой-негритянкой, бабушка с ужасом спрашивает: «Она – черная?» – а через три недели умирает от расстройства... Но при всем этом еврейская тема подана в фильме очень серьезно и позитивно. Мама-психотерапевт, шесть дней в неделю совершенно светская дама, тем не менее очень расстроенная тем, что ее сын связался с нееврейкой, озвучивает ему свое кредо: «Любая религия – основа личной жизни». А нееврейка Рафи не устает восхищаться преимуществами еврейского воспитания: пусть мальчик не знает каких-то анатомических подробностей, зато он «так старался сделать мне хорошо», и вообще: «еврейские мужчины такие заботливые!» Пусть еврейская мама устанавливает над сыном гиперопеку, но в то же время это – близость, которой надо учиться, и это семья, в которую модная Рафи мечтает быть принятой. «Мой лучший любовник» – не только милая комедия и драма возрастной разницы одновременно, это еще и гимн еврейской семье.

Ааааа Аааа

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

Фильм-призрак

Дзеейид: Нòеаиí Нíеéаада

Ì pí óái

ÑOA, 2005.

Со времени оscarоносного «Списка Шиндлера» прошло двенадцать лет, и Стивен Спилберг снова вернулся к обсуждению еврейского вопроса в своем творчестве – 23 декабря в Лос-Анджелесе прошла премьера его нового фильма «Мюнхен». В картине рассказывается о последствиях трагедии, произошедшей на мюнхенской Олимпиаде 1972 года, когда одиннадцать израильских атлетов были захвачены в заложники членами палестинской террористической организации «Черный сентябрь» и погибли при неудачном штурме германских спецслужб. Убийцы были тогда экстрадированы немецкими властями в ряд арабских стран, где их приговорили к чисто символическим срокам заключения. Как следствие, Моссад подготовил операцию по их ликвидации, получившую название «Возмездие».

Картина получилась спорной, чтобы не сказать скандальной. Несмотря на то что авторы сценария Эрик Рот и Тони Кушнер основывались на документальных источниках и известной книге Джорджа Джонаса, вышедшей в 1984 году на основе рассказов одного из участников карательной операции, представители израильских спецслужб назвали фильм «непрофессиональным и ничего общего не имеющим с реальностью». Того же мнения придерживается и единственный уцелевший член «Черного сентября», скрывающийся где-то на Ближнем Востоке. Однако режиссер, сталкиваясь перед кинокамерой две точки зрения, всего лишь излагает собственную версию событий, давая понять: то, что Израиль называет «ответными мерами», многим представляется обыкновенной местью.

Дорожа своей репутацией в среде американского еврейства, маэстро всеми силами стремится избежать острых углов, однако слишком актуальна тема, слишком много вопросов и людей при этом затронуто, слишком неоднозначны ответы. Под статью получился и фильм. Говорят, интерес к этой теме пробудился у Спилберга после печально известных событий 11 сентября 2001 года, когда перед Америкой тоже встал вопрос: каким должен быть ответ на террор?

Главные роли в картине отданы Эрику Бане, Джеффри Рашу, Дэниэлу Крейгу и Мэтью Кассовитцу – режиссеру удалось собрать в новом проекте целое созвездие замечательных актеров. До самого последнего момента Спилберг, решивший отказаться от любой рекламы «Мюнхена», ничего не сообщал о фильме. Не было официального сайта картины в Интернете, не было трейлеров, историй, пресс-конференций. Но это только подогрело интерес к фильму: многие печатные издания активно обсуждали каждый слух, просочившийся со съемочной площадки.

Аналитики предполагают, что новая работа Спилберга будет не менее удачна в коммерческом плане, чем знаменитый «Список Шиндлера». И как любое событие, вызывающее ожесточенные дискуссии, картина пользуется большим интересом у зрителя – лишь за первую неделю проката в США было собрано более восьми миллионов долларов.

За сцены сексуального характера и насилия, а также за сленг фильму «Мюнхен» присвоена в Америке категория R, а это означает, что дети до 17 лет на просмотр не допускаются.

И акция Америкет

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

РЫБА В ТОМАТНОМ СОУСЕ

И אדם אדם לא

Сегодня в нашей рубрике рыбный день. Диетологи утверждают, что во многих регионах мира рыба – главный источник полноценных белков для человека. В сравнении с мясом рыбные белки и жиры легче усваиваются организмом, полней утилизируются. Одна из ее ненасыщенных жирных кислот обладает способностью стабилизировать артериальное давление. Рыбий жир содержит витамины А и D. В тканях рыбы в различных соединениях присутствуют калий, железо, фосфор. Морская рыба богата йодом, влияющим не только на работу щитовидной железы, но и на общую жизнедеятельность организма. Следует сказать, что, согласно требованиям иудейских

диетарных законов, в пищу запрещена рыба, не имеющая чешуи или явно выраженного позвоночника. Карп, традиционный для ашкеназской кухни, по-видимому, попал в нее из кухни польской, где считается праздничным блюдом; разведение карпа в Польше насчитывает уже более шестисот лет. Для приготовления блюда, предложенного шеф-поваром московского ресторана «Йона» Петром Слабодником, подходит как морская, так и речная рыба.

– Петр, с чего начинается приготовление этого блюда?

– Сначала в подсолнечном масле обжариваем до золотистого цвета мелко нарезанный лук. Затем очищаем помидоры от кожицы, режем кубиками и смешиваем с пассированным луком. Сюда же кладем шинкованные свежие грибы. Будущий соус тушится до десяти минут. Снимаем его с огня, добавляем томатную пасту, оливки без косточек, лавровый лист, соль и душистый перец. Размешиваем, проверяем вкусовые качества, накрываем, чтобы не остыл. Соус у нас готов. После этого берем филе судака, панируем его в муке, обжариваем с обеих сторон при температуре 180 градусов. В этом же масле, после того как рыбу убрали со сковородки, обжаривается белый хлеб затейливой формы: я обычно вырезаю для этого блюда плоский кусочек в форме сердца.

На тарелку всё это выкладываем в определенной последовательности: поджаренный хлеб, на него – рыбу, сверху поливаем соусом. Украсить блюдо можно помидорами и свежими огурцами, грибами, орехами – в зависимости как от сезона, так и от того, что есть на вашей кухне.

Пропорции такие: филе рыбы – 1 кг, лук – 2 головки, маслины без косточек – 150 г, томатная паста – 150 г, грибы – 100 г, 3 крупных помидора, 2 чайные ложки соли, 1 чайная ложка сахара, лавровый лист, черный перец и душистый перец – по вкусу, белый хлеб для обжаривания – 150 г.

– Я вижу на столике вторую тарелку...

– Второй вариант этого блюда отличается тем, что филе рыбы не обжаривается, а тушится в соусе. Для этого также можно взять филе судака или филе хека. Я называю ту рыбу, которая всегда есть в магазинах и по этой причине доступна большинству хозяек. Соус приготавливается в той же

последовательности, обжаривается лук, потом, вместе с луком, обжариваются мелко нарезанные помидоры, добавляются остальные ингредиенты. В соус кладется филе, панированное в сухарях, и тушится не более пятнадцати минут. Рыба подается с гарнирами: вареным рисом, печеным картофелем, солеными огурцами.

– Хек появился на наших кухнях уже в советские времена. Классическая еврейская кухня использует другую рыбу?

– Традиционной рыбой считались карп и щука. Их готовили везде, где жили тогда еврей-ашкеназы: и в Центральной Европе, и ближе к границам современной России – в Польше, Украине, Белоруссии и Литве. Рыбу не только фаршировали, но жарили и тушили. При этом использовались томатные соусы с разнообразными специями и наполнением – от грибов до оливок. Очень часто для увеличения объема блюда использовался хлеб. В первом варианте, как вы помните, он поджаривался в том же масле, во втором – филе панировалось в сухарях. Рыба в томатном соусе хороша и для праздника, и для будничного стола.

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

КТО ВЫ ТАКОЙ, ГАЙ ГУДЕС?

Марк Либовин

13 марта Гаю Гудесу, тренеру баскетбольной команды Ришон ле-Циона, исполнится 35 лет. Это плотный, крепкого сложения, 190-сантиметровый человек, в настоящее время являющийся наставником самой интересной команды в израильском первенстве.

Клуб Ришона, который Гудес тренирует второй сезон, совершил, по всем местным и не только местным меркам, невероятное. Скромная команда с более чем скромным бюджетом в 1 млн долларов, из которых зарплатный фонд составляет 400 тыс. долларов, стала одним из лидеров первенства! Вышеназванные суммы выглядят не просто скромными, а смехотворными по сравнению с бюджетами других клубов лиги, особенно таких лидеров-гигантов, как «Маккаби» (Тель-Авив) – 15 млн долларов в год – и «А-Поэль» (Иерусалим) – 8 млн долларов в год. Понятно, что не всё в спорте решают деньги. Однако всё-таки деньги в современном спорте решают очень и очень многое.

Ребята Гудеса (а команда очень молодая) показывают свободный и уверенный баскетбол, не закрепощенный жесткими рамками тренерской тактики. В стартовой пятерке команды играют два молодых израильтянина, которые очень многое обещают в ближайшем будущем. Это разыгрывающий Моран Рот – смелый и резкий игрок, за которым «охотятся» лучшие клубы страны, предлагая выгоднейшие контракты. Юноша, однако, хранит верность Гудесу и его клубу, что делает честь и игроку, и тренеру.

Второй израильский баскетболист, на которого обращают внимание и болельщики, и специалисты, – это атакующий защитник Ор Эйтан, снайпер милостью Б-жьей, сильный, берущий на себя игру, резкий спортсмен, бросающий и попадающий из любых положений, статичных и подвижных.

Настоящий снайпер определяется следующим показателем: он продолжает бросать и тогда, когда промахивается. Уверенности и сил на это хватает не у всех – у Эйтана они есть.

Все игроки – и израильтяне, и легионеры, – которых Гудес подбирал не только по игровому, но и по человеческому принципу, обожают своего тренера, выполняя его установки старательно и максимально точно.

Игру и тренировочный процесс Гудес ведет как опытный наставник, который находится у руля команды много лет. Напомним: Гай тренирует команду Ришона лишь один год.

Так кто же он такой, Гай Гудес?

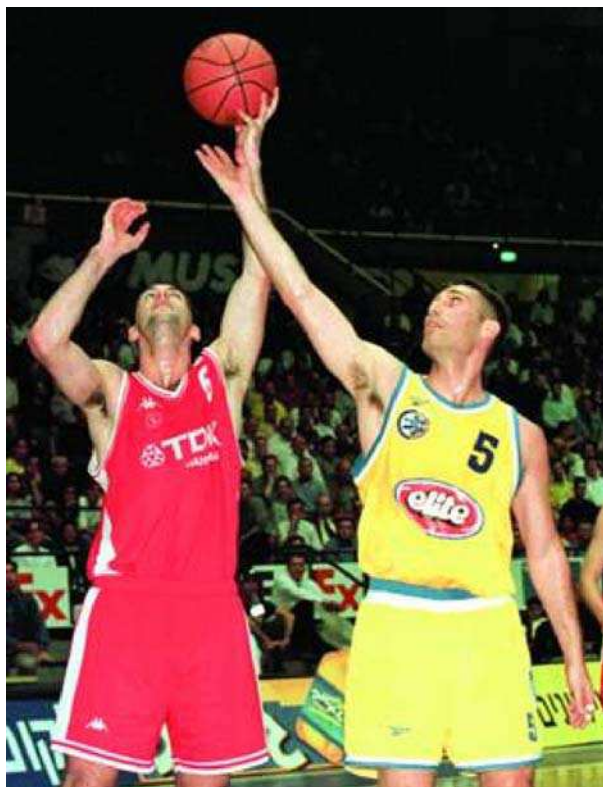
Он начал свой путь в большом баскетболе в 15 (!) лет, в стартовой пятерке хайфского клуба «А-Поэль» у тренера Рани Кахане, который сегодня является спортивным директором украинской команды БК «Киев». Любопытно, что в раннем детстве с Гаем в качестве тренера настойчиво работал его отец, бывший спортсмен, – благо возле дома была баскетбольная площадка. Именно оттуда, из детства, у Гудеса поставленный, стабильный бросок, безупречный пас и уверенный дриблинг.

Вместе с Гудесом начал выступления в Высшей израильской лиге и другой одаренный баскетболист из Хайфы, Корен Амиша, игрок, склонный к импровизации и блистательным действиям на площадке. Вместе они продвигались вверх, были приглашены в сборную страны, в ведущий клуб Израиля «Маккаби» (Тель-Авив). Но Амиша, часто травмировавшийся, не смог преодолеть те естественные препятствия, которые стоят на пути каждого игрока. Он рано ушел из баскетбола, реализовав свои огромные возможности процентов на пятьдесят. Так бывает довольно часто. У Гудеса получилось иначе.

Он всё делал надежно и прочно, играя почти без ошибок как в нападении, так и в обороне. Манера его игры была не яркой, но конструктивной, бросок с игры и со штрафных – как правило, результативен.

Восемь сезонов Гудес играл в составе команды «Маккаби» (Тель-Авив), семь раз завоевав золотые медали чемпиона. Полтора года он пропустил из-за тяжелой травмы (это были 1992–1993 годы),

но смог восстановить физическую форму и вернуться на площадку. Девять лет Гудес отыграл в составе сборной страны, кроме того, он выступал за испанские и итальянские команды высших лиг, такие, как «Казерта», «Кантербери» и «Розетта».

Принцип Гудеса прост. Он говорит: «Мы играем в баскетбол, и я исхожу в своем подходе из самого понятия игры. Мы играем, находя в этом удовольствие. В соответствии с этим принципом я и подбирал игроков в состав команды. Всем было объяснено: от них требуется игра, причем за поражения их никто не растерзает, они должны получать удовольствие от баскетбола! Кажется, они получают это удовольствие. Во всяком случае, пока что у нас всё получается».

Обстановка в команде очень спокойная, даже домашняя – это один из секретов успеха, на наш взгляд. Недавно Ришон утром выехал на игру с очень сильной командой Нагари, на севере страны. По дороге клубный автобус завез всех в дом родителей тренера, неподалеку от Хайфы. Двадцать человек – игроки, администраторы и тренеры – сели за стол и отведали вкуснейших домашних блюд, приготовленных мамой старшего наставника команды. Гай, посмеиваясь, говорит: он очень волновался, как ребята смогут играть после плотного обеда, – но Ришон выиграл и эту игру, несмотря на пессимистические прогнозы...

Гудес, человек весьма спокойный и уравновешенный, объясняет игрокам то или иное упражнение негромко. Молодые люди хорошо его понимают и выполняют установки тренера досконально, «вытягивая» даже заведомо проигранные матчи. Команда Ришона уже пробилась в четверку сильнейших клубов страны и теперь будет играть в «финале четырех» первенства, чего никто не ожидал от этого скромного клуба.

Впечатление такое, что в Израиле появился не просто большой баскетбольный тренер, но настоящее светило! Его зовут Гай Гудес.

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ИЦХАК КАДУРИ: ЕГО ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Когда великий сефардский раввин Йосеф-Хаим, известный как Бен-Иш-Хай, принял вундеркинда из Багдада, Ицхака Кадури, никто из присутствующих не ожидал, что знаменитый раввин уделит юноше так много времени. Беседа с глазу на глаз продолжалась несколько часов. Спустя девяносто лет рав Кадури, старейший и наиболее уважаемый из кабалистов Святой земли, рассказал главному раввину Франции Ситруку: Бен-Иш-Хай дал ему три благословения – что он проживет очень долго, что до самой смерти будет здоров и что удостоится увидеть Мошиаха (интересно, что третье благословение он получил в 1990 году и от Любавичского Ребе). О секретах же и тайнах Учения, переданных ему во время этой встречи, рав Кадури предпочел умолчать.

Все благословения сбылись: рав Кадури скончался 29 января 2006 года, в возрасте ста восьми лет, до последних недель жизни не прибегая к помощи врачей. Перед смертью он пришел в сознание и попросил оставить его наедине с четырьмя ближайшими учениками. Затем сказал следующее:

– Если кабалисты исследуют сказанное мною в последние месяцы по поводу прихода Мошиаха, то обнаружат его имя, скрытое в моих словах, которое открылось мне 9 хешвана 5764 года (11 ноября 2003). В тот же день я удостоился встретиться с ним лицом к лицу. Он здесь, он среди нас, но он не придет и не скажет: я Мошиах, следуйте за мной. Кабалисты обязаны обнаружить его среди «скрытых» слов, а после этого народ Израиля должен попросить Мошиаха стать царем.

Затем он снова впал в забытие, однако очнулся спустя несколько минут и прошептал на ухо одному из учеников эзотерический код раскрытия имени. Кому именно он сообщил код, ученики сообщить отказываются.

В Израиле имя рава Кадури окутано атмосферой тайны и почитания. И хотя многие ашкеназские раввины относятся к его чудесам с известной долей скептицизма, среди простого народа, особенно среди выходцев из стран Востока, его авторитет чудотворца непререкаем. О нем рассказывают бесчисленные легенды и диковинные истории. Отделить правду от вымысла в этих историях очень непросто, но одна из них произошла на моих глазах, и я могу рассказать ее во всех подробностях.

Рядом с моей синагогой находится «марокканская». Дети во время длинных субботних и праздничных молитв вместе играют во дворе, и мы, родители, так или иначе успели перезнакомиться друг с другом. Один из колоритных прихожан «марокканской» синагоги, дородный и громогласный Авнер, приходил на молитвы в сопровождении трех дочерей. Еще три дожидались дома с женой, такой же статной и громогласной, как ее муж. Первую и вторую дочку Авнер встретил с обожанием, третью с некоторым беспокойством, а после шестой разволновался не на шутку...

– Девочка, – жаловался он, – как известно, признак того, что за ней родится мальчик. Но сколько можно признаков, где же наследник?! Кто скажет по мне кадиш после смерти, кто унаследует мою фамилию?!

Я, как умел, пытался успокоить безутешного отца, но объяснения и уговоры не оказывали на Авнера никакого воздействия. Седьмую беременность жены Авнер встретил с настороженным беспокойством, а когда проверка, которую сделали по причине возраста будущей роженицы, показала, что у нее снова девочка, – пришел в полное отчаяние. И тут кто-то посоветовал ему обратиться к раву Кадури.

– Зачем? – возражала жена. – Мальчиком ребенок уже не станет, к чему же зря выстаивать огромную очередь и попусту беспокоить почтенного старца пустыми просьбами.

– Это для тебя они пустые, – вскипел Авнер, – а для меня очень даже наполненные! Всё, завтра еду в Иерусалим.

Он отстоял всю очередь, поведал раву Кадури свою проблему, и тот, положив ему на голову чуть дрожащую руку, пожелал, чтобы через полгода Авнер пригласил его на брис-милу. Домой счастливый отец примчался на крыльях.

– Глупости, – осадил его жена. – Ты, как всегда, всё перепутал и что-то не так объяснил раву. Или он имел в виду не полгода, а полтора, раньше никак не получится.

– Молчи, женщина, – сурово произнес Авнер. – Как рав Кадури сказал, так и будет.

– Посмотрим, – иронически хмыкнула жена.

Спустя полгода, перед самым Йом Кипуром, она успешно и практически безболезненно родила... мальчика. На недоуменные расспросы врачи отвечали уклончиво и осторожно, объясняя случившееся неточностью аппаратуры, статистической вероятностью ошибки и прочими замысловатыми врачебными словечками.

Радости Авнера не было предела. Приглашать рава Кадури на брис он отправился в сопровождении толпы родственников и друзей. Рав выслушал приглашение, благословил мальчика, но на брис не приехал. Вместо него на стене перед моэлем Авнер повесил огромную фотографию кабалиста.

Я не знаю, как объяснить эту историю. Произошло ли тут чудо – невероятное, невозможное изменение реальности под воздействием молитвы праведника, – или действительно всё дело в неточном диагнозе. Но сын Авнера играет теперь по субботам вместе с моими дочерьми, и его возмущенный рев, когда они обижают его во время игр, каждый раз напоминает мне о зыбкости и приблизительности нашего представления о мире.

Betá Oláòáð

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ШЕЛИ УИНТЕРС. ЧТО ЗА ЖЕНЩИНА БЫЛА!..

Áá: áðí 14 yí ááðy àì áðééáíñéíá áááí òíòáí Associated Press ññáúèéí í ñ áððé áéòðéñú Óáééè Óéíðáñí ãéééááñéíé çáçáú ñáááéíú íðíéíáñ ááéà Ííá ñéíí: áéáñí á áíçðáñðá 85 éáò á ðáááééèðáðéíííí òáíðá á Ááááðéè-Óéééç íð íñðáííáéè ñáááòá çà ñáñp áíéáá :áí ííéóááéíáñp éáðúáðó á ééíí áéòðéñá ññyéáñí á 130 éáððéíáñ, ñò áéà íáéáááðáéñí éóáé íðáí éé «Yí í è» è «çíéíðíé áéíáñ», áááçáú ííéó: ééà áéááí óp í ááááó Áì áðééáíñéíé áéááú èè ééííéñéáñíðáá

Ширли Шриффт, ставшая впоследствии известной как Шелли Уинтерс, родилась 18 августа 1920 года в Ист-Сент-Луисе (Иллинойс) в семье еврейских эмигрантов. Она с детства мечтала о Голливуде. Ее учителями были Ли Страсберг, Элиа Казан и великий Чарльз Лоутон, у которого она снялась в его единственной режиссерской работе «Ночь охотника». Ее соседкой по комнате в студенческие годы была никому тогда не известная Норма Джин Бейкер, превратившаяся впоследствии в Мэрилин Монро и ставшая главным голливудским идиолом XX столетия.

Карьера актрисы началась в 1943 году с участия в фильме «Что за женщина!» За полгода до того глава студии Columbia Pictures Гарри Кон обратил внимание на симпатичную танцовщицу из ночного клуба, а спустя восемь лет имя Шелли Уинтерс уже прозвучало в списке номинантов на «Оскар» за лучшую женскую роль в картине «Место под солнцем» – экранизации «Американской трагедии» Теодора Драйзера. За это время она сыграла в 30 кинофильмах – по четыре в год. Характеры персонажей Шелли всегда были неоднозначны и яркие, будь то доверчивая официантка из «Двойной жизни» или перебравшая виски старлетка, которая слишком много болтала в «Большом ноже», подруга загнанного в угол гангстера в фильме «Я умирал тысячу раз» или заложница, вынужденная убить симпатичного ей бандита, в картине «Всю дорогу он бежал». Всю свою жизнь актриса избегала плоских ролей, которые были ей неинтересны. Она мечтала о высокой драме, но не боялась экспериментировать, появляясь на экране то в гангстерских боевиках, то в жизнерадостных мюзиклах, то в пародийных комедиях.

С ней работали Стенли Кубрик, Сидней Поллак и Роман Полански. Ее партнерами по съемочной площадке в разное время были Элизабет Тейлор, Изабелла Росселлини, Курт Рассел и Берт Ланкастер. Свой первый «Оскар» Шелли получила в 1960 году в номинации «Лучшая женская роль второго плана», сыграв еврейскую матрону Петронеллу Ван Даан в «Дневнике Анны Франк» Джорджа Стивенса. Потом были «Лолита» Кубрика – за роль в этом фильме Уинтерс едва не получила «Золотой глобус» – и «Кусочек синевы» – пожалуй, два ее лучших фильма.

Она трижды была замужем, в том числе за знаменитым итальянским актером Витторио Гассманом. Ее романы с Робертом Де Ниро, Марлоном Брандо, Кларком Гейблом, Эрролом Флинном, Бертом Ланкастером обсуждались всеми СМИ, ее мемуары, в которых она не стеснялась рассказала о своей жизни, наделали много шума. По правде говоря, всевозможные слухи и версии не очень-то волновали

актрису. Она была волевой, независимой и эксцентричной женщиной – такой же, как ее персонажи. Многие публичные люди Голливуда признавались, что попросту боялись ее. Шелли Уинтерс снималась вплоть до 2004 года, когда на экраны вышел фильм «Сливки общества», в котором она сыграла саму себя. Это была последняя ее работа – возраст и болезни больше не позволили знаменитой актрисе выйти на съемочную площадку.

Много лет назад Шелли заметила: «Играть – всё равно что рисовать на непромокаемых обоях ванной. Через десять минут вы стираете рисунок, и от него ничего не остается». Всё-таки она была права: после Шелли Уинтерс осталось более сотни ее ролей в кино. А киноплёнка надолго сохраняет память о человеке.

Ī ēēīēāē Ī āēū ēēīā

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

МАРТОВСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 МАРТА

110 ēāò ĩē āīŷ đāēāīēŷ биохимика, члена Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», Национальной АН США, профессора Индианского университета, автора теории образования антител, согласно которой антиген является мутагеном, направленно изменяющим синтез иммуноглобулинов, **Феликса Хауровица** (Haurowitz; 1896, Прага – 1897, Блумингтон, США).

3 МАРТА

90 ёаò ì ãÿ ðæããéÿ математика, популяризатора науки, члена Эдинбургского королевского общества, профессора Индианского университета, автора работ в области функционального анализа, научно-популярных статей **Пауля Халмоша** (Halmos; р. 1916, Будапешт).

4 МАРТА

65 ёаò ì ãÿ ðæããéÿ российского дирижера, народного артиста СССР, главного дирижера Большого театра СССР, художественного руководителя и главного дирижера Государственного Малого симфонического оркестра СССР, профессора Московской консерватории, лауреата 1-й премии на Международном конкурсе оркестровых дирижеров в Риме 1968 года **Юрия Ивановича Симонова** (р. 1941, Саратов).

9 МАРТА

80 ёаò ì ãÿ ðæããéÿ физиолога, академика АН СССР, впервые описавшего пристеночное пищеварение в норме и при патологии, автора работ в области эволюции пищеварительной функции **Александра Михайловича Уголева** (1926, Днепропетровск – 1991, Москва).

10 МАРТА

45 лет со дня рождения гимнаста, обладателя золотой олимпийской медали 1984 года **Митчелла Гайлорда** (Gaylord; р. 1961, Лос-Анджелес).

70 ёаò ì ã äü ðæääéý биохимика, члена Национальной АН США, профессора Питсбургского, Йельского и Колумбийского университетов, автора работ в области синтеза комплексных молекулярных структур **Сэмюэла Данишефски** (Danishefsky; р. 1936, Бейонн, США).

13 МАРТА

135 ёаò ì ã äü ðæääéý востоковеда, ректора Московского института востоковедения, автора работ в области истории революционного движения в странах Востока **Михаила Павловича (Лазаревича) Павловича** (наст. фамилия Вельтман; 1871, Одесса – 1927, Москва).

18 МАРТА

120 ёаò ì ã äü ðæääéý психолога, одного из основателей гештальтпсихологии, профессора Гисенского, Корнеллского, Чикагского, Висконсинского и Оксфордского университетов, автора работ в области зрительного восприятия движения, проблем развития ребенка и др. **Курта Коффки** (Koffka; 1886, Берлин – 1941, Нортхемптон, США).

21 МАРТА

120 ёаò ì ã äü ðæääéý экономикогеографа, профессора Московского государственного педагогического института, одного из основоположников географии населения **Рафаила Михайловича Кабо** (1886, Бердянск – 1957, Москва).

25 МАРТА

50 лет со дня рождения артиста эстрады, народного артиста РФ Ефима (Нахима) Залмановича Шифрина (р. 1956, Сусуман Магаданской обл.).

26 МАРТА

95 äàð ìí äíÿ ðíæääíèÿ физиолога, члена Лондонского королевского общества, Датской АН, академии деи Линчеи, Американской академии искусств и наук, профессора Университетского колледжа в Лондоне, установившего механизм выделения ацетилхолина в нервно-мышечных соединениях, лауреата (совм. с Дж. Аксельродом и У. Эйлером) Нобелевской премии по медицине 1970 года **Бернарда Каца** (Katz; 1911, Лейпциг – 2003, Лондон).

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

НАША МАРТОВСКАЯ ПОЧТА

Î Î ÑÒÎ ÒÁ ÂÎ ÁÑÒÎ Î ÐÀÁÑÒÁÁÎ Î ÎÁÎ ÈÎ Î ÁÐÀÒÈÁÁ

Речь пойдет о статье г-на М. Беленького «Тетя Соня и Салах Шабати» (Лехаим, 2005, № 9). Она начинается с критики расхожих стереотипов советско-российского массового сознания, получивших отражение в российских КВНах. Однако уже во втором и третьем абзацах автор – незаметно для самого себя – из критика стереотипов превращается в их носителя. Прислушаемся: «...“Тетя Сара додумалась продавать свою мочу призывникам, которые не хотят служить в армии”. Здесь использован типичный советский стереотип еврея, хитрого и норовящего обмануть государство, плюс предположение, что, раз евреи уклоняются от службы в армии в России, то же самое они будут делать в Израиле. Писателю невдомек, что в Израиле по благу не уклоняются от армии, а устраиваются в боевые части».

Начиная с этого «плюс», с писателем происходит метаморфоза, и он, уже от себя, сообщает: в России евреи уклоняются от службы в армии, поэтому есть основания предполагать, что и в Израиле они поступают так же, тогда как в Израиле дела обстоят по-иному. Так патриот Израиля озвучивает навязчивую антисемитскую клевету, самой короткой формулой которой было и есть «евреи не воевали».

Увлеченный пропагандой единственной незамысловатой оппозиции – «там и тогда / здесь и сейчас», г-н Беленький внятно артикулирует: «Еврей (в России. – Б. Б.) лишен родины – у израильтянина она есть». Видите, как всё просто, если описывать мир по двоичной системе: тут-там, плюс-минус, черное-белое! Неужто так много требуется ума, чтобы понять, что для миллионов евреев диаспоры страна, где они родились и где жили их предки, была их родиной, в культуру которой они были органически вписаны? Не знать этого, не пытаться понять всей сложности и парадоксальности исторических судеб еврейства – невежество. Неужто г-ну Беленькому не известно, сколько еврейских юношей кинулись добровольцами на фронт в 1941-м? А свидетельства о верном выполнении евреями воинского долга перед родиной в царской России оставил не кто иной, как Пуришкевич.

Задержимся на парных оппозициях. «Образ израильтянина формировался как полная противоположность образу галутного еврея. Еврей старый – израильтянин молодой». Этот образ меня не на шутку встревожил: если он служит идеальной целью, то не пора ли траченного жизнью израильтянина, который по достижении пенсионного возраста становится старым евреем, сбрасывать со скалы в пропасть? Мне пришла на ум моя тетушка, Браха Декел: она деятельно готовится к своему столетию в кибуце Глил Ям. Но нет, я знаю, что Браха в порядке, а последующие фразы меня и вовсе успокоили: оказывается, «местные старики выглядят намного достойней. Да и уровень их жизни не сравним с уровнем жизни “русских”». Значит, старый израильтянин всё же существует, и ему есть чем гордиться по сравнению с тоже израильтянином, но «русским», за которым и сохраняется роль старого еврея.

В этом месте своей статьи г-н Беленький переключается в новый публицистический регистр. Если до сих пор в своем неряшливом быстрописании он наговорил изрядное количество глупостей, то под занавес нам приготовлены безнравственные гадости. Вот в его изображении эти русские, гнилое наследие презренного галута: «На улице их сразу видно по затравленному взгляду, сгорбленному силуэту, шаркающей походке... Тащатся они со своими палочками и кулечками по палящему солнцу...»

Вы только подумайте: они смеют тащиться по палящему солнцу с палочками и кулечками! Они, помереть со смеху, приехали сюда с больными ногами и без палочки ходить не могут! А вот вам идиот, который переписывает от руки газетную статью, сидя рядом с копировальным аппаратом!..

Г-н Беленький готов поделиться уморительными картинками со всем читающим миром.

Единственное, что никак не приходит ему в голову: подойди к этому человеку и помоги ему! Покажи, как обращаться с копировальным аппаратом, – старик, видимо, не знает, как это делается, пожилым людям технические хитрости даются с трудом. А после попробуй задуматься: что сделать, чтобы ослабить напряжение, распрямить спину, освободить его от затравленности.

Пусть г-н Беленький, выключив телевизор с КВНом на экране, откроет книгу праотцев наших: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа своего; но люби ближнего твоего, как самого себя» (Ваикро, 19:18). Слышите, Марьян? Мало? Тогда вспомните, как звали сына, посмеявшегося над наготой отца своего.

Α. Αἰὶτὸ ἀεί,

αἰεὶ ἰδὲ ἐνέτιναι ἀααί εὔ; ἰδὲ ὁ αἰτὸ ΝΟΑ

Óááæááí úé æááí úé ðááæòíð!

Я, Шерешевский Лазарь Вениаминович, ветеран Великой Отечественной войны, узник ГУЛАГа, член Союза писателей с 1966 года, поэт и переводчик, автор 12 оригинальных поэтических книг (плюс до полусотни сборников с моими переводами).

Публиковался и на страницах «Лехаима».

5 января 2006 года справил свое 80-летие.

По случаю этого грустного (и счастливого) события сам на себя написал эпиграмму:

Áááí úí -áááí í æéáó í à ñáòá ÿ,

À áñ æ áððéñáÿ í á:àòí

Ì íá áññú éááñÿòèéáòéá

Í á ííææáèà íòí á:àòí

Õíòÿ è íá áúéè íáÿí ú

Ì íè è í úñè, è ááèá -

Í í á þáèèáéí úé ñáá «Éááèí à»

Î îÿ îãñî îá îá ãîøà

Á ðàéîé ááçáñî îîé è îáî ðéçî áî îîé

Î á: ãéüî îé ó: ãñò è ññî áé

Î ðò ãéîññî î ááçáñî ðò ðî î îáéçî áî îîé:

«Áç îð óî ááé! Áç îð óî ááé!»

Напоследок, если позволите, еще одна маленькая эпиграмма, навеянная окружающей действительностью:

ÑÎ Î ÐÛ Î ËÑÁ Î Î ÎÁÈÈ

Ááçáñî áé ðéçî ñéÿ î ðéðî î î,

È áúé áññé ðò ðáñò áé î áéé:

Á î ðéññî è ð á î ðéññî è ðà

Á î ðéññî è ð î î î áîçáñé

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

11.ІІІ; **200**

ХАИМ-ЙОСЕФ-ДАВИД АЗУЛАЙ:

ВЕЛИКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БЛАГОСЛОВЕННОГО РОДА

В 1980-х годах о Рогачеве рассказывал р. Авром Миллер, один из последних, чудом уцелевших при советской власти талмидей хахомим.

– Когда я учился в ешиве, – вспоминал реб Авром, – и был еще довольно юн, то вместе с товарищами любовался, как учится Рогачев. На огромном столе, из тех, что стоят в пиршественных залах старинных замков, по периметру было разложено двадцать или тридцать книг, а Рогачев ходил кругами вокруг стола и читал все одновременно.

После ешивы Розин обучался в Шклове, у хасидского учителя Иеуды-Лейба из Копыси, представителя семьи Шнеерсонов, и присоединился к движению Хабад. После восьмилетнего пребывания в Варшаве, где он изучал также и светские науки, Розин в 1889 году был избран духовным раввином хасидской общины Двинска.

Однажды знаменитый поэт Хаим-Нахман Бялик долго беседовал с Эйнштейном, а вскоре после этого встретился с Рогачевом. У поэта появилась возможность оценить достоинства обоих гениальных людей.

– Из маленького кусочка головы рабби, – воскликнул Бялик, – можно сделать десять Эйнштейнов!

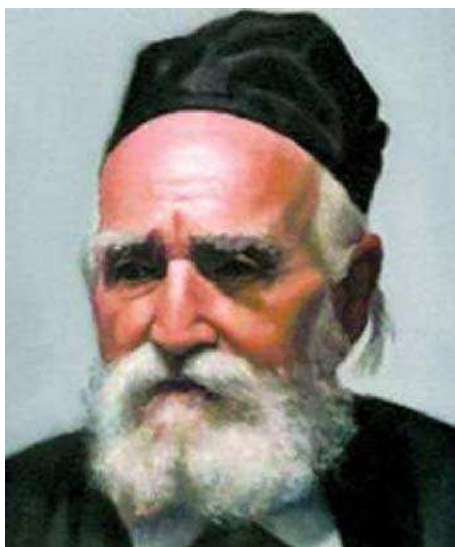
Рогачев знал весь Талмуд наизусть и беспрестанно повторял его, даже когда ехал в поезде или шел по улице. Он ни на минуту не мог прекратить изучение Торы, поэтому стригся раз или два в году, жалея попусту тратить время на стрижку. Очевидцы рассказывали, будто он писал одновременно правой и левой руками два разных письма, не отрывая глаз от раскрытого тома Талмуда.

В 1914 году Рогачев оказался в зоне боев первой мировой войны и уехал в Петроград; десять лет он был там хасидским раввином, а в 1924 году вернулся в Даугавпилс и вновь стал главой общины.

При жизни он опубликовал пять томов своих комментариев к «Мишне Тора» Рамбама и два тома респонсов. Четыре последующих тома респонсов подготовлены к печати его учениками и вышли в 1935–1938 годах. Умер Рогачев 11 адара в 5696 (1936) году (в 2006 году это 11 марта) и похоронен в Даугавпилсе. Его книги, поражающие нестандартным мышлением автора и его невероятной эрудицией, вошли в сокровищницу еврейской Библиотеки как образец оригинального решения сложнейших талмудических проблем.

Bêta Oiaôâđ

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)
ІЗ.ІІІ; 20; Реб Мойше: Солнце Америки

«Садится солнце, и восходит солнце», – написал царь Шломо в книге «Козлес». И объяснили наши мудрецы, что речь идет о присутствии в мире праведника, называемого солнцем. Когда умирает большой человек, заканчивается эпоха. Для американских евреев смерть рабби Мойше Файнштейна означала конец периода в жизни общины, осененной присутствием великого мудреца.

Он родился в 1895 году в небольшом местечке Узда рядом с Минском в семье, принадлежащей к духовной аристократии. Отец, раввин Довид Файнштейн, был прямым потомком брата Виленского гаона. Мать Фейга вела родословную от святого Ишай Горовица (Шело), автора знаменитой книги «Шней лухойс

а-брис». Появившись на свет в день рождения Моше-рабейну, он был назван в его честь и, подобно своему тезке, стал одним из пастырей еврейского народа.

Его выдающиеся способности проявились в раннем детстве, к десяти годам он уже досконально знал сложнейшие трактаты Талмуда «Бава Кама», «Бава Мециа» и «Бава Басра». В двенадцать, когда Мойше заходил в синагогу, молящиеся вставали, выражая тем самым уважение молодому гению.

– Вы портите моего сына, – возмутился отец, – он вырастет гордецом и зазнайкой!

Но этого не случилось, рабби Мойше Файнштейн до конца своей жизни оставался очень скромным человеком.

В двадцать пять лет, еще неженатым юношей, он стал раввином в городке Любань. Спустя несколько месяцев его приехала навестить сестра Хана.

– К тебе тут хорошо относятся, – сказала она, увидев молодого раввина. – Ты уже успел набрать несколько килограмм.

Реб Мойше улыбнулся:

– Моя кухарка подает на обед полные тарелки. Я не хочу ее обидеть и съедаю всё до конца. А она думает, будто я голоден и накладывает мне вторую порцию.

«За обедом, – вспоминала Хана, – я еле заставила себя проглотить маленький кусочек еды. Пища была на удивление невкусной. Как только кухарка вышла из комнаты, я немедленно выбросила весь обед в мусор. Каким же терпением и деликатностью нужно было обладать, чтобы есть эту стряпню несколько месяцев подряд, да еще в двойном количестве!»

Обязанности раввина реб Мойше Файнштейн исполнял и при советской власти. Лавирование между бесчисленными рогатками и капканами, расставленными на пути руководителя еврейской общины, отнимало большую часть времени. По ночам, когда все засыпало, он успевал писать респонсы, трудясь над Учением до самого утра. Однако давление со стороны властей нарастало, большевикам нужны были не знатоки Торы, а специалисты по «Краткому курсу истории партии». В одну из ночей за раввином пришли. Следователь ГПУ почти сутки опутывал его паутиной каверзных вопросов. Цель допроса была ясна: раскрытие шпионской группы, действующей под прикрытием синагоги. Однако реб Мойше Файнштейн так ловко обошел все расставленные ловушки, с таким хладнокровием отвечал на поставленные вопросы, что пораженный следователь развел руками.

– Я только хотел поближе познакомиться с иудаизмом, – извиняющимся тоном произнес он, выписывая пропуск.

Узнав о допросе, которому подвергся реб Мойше, американские евреи начали осаждать просьбами конгрессменов с целью добиться выезда раввина Файнштейна из Советского Союза. Конгрессмены перенесли давление на советского посла, и в 1936 году, после многочисленных отказов и проволочек, разрешение на эмиграцию было получено. По дороге реб Мойше посетил признанного лидера мирового еврейства, главного раввина города Вильно Хаима-Ойзера Гродзенского. В течение долгих часов они обсуждали спорные вопросы Учения. Оказалось, что Хаим-Ойзер читал респонсы р. Мойше Файнштейна.

– Я тоже высказывался на эту тему, – сказал он гостю, – но ваши рассуждения превосходят мои.

Недолго остановившись в Риге, реб Мойше получил приглашение от руководителей еврейской общины Латвии занять место недавно умершего раввина Двинска – легендарного Рогачевера, но он отказался: его путь лежал в Америку. Там в нем нуждались больше, чем в Двинске.

«Небесная карта, – говаривал Хофец Хаим, – вовсе не похожа на географическую. На ней маленькое местечко может выглядеть куда значительнее огромного города. Всё зависит не от числа заводов и количества жителей, а от уровня знатоков Торы, населяющих это местечко».

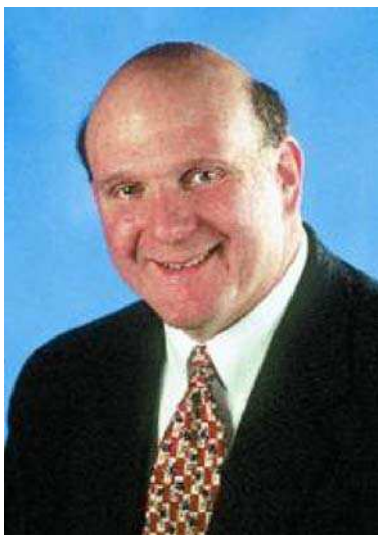
Нью-Йорк конца 30-х годов в «небесном» смысле существенно уступал крохотной Любани, не говоря уже о Двинске. Приезд реб Мойше Файнштейна вызвал огромный резонанс – ведь, несмотря на железный занавес, молва о гениальном ученом давно пересекла океан. Вскоре после приезда он возглавил ешиву «Тиферес Ерушалаим» и занимал этот пост до самой своей смерти 13 адара в 5746 (1986) году (в 2006 году это 13 марта). Благодаря его усилиям ешива превратилась в мировой центр изучения Торы, куда с благоговением приезжали раввины со всех уголков планеты.

И сегодня, когда в ученых разговорах раввины ссылаются на «реб Мойше», все знают, что речь идет именно о р. Мойше Файнштейне.

– Люди сами разрушают своих детей, – часто повторял рабейну Мойше Файнштейн, – говоря им: «эс из швер цу зайн ид» («трудно быть евреем»). На самом деле быть евреем – это большое счастье и необыкновенная радость.

Beit Olivot

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)
24.Ш; 50; Стив Болмер: Путь к вершине

Á yí áààà 2000 áàà Nòèááí Yíóííè Áíèí àð ñòàè áèááíé èíðííðàòèè Microsoft, çàíyá yòíò ìíñò ìíñèá íáíáèááíííá òòíáà á íòíðàáéò ìííáàòáèy òèðí ù Óèèíyí à Ááíðè Ááèòíà Á óèá á ìðíèèí ááò èíy ííáíá áúáðáèííá áèðáèòíðà ìyáèèííí á ñèèíéá ñòà ñáí ùò áíáòùò èpááé íèáíáòù, áèááíáíí íáíéèèáú ìí àí áðèèáííèèí áèçíáí-áèðíáèíí Forbes. Níñòíyíéá Áíèí áðà íòáíéááàòíy á áááíááòáòù ñ íááíéúèèí ì èèèèáðáíá áíèèáðíá ÷òí ìíçáíèèèí ðáááèòíðàí áèðíáèá íðèíáèòù àí ó íí-áòííá 23-á ì áíòí è ìíòááèòù íá ñòáíáíéò áíòá ÷áí ìðáí ùð-ì èíèñòðà Èòáèèè Nèèúáí Ááèèèííé.

Стив Болмер – живое воплощение «американской мечты», один из самых успешных бизнесменов в своей стране. Человек, который поднялся – пусть не с нижней ступеньки, – но на самую вершину денежного Олимпа Америки.

Он родился 24 марта 1956 года и вырос в окрестностях Детройта, штат Мичиган, в семье швейцарского эмигранта Фредерика Болмера и его жены, еврейки Беатрис Дворкин. Семья принадлежала к среднему классу: отец работал в автомобильной компании Форда, мать была домохозяйкой.

Задатки талантливого руководителя стали проявляться в характере Стивена еще в детстве: он прекрасно учился в школе, был менеджером школьной баскетбольной команды, а на выпускном вечере ему оказали большую честь, доверив выступить от имени класса. Стоит ли говорить, что по окончании школы он поступил в Гарвардский колледж, где получил именную стипендию. Именно там Стивен Болмер познакомился с человеком, которому суждено было сыграть главную роль в его карьере: его соседом по комнате в общежитии оказался будущий создатель Windows Билли Гейтс.

Во время учебы в колледже Болмер был занят не только наукой, но и общественной работой: он руководил футбольной командой колледжа, много сотрудничал с университетской ежедневной газетой и студенческим литературным журналом. В 1977 году Болмер получил степень бакалавра математических и экономических наук и покинул колледж. После этого два года он работал в компании Procter & Gamble помощником начальника отдела продаж, а затем поступил в Высшую школу бизнеса при Станфордском университете, чтобы получить диплом специалиста в области делового администрирования. Однако закончить обучение ему не пришлось: через год Болмера пригласил к себе работать его старый товарищ по Гарварду Билл Гейтс, чья компания к тому времени была уже довольно известна на рынке программного обеспечения. Болмер согласился для начала получать пятьдесят тысяч в год – это было всё, что тогда ему могли предложить. Так он сделал свой первый шаг вверх по карьерной лестнице, и так в Microsoft появился двадцать четвертый сотрудник и первый бизнес-менеджер. А когда в 1981 году Microsoft превратилась в корпорацию, Болмеру уже принадлежали восемь процентов ее акций.

За свою двадцатилетнюю карьеру в компании бизнесмен несколько раз менял направления деятельности: он поочередно возглавлял отделы операций, разработки операционных систем, а также продаж и технической поддержки. В 1998 году его выдвинули на пост президента корпорации, а с начала 2000-го на него была возложена ответственность за управление всей компанией, включая реализацию концепции «расширения возможностей человека за счет использования программного обеспечения в любое время, в любом месте и на любом устройстве», разработанной прежним руководством. Гейтс ушел, оставив за собой лишь посты председателя правления и главного архитектора программного обеспечения. С тех пор новый генеральный директор проводит в компании постоянные реорганизации, стремится сгладить противостояние компании и антимонопольного комитета. Под его руководством у Microsoft появились пять новых направлений деятельности.

В компании и за ее пределами Стив Болмер известен своим стремлением развить более тесное сотрудничество с заказчиками и партнерами Microsoft и обеспечить понимание их потребностей. Хотя корпорация предполагает и в дальнейшем предоставлять заказчикам различные важные для них услуги, успех компании зависит от тысяч партнеров, создающих собственные инновационные решения на базе операционных систем, разработанных сотрудниками Microsoft. Стив Болмер понимает, что Microsoft должна стать частью огромного сообщества партнеров, и прикладывает для этого все усилия.

В настоящее время Стивен Болмер – один из старейших работников Microsoft. В 1990 году он женился на Кони Снайдер, одной из сотрудниц компании, и от этого брака родились трое сыновей.

Василий Максимов

странах находятся люди, ставящие под сомнение сам факт существования Холокоста. Один из таких людей – президент Ирана. Он не скрывает своих намерений повторить то, что пытался сделать нацистский режим».

«Русские понимают, что пережил еврейский народ, – сказал депутат Государственной думы Владимир Рыжков. – Ведь в России существовал геноцид по отношению к собственному народу со стороны правительства. Русские гибли миллионами – и не только на фронтах, но и в собственной стране, рядом с евреями, татарами, белорусами, чеченцами. Демографы оценивают потери России в XX веке в 100 миллионов человек! Истинные русские сопереживают евреям. К сожалению, антисемитизм и ксенофобия сегодня процветают в нашей стране. К моему стыду, мои коллеги по Госдуме подписали лживое, разнузданное письмо антисемитского содержания. И мы должны приложить все силы, чтобы антисемитизм никогда больше не стал государственной политикой страны».

В ходе мемориального собрания было зачитано письмо Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. «ООН была создана в ответ на ужасы второй мировой войны, – говорится в письме. – Обратить вспять трагедию Холокоста невозможно, но о ней нужно помнить, пока жива человеческая память».

В концертной программе вечера участвовали хор «Хасидская капелла» и пианистка Полина Осетинская, актриса театра «Эрмитаж» Александра Ислентьева и певица Тамара Гвердцители.

В заключение состоялась церемония награждения победителей IV Международного конкурса работ преподавателей, школьников и студентов «Уроки Холокоста – путь к толерантности», в котором приняли участие свыше 500 работ из 10 государств, в том числе из 41 региона России.

В церемонии награждения участвовали директор Института прав человека Валентин Гефтер, депутат Московской городской думы Иван Новицкий, председатель партии СПС Никита Белых, директор Института толерантности Екатерина Гениева и директор издательства РОССПЭН Андрей Сорокин; руководитель Евро-азиатского еврейского конгресса Михаил Членов; представитель Фонда Шоа Университета Южной Калифорнии в России Феликс Духовный.

А. Ашкенази

ПРОТОКОЛ

16 января встреча с главой Комитета Госдумы по безопасности Владимиром Васильевым. «Сегодня экстремизм и терроризм – это одно и то же», – заявил главный раввин России в ходе состоявшейся беседы. Он отметил, что нельзя бездействовать, в то время как в обществе всё чаще появляются люди, которые видят врага в каждом человеке иной идеологии или вероисповедания. Таких людей, по словам раввина, «нужно остановить как можно скорее». Он подчеркнул, что необходимо проанализировать ситуацию, «чтобы понять, кто эти люди и сколько их».

Опасность экстремизма, по мнению раввина Лазара, стала особенно очевидной в связи с событиями последнего времени. Он выразил недоумение тем, что в Москве в ноябре 2005 года был разрешен так называемый «марш правых». Сегодня, по словам раввина, нужно более внимательно отнестись к информации, распространяемой через Интернет, а также проанализировать ситуацию с разного рода собраниями, на которых звучат экстремистские призывы.

Раввин Лазар заметил, что в России есть законы, которые предусматривают возможность привлечения к уголовной ответственности за экстремистские действия, однако эти законы нужно соответствующим образом использовать.

В заключение главный раввин России поблагодарил российских депутатов, единодушно осудивших бандитское вторжение в московскую синагогу, и подчеркнул, что «важно понять, как действовать дальше, чтобы впредь не допускать подобных инцидентов».

20 января встреча с генеральным прокурором РФ Владимиром Устиновым. Стороны обсудили вопросы борьбы с ксенофобией в стране.

«Одними наказаниями и запретительными мерами побороть экстремизм невозможно, – сказал на встрече раввин Лазар. – Необходима профилактика, главными формами которой является воспитание духовности, распространение общечеловеческих ценностей, в том числе через религию». Он подчеркнул, что духовные лидеры иудаизма и Федерация еврейских общин России, со своей стороны, «будут делать всё возможное для этого».

Владимир Устинов согласился с мнением раввина Лазара и заверил его в том, что прокуратура усилит борьбу с распространением экстремистской литературы.

Генпрокурор заверил раввина Лазара, что в связи с инцидентом в московской синагоге будет проведено самое тщательное расследование: будут изучены все возможные причины преступления, включая пропаганду антисемитской литературы.

В тот же день встреча с министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым.

Министерство иностранных дел «не может решить все проблемы, связанные с ксенофобией и национальной нетерпимостью, – сказал министр. – Эти проблемы гораздо глубже. Правоохранительные органы также не могут справиться в одиночку с ситуацией». Подтверждением этого, по мнению министра, стал инцидент в московской синагоге. В то же время МИД России стремится наладить международный диалог: «как можно сообща, в добавление к мерам, которые принимаются на национальном уровне, бороться с этими явлениями». Кровавая драма в московской синагоге, нападения националистов на иностранцев в Воронеже или «ситуация, когда в тех же США в школу врывается ученик и начинает расстреливать своих учителей и сверстников», – всё это, по мнению Сергея Лаврова, говорит о необходимости существенного повышения внимания правительств, конфессий, обществ к борьбе с экстремизмом.

«Рассчитываем, что наше сотрудничество будет взаимовыгодным, в том числе в продвижении к согласию в обществе, – сказал Сергей Лавров. – МИД готов к сотрудничеству».

Главный раввин России выразил министру тревогу и беспокойство по поводу нападения на синагогу в Москве. Он отметил, что, к сожалению, события, подобные этому, «носят в России не одноразовый характер».

Раввин Лазар отметил, что «все страны мира должны понимать угрозу, исходящую от действий экстремистов».

27 января участие в мемориальном собрании в честь Международного дня памяти жертв Холокоста.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ (*י. איתן*)

אני באוודא ו אפוא יאצא יעעו ו יא ייוב-עענף או, ווי יעעיעע (י יובאע) י יעאא יא אואעאד. אאאעאד ע ו-אועענף אועא, עידידיא 28 אאאנוא 2005 אאא יאאאעא יעע יאא ו אדיאע-י י אעאעע א אאודא יעאא, ידידיאע עידיאיעא אאאעעאוער א יאעעעיע י אאודא «אעו יעע יעאע» עאעעיעא אאאא אאאא יא יעא אאעו, ע יא ו ייובאא יא אאאאאאאא א-י אאא אעאא יעאא אאאא י א אודא י. י אעא ו יא ייובאא ייובאא יא יעע יא

– Его перевели сюда в начале ноября, – рассказала мать Николая Елена Моложанова, которая уже почти полгода не отходит от его постели. – Восстановлением моего сына занимаются физиотерапевты. Теперь он пошел на поправку. Уже в конце ноября начал ходить. А в начале января стал отвечать на вопросы. Николай сказал мне: «Я понял – ты моя мама»... Иногда еще он отвечает неадекватно, но, как говорят врачи, «он уже с нами». В этом центре люди находятся по восемь месяцев, иногда по году. Но отсюда уже пациентов выписывают домой.

– **Вспоминает ли он Украину, Киев?**

– Он сам пока не говорит, ему нужно задавать вопросы. Он вспоминает людей по фотографиям. Киевский раввин Моше Асман сказал ему, что в общине для него накопилось много работы, его ждут. Коля улыбнулся и пообещал приехать. Это не значит, что он полностью отдаст себе отчет в своих словах. Но клетки его мозга понемногу восстанавливаются. Коля обладал феноменальной памятью и мог легко запомнить наизусть целую страницу из книги... Знаете, лично я считаю, что он не сможет жить в Киеве. Ему необходимо постоянно оставаться под наблюдением. Прежде всего он должен стать самим собой.

– **Помнит ли Николай, что с ним произошло?**

– Я спрашивала его об этом. Он ответил: нет. Я сказала: «Тебя избили в Киеве». Он помолчал, а потом говорит: «Хулиганы». Ведь он сразу же потерял сознание, а восемь человек продолжали избивать его. Они насквозь пробили ему голову. Голова у него была, как у инопланетянина на рисунках, – в форме груши. Он был весь отечный: руки и ноги страшно толстые. Я очень благодарна киевским врачам из больницы скорой помощи, которые грамотно оказали Коле первую помощь и сделали первые операции.

– **Ощущаете ли вы поддержку или внимание со стороны украинского консульства?**

– Украинское представительство держится в стороне, но я, тем не менее, ни на минуту не остаюсь одна. Весь Израиль о нас знает! Мне не приходится ни о чем договариваться. Все вопросы перелета и госпитализации решали руководители киевской еврейской общины. А когда надо было перевести Николая в «Бейт Левинштейн», подключили даже канцелярию премьер-министра, чтобы предоставить гражданство человеку, находящемуся в бессознательном состоянии. В праздничный день чиновник израильского МВД вышел на работу, чтобы оформить Коле гражданство... К нам часто приходят, спрашивают, интересуются. Глава Еврейского агентства Зеев Бельский преподнес ему в подарок ноутбук для общения по Интернету.

ГЛАВНЫЙ РАВВИН РОССИИ БЕРЛ ЛАЗАР:

ЗАЯВЛЕНИЕ

По инициативе главного раввина России будет создан фонд безопасности «Моген Довид», средства которого пойдут на усиление охраны объектов, принадлежащих еврейской общине страны. 16 января раввин Лазар обратился к председателям общин и членам попечительских советов, а также к руководству зарубежных еврейских организаций.

«После кровавых событий в московской синагоге на Большой Бронной 11 января и попытки аналогичного нападения на синагогу в Ростове-на-Дону мы обязаны сделать всё возможное, чтобы уже сейчас обеспечить безопасность евреев, исключить возможность повторения таких инцидентов». В деле обеспечения безопасности должны участвовать «не только власти, но и общество в целом». «Мы обязаны сделать всё, чтобы гарантировать надежную охрану нашим синагогам, школам, другим общинным зданиям».

О перспективах мирного урегулирования на Ближнем Востоке после победы на выборах в Палестинский законодательный совет радикального исламского движения «Хамас» шла речь в интервью главного раввина России агентству «Интерфакс».

Прежде всего он отметил, что «политический процесс отброшен на многие годы вспять». «К сожалению, победа на выборах “Хамас” – не первый успех экстремистов в Ближневосточном регионе за последние годы, – продолжал раввин Лазар. – Год назад в Иране был избран президентом Ахмадинежад, воинствующая риторика которого ничем не отличается от “хамасовской”. В других странах Азии и Северной Африки также прослеживается тенденция к усилению позиций экстремистских сил. Можно много говорить, что за экстремистов голосовали в знак протеста против коррупции руководства “Фатх”, но факт остается фактом: палестинская улица привела к власти группировку, последовательно пропагандирующую террор. “Хамас” официально взял на себя ответственность за несколько сотен терактов против мирного населения. Так что последние события в Палестинской автономии не только и не столько проблема Израиля и Ближнего Востока, сколько проблема всего мирового сообщества, проблема глобального противостояния терроризму».

На вопрос о возможности диалога с правительством, сформированным из членов этой партии, главный раввин России ответил: «Нет никакого смысла вести переговоры с тем, кто не хочет, чтобы ты существовал. Более того, если сейчас европейские политики начнут настаивать на продолжении переговоров с “Хамас”, завтра раздадутся требования начать переговоры с басаевцами, послезавтра – с “Аль-Каидой”. В этой ситуации весь цивилизованный мир окажется под угрозой. Сейчас Россия, США и ЕС четко сформулировали условия легитимации “Хамас”: это отказ от насилия и террора, роспуск военизированных формирований, признание Израиля. Если эти три условия будут выполнены – причем не на словах, а на деле – ситуация станет совершенно иной. Но пока “Хамас” остается “Хамасом”, любые переговоры с ним – хорошо известная нам из истории “политика Мюнхена”, приведшая к мировой войне».

Об инициативе «Хамаса» по введению шариатского законодательства в Палестине раввин Лазар заметил следующее: «Казалось бы, это внутреннее дело палестинского народа. Но для “Хамас”, как и для других ближневосточных террористов, лозунг о введении шариата – прежде всего объявление войны тем ценностям, на которых все мы воспитаны. Причем объявление войны не только на той территории, которую контролируют террористы, но по всему миру. Не забывайте, конечная цель “Хамас” – установление всемирного халифата». Однако раввин также сказал, что шансы избежать глобального вооруженного конфликта на Ближнем Востоке всё-таки существуют: «Огромная ответственность лежит на Израиле. Если Израиль будет жестко и бескомпромиссно реагировать на любые террористические провокации – “большой войны” не будет. До сих пор именно эта тактика срабатывала: жесткий ответ террору приводит к уменьшению террористической угрозы. Если же Израиль попытается “договариваться” с террористами, последствия для всего мирового сообщества будут катастрофическими. В Талмуде сказано: “Милосердный к жестокому – жесток к милосердному”. Большая ответственность лежит и на странах Запада. Я очень надеюсь, что они не отойдут от позиции, исключающей какое-либо сотрудничество с “Хамас”, – в том числе финансовую помощь, – пока эта организация не выполнит три условия, о которых шла речь».

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)
ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВЫБОР

25 декабря минувшего года в ГЦКЗ «Россия» были вручены премии Федерации еврейских общин России «Человек года – 5765».

На вопросы корреспондента АЕН отвечает лауреат премии в номинации «журналистика» Леонид Радзиховский.

– Каковы ваши ощущения после того, как вы узнали, что стали лауреатом престижной премии?

– Не могу сказать, что затрепетал от волнения. Я знал, что мне ее дадут, это было очевидно. Не играя в фальшивую скромность, могу сказать, что мои материалы в газете «Еврейское слово», в которой я работаю уже несколько лет, пользуются вниманием читателя.

– Когда вам предложили работать в «Еврейском слове», у вас были сомнения?

– Никто мне не предлагал там работать, я сам пришел в газету. Случайно прочел пару номеров; написал одну статью, другую. Нет, у меня не было никаких сомнений. Конечно, эта газета не из самых популярных, но вполне приличная. Я именно возможность писать без цензуры то, что хочу.

– Вы пишете почти в каждый номер. При вашей занятости это довольно трудно?

– Я профессионал.

– Как вы полагаете, можно ли говорить о существовании еврейской журналистики в России?

– Скорее возникает вопрос, можно ли говорить о существовании нееврейской журналистики... В России очень многие журналисты евреи, наполовину евреи или с какими-то долями еврейской крови. Поэтому, если считать еврейской ту журналистику, которой занимаются этнические евреи, можно смело сказать, что она доминирует. Если же говорить о журналистике, в основе которой лежит «еврейский вопрос», то она, конечно, очень маленькая, бледненькая. И это понятно: ведь еврейский вопрос в России не обострен и не является первоочередной политической проблемой.

– А антисемитизм в России является первоочередной политической проблемой?

– Антисемитизм – это очень общее понятие. Бытовой антисемитизм существует очень давно и, пожалуй, переживет евреев в России. С моей точки зрения, российские евреи недолго останутся здесь более или менее значимой этнической общностью. Среди молодых людей «чистых» евреев я почти не встречал. Одно-два поколения, и евреи окончательно растворятся. А бытовой антисемитизм останется. Впрочем, политической проблемы он не представляет уже сегодня.

Государственного антисемитизма в России нет по крайней мере с 1989 года. Нет, пожалуй, и партий, которые делают себе имя на антисемитизме. Некоторые партии, правда, склонны время от времени разыгрывать эту карту, но она для них не является козырной, даже для партии «Родина». Поэтому в данный момент антисемитизма как политической проблемы в России нет.

Другой дело, евреи – особый народ. И положение, которое они занимают в обществе, – особое. Ненависть к евреям, антисемитизм – часть общей политической ситуации. Как только начнется острая конфронтация с Западом, усилятся антиамериканские настроения в обществе, государство станет закрытым, подверженным милитаристскому психозу, превратится в авторитарное – вот тогда, несомненно, евреев снова сделают козлами отпущения, начнется государственная антисемитская пропаганда. И наоборот. Пока у России более или менее нормальные отношения с Западом, хотя бы частично востребованы либеральные ценности – антисемитизм не может быть государственной политикой.

– Дело только в этом? С чем еще, по вашему мнению, связана возможность возрождения антисемитизма в обществе?

– Антисемитизм далеко не в первую очередь связан с присутствием евреев и их поведением. Тот факт, что, как казалось публике, большинство олигархов были евреями (что, кстати, никогда не было правдой!), безусловно подогревал определенные настроения. Такие люди, как Березовский, Гусинский, Ходорковский своей политической активностью вызывали острую реакцию в обществе. Теперь этого нет. Олигархов-евреев в России почти не осталось. Остались те, кто имеет русские фамилии. Но и прежде «олигарх-еврей» и «олигарх-нееврей» различались лишь звучанием имен, поскольку никакой разницы в их бизнесе и поведении не было. В России антисемитизм – это символ. Символ антизападной, милитаристской политики властей.

– Вернемся к премии «Человек года», которую вам вручал руководитель Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин. Он сказал, что ваши статьи – это «разумный, взвешенный еврейский стиль»...

– Я, как журналист, давно вышел из возраста оголтелых оценок. Я уже немолодой человек, стараюсь никого не пугать, да и меня запугать трудно. Наверное, это и есть «взвешенный еврейский стиль». Хотя «еврейский стиль» может быть и крикливым, и оголтелым. Я не вкладываю в эти слова осуждения, это просто особенности стиля. Наиболее «крикливые» и «оголтелые» журналисты – тоже, кстати, евреи. Вспомните Минкина, Леонтьева или Белковского. Причем их «оголтелость» имеет различный политический окрас. Я, как мне кажется, представляю другой стиль в журналистике. Хотя, возможно, существуют некие особенности национального менталитета, которые проявляются и у них, и у меня. Но это трудно уловить...

– Что вы хотели бы сказать напоследок?

– Я благодарен всем тем, кто принял решение вручить премию мне, и лично Боруху Горину. Мне было приятно получить статуэтку скрипача – очень красивая вещь. Я с большой завистью рассматривал ее в прежние годы, когда премию давали другим. Мне не терпелось получить такую же. А тот факт, что, с моей точки зрения, присудить мне премию было естественным выбором, ни в коей мере не уменьшает моей благодарности, ибо зачастую естественный выбор так и не делают – наоборот, делают выбор неестественный.

А. Ашкенази

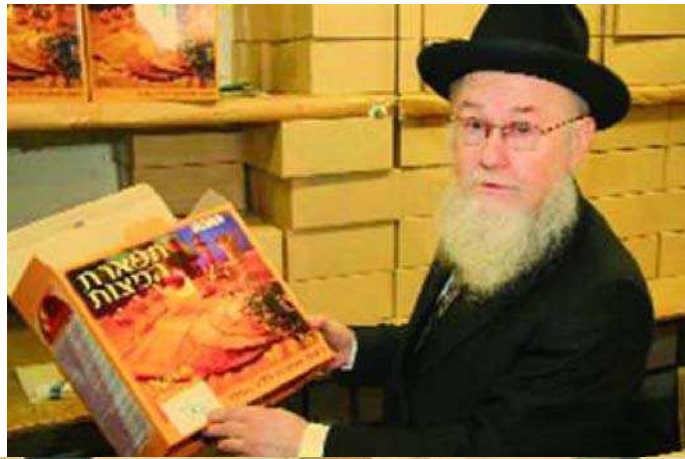
Высокопоставленные чиновники заверили руководителей общины в том, что компетентные органы примут дополнительные меры против любых проявлений национализма и антисемитизма в регионе.

Главный прокурор Калининградской области рассказал о следствии и передаче в суд материалов по делу г-на Левченко по статье «разжигание межнациональной розни». Был также рассмотрен вопрос о создании независимой комиссии экспертов по определению списка экстремистской и антисемитской литературы для изъятия этих книг из торговли.

Ė. Džėià

19 января полномочный представитель президента России в Северо-Западном федеральном округе Илья Клебанов встретился с главным раввином Петербурга Менахемом-Мендлом Певзнером и председателем еврейской религиозной общины Марком Грубаргом. Встреча была посвящена вопросам борьбы с расовой ненавистью и ксенофобией, а также обеспечению безопасности объектов, которые могут быть подвергнуты нападению экстремистов. Полпред сообщил, что культовые сооружения основных конфессий, представленных в Петербурге, будут взяты под охрану правоохранительными органами. Однако, как отметил полпред, не стоит терять бдительность. Он призвал руководство еврейской общины обеспечить надлежащую безопасность и контроль на территории синагоги.

Ĭ Ĭ ĩ àòàðèàèà ĩ ðàĭĭ ĩĩòèàú ĩàðàòàðĭĭĕ ààĭĕĭĕĭĕ ĩàĭĕĭĭ

Раввин Каминецкий поблагодарил главного раввина Украины за высокую оценку деятельности днепропетровцев и отметил, что ни он, ни его коллеги не собираются останавливаться на достигнутых результатах: «Я рад, что все евреи Днепропетровска знают, где находится синагога, но я не могу считать, что мы достигли больших успехов, когда так много евреев еще ни разу не пришли в свой дом, в свою синагогу. Мы ищем новые, нестандартные пути, чтобы помочь каждому еврею ощутить неразрывную связь со своим народом, чтобы он понял, как необходимо его душе восстановить утраченное единство».

В рамках программы визита состоялась встреча главного раввина Украины с учениками днепропетровской ешивы «Нахлас Леви». Ее руководители рассказали о системе подготовки сойферов для еврейских общин Украины, а также об отделении для женатых студентов.

А. Асінська

Сопредседатель фонда «Холокост», кандидат исторических наук Илья Альтман выразил мнение, что информация, содержащаяся в учебнике, важна не только для самих евреев, но и для тех, кто стремится что-либо узнать о еврейской жизни.

Профессор РГГУ Владимир Петрухин превратил свое выступление в краткую лекцию, посвященную малоизвестным фактам истории евреев. «Мне часто приходится полемизировать с моими коллегами, не желающими признавать, что история еврейского народа в России насчитывает тысячелетия и не сводится к черте оседлости и кошмарам второй мировой войны, – сказал он. – Чтобы пробить в вузах курс истории евреев Восточной Европы, приходится тратить немало усилий. Теперь, с появлением этого учебника, нам будет гораздо легче убедить всех, что история российских евреев начинается не со штурма Зимнего дворца».

А. Баскакова

Республиканская клиническая больница Нальчика получила в дар от еврейских организаций новое медицинское оборудование.

Напомним: утром 13 октября 2005 года несколько групп боевиков совершили вооруженное нападение на 18 объектов силовых структур в столице Кабардино-Балкарии, вели беспорядочную стрельбу по прохожим, машинам, домам. В результате погибли 35 сотрудников правоохранительных органов и 10 мирных жителей, более 100 человек были ранены. Огромная нагрузка в эти трагические дни легла на врачей республиканской клинической больницы.

Раввин Леви Шабаев и председатель местной еврейской общины Герсил Рубинов обратились в Федерацию еврейских общин России с просьбой оказать помощь пострадавшим от боевых действий в Нальчике. Было принято решение выделить средства больницам республики. ФЕОР перечислила 100 тыс. рублей, и республиканская клиническая больница под руководством главного врача Аскера Жигунова приобрела цистоуретороскоп и электрокардиограф для терапевтического отделения.

«Эти приборы нам необходимы каждый день, – сказал доктор Жигунов. – Но где взять деньги на дорогостоящее современное медицинское оборудование? Помощь от еврейских организаций пришла вовремя, огромное спасибо. Однако пусть такая помощь приходит и в мирное время».

Раввин Леви Шабаев выразил искреннюю благодарность врачам республиканской клинической больницы за мужество и самоотверженность в те трагические дни.

Благотворительная акция Федерации еврейских общин России широко освещалась республиканскими СМИ.

В. Перельгут

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ДЕЛО КОПЦЕВА ПЕРЕДАНО В СУД

Вечером 11 января двадцатилетний москвич Александр Копцев ворвался с ножом в здание синагоги на Большой Бронной. Прежде чем его удалось задержать, «борец с жидомасонским заговором» ранил восемь человек, пришедших на молитву. Все пострадавшие были госпитализированы.

На допросе в присутствии адвоката Александр Копцев заявил о «нетерпимости к лицам еврейской национальности и о том, что совершил преступление из зависти к ним, поскольку они живут лучше...». Действия были совершены «под влиянием соответствующих книг и сайтов в Интернете <...> Решение о нападении на евреев в синагоге принял 11 января, пошел его исполнять – ничего поделать с собой не мог и себя не контролировал».

Обвиняемый также заявил, что сожалеет о пострадавших и не желает их смерти. «Одним из основных факторов происшедшего было мое желание умереть», – цитируются слова Копцева в сообщении пресс-службы столичной прокуратуры.

Специалисты Института судебной психиатрии имени Сербского подготовили заключение о психическом состоянии Александра Копцева.

Согласно документу, Копцев признан вменяемым. В заключении медики отметили у обвиняемого психосоматические расстройства, но, по мнению врачей, эти отклонения не могли подвигнуть его на подобное преступление. Кроме того, проведена психолингвистическая экспертиза литературы, найденной дома у Копцева. Большинство книг признаны антисемитскими. Среди прочих специалисты особо отметили произведение «Удар русских богов» академика некой «Арийско-русско-славянской академии» Владимира Истархова.

В этой книге утверждается о существовании «жидомасонской мафии, стремящейся к мировому господству». По словам автора книги, единственный способ не допустить этого – подготовить «восстание русских и уничтожение евреев». Эксперты сошлись во мнении, что именно эта книга «запала в душу» Копцева и «предопределила его поступок».

Адвокат Копцева Владимир Кирсанов заявил, что не удивлен результатами экспертизы. «Я был уверен в том, что подзащитный окажется вменяемым», – сказал он журналистам.

2 февраля прокуратура Москвы направила в суд уголовное дело о нападении на прихожан синагоги на Большой Бронной 11 января 2006 года.

Как заявил прокурор города Анатолий Зуев, следствие по делу в отношении Александра Копцева завершено. «Расследование проводилось одновременно по двум направлениям: исследовались не только фактические обстоятельства преступления, но и тщательно выявлялись причины и условия, которые способствовали его совершению, то есть почему молодой двадцатилетний человек совершил столь опасное преступление. Следственно-оперативной группой, в которую входили следователи прокуратуры, а также сотрудники МУРа и ФСБ, проведен значительный объем следственной и оперативно-розыскной работы. В результате уже на начальной стадии расследования был установлен круг общения Копцева, допрошены родители и родственники, одноклассники и знакомые, школьные учителя и преподаватели колледжа, где он ранее учился, то есть получена исчерпывающая информация о личности, интересах и занятиях обвиняемого».

При этом руководитель правоохранительного столичного ведомства отметил, что «ничего аномального, сверхъестественного, как говорится, “из ряда вон”, не выявлено». Следствием установлено: Копцев «рос и воспитывался в нормальной, достаточно обеспеченной семье, имеет трудоспособных работающих родителей. Спиртное и наркотики не употреблял, на учете в психиатрических и наркологических лечебницах не состоял. Да и претензий к поведению Копцева у органов внутренних дел не было».

Не выявлена его принадлежность к праворадикальным националистическим группировкам или экстремистским неформальным молодежным организациям.

«Материалы следствия, в том числе обнаруженные у обвиняемого издания экстремистского толка, поиск им в Интернете материалов, направленных на разжигание межнациональной розни, а также другие доказательства дают основание бесспорно утверждать, что преступления Копцевым совершены по мотивам религиозной и национальной вражды и ненависти. Этот вывод подтверждается психолингвистической экспертизой».

Анатолий Зуев отметил, что, «согласно заключению амбулаторной судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы, у Копцева имеется шизотипическое расстройство, однако в период совершения им преступления он был вменяем и подлежит привлечению к уголовной ответственности».

Прокурором города Москвы подписано обвинительное заключение, согласно которому Копцев обвиняется в совершении покушения на убийство двух и более лиц по мотивам национальной, религиозной ненависти и вражды, то есть по части 3 статьи 30, а также пунктам «а» и «л» части 2 статьи 105 УК РФ. Совершение этого преступления наказывается лишением свободы на срок от 8 до 20 лет либо пожизненным лишением свободы. Он также обвиняется в совершении действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды, унижение человеческого достоинства, совершенное с применением насилия, то есть по пункту «а» части 2 статьи 282 УК РФ. За это преступление предусмотрено наказание от штрафа до лишения свободы на срок до 5 лет.

Кроме того, как сообщил Анатолий Зуев, материалы по факту распространения в Интернете изданий, которые содержат призывы, направленные на возбуждение в обществе ненависти и религиозной вражды, выделены в отдельное производство. Прокуратурой Москвы совместно с УФСБ и ГУВД Москвы приняты дополнительные меры по пресечению распространения подобной литературы, в том числе продажи на улицах и с прилавков магазинов. Он подчеркнул, что всем компетентным органам

прежде всего необходимо исполнять требования действующего законодательства, в том числе закона РФ «О средствах массовой информации», а также федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

В заключение Анатолий Зуев отметил: прокуратура «и впредь будет адекватно реагировать на подобные преступления и квалифицировать действия виновных с учетом содеянного, как к тому обязывает закон». Но самое главное, по мнению прокурора, «это активные превентивные, предупредительные действия, то есть создание в обществе такой обстановки, чтобы каждый из нас не был равнодушен к подобным негативным проявлениям».

По материалам информагентств и интернет-порталов

В соответствии с решением, принятым во время встречи главного раввина России Берла Лазара с начальником ГУВД Москвы генералом Прониным, Федерация еврейских общин России и ГУВД Москвы создали совместную рабочую группу по взаимодействию в борьбе с антисемитизмом.

Первые консультации представителей рабочей группы прошли 17 января. Был определен круг вопросов, которые будут входить в компетенцию группы, среди них усиление охраны объектов еврейской общины, полный перечень которых планируется составить в ближайшее время.

Участники рабочей группы предполагают проводить регулярные встречи, в ходе которых ФЕОР будет предоставлять ГУВД информацию о фактах проявлений антисемитизма.

Еще одно направление деятельности рабочей группы – пресечение деятельности экстремистских организаций и пропагандируемых ими националистических идей.

АЕН

МАЗЛ ТОВ!

Поздравляем дорогого **Леонида Семеновича Резникова** с днем рождения. Желаем крепкого здоровья, счастья и удачи. Оставайся таким же жизнерадостным, оптимистичным, готовым всегда прийти на помощь.
Коллеги

С любовью и от всего сердца рады мы поздравить **Юрия Михайловича Зюзина**, активного члена Ростовской общины, с юбилеем. Да будет угодно Всевышнему наполнить его жизнь миром и весельем, жизнерадостностью, бодростью, крепостью здоровья и счастьем до 120 лет. Да исполнятся в нем все благословения, сказанные в Святой Торе.
От любящего сына Мойше-Михоэла из Иерусалима, от сестры Валентины из Нью-Йорка, от друзей и знакомых

ЛЕХАИМ МАРТ 2006 АДАР 5766 – 3 (167)

ПРОГУЛКА ПО БЕЛОМУ ГОРОДУ

Тира, Офиусса, Алба Юлия, Левкополь, Аспрокастро, Четатя-Албэ, Аккерман... Город, носивший около 20 имен, имевший свое войско, чеканивший свою монету, введший в 57 году н. э. собственное летоисчисление... Город, которому больше 2500 лет и который, по данным ЮНЕСКО, входит в число десяти древнейших городов мира, сохранивших непрерывное существование. Этот ровесник Афин и Рима стоит на берегу Днестровского лимана, неподалеку от совсем юной (всего-то 200 лет!) Одессы, и с 1944 года носит новое имя – Белгород-Днестровский.

Тогда боялись мы султана;

А правил Буджаком паша

С высоких башен Аккермана...

А. С. Пушкин, «Цыганы»

Знаменитую Аккерманскую крепость, сохранившуюся (в отличие от Измаильской) по сей день, воздвигли в период с XII до середины XV века. Начинали ее строить генуэзцы, продолжили турки, но тот вид, который она имеет сегодня, она приобрела с конца XIV до середины XV века, в период владычества молдавских господарей.

Город видел множество завоевателей – от греков и гуннов до татаро-монголов и турок. Был под властью Рима, входил в состав Киевской Руси, хозяевами его были венецианцы, генуэзцы, венгры, поляки, молдаване. С 1484 года – в течение 300 лет – он находился «под турками», затем вошел в состав Российской

империи, с 1918 по 1940 год был частью Румынии, в 1944 году – присоединен к Советской Украине.

Эти камни помнят Геродота, хана Ногая и султана Баязида; бывали здесь князья Кий, Игорь, Олег, Святослав. В 1789 году ключи от города принимал Михаил Кутузов, тогда еще майор; посещали эти

места и двое ссыльных – Овидий Назон и Александр Пушкин, побывали здесь Максим Горький, Леся Украинка...

С начала XIX века он, как часть Бессарабии, принадлежал России. Тогда, после очередного передела Польши, Аккерман вошел в черту постоянной еврейской оседлости, однако евреи в древнем городе появились с незапамятных времен.

В советскую эпоху Белгород-Днестровский был чудным городом, в котором работало несколько приличных предприятий, располагались разнообразные учебные заведения и воинские части. Жители его были веселы и радушны, а замечательный климат, близость моря, недорогое бессарабское вино и богатейшая история края, подкрепленная живой иллюстрацией – таинственной громадой крепости, настраивали и на милые житейские радости, и на философские размышления. Но заводы встали, воинские части расформировали, раскопки на территории крепости прекратили. Аккерманцам стало не до веселья и не до созерцания...

Лишь упрямые евреи (те, которые не уехали) вспоминали прошлую, довоенную еврейскую жизнь, пытаясь при этом возродить нынешнюю. Стоя на многометровой толщины крепостной стене, жизнерадостный экскурсовод по имени Марина убежденно доказывала нам, что евреи в этом городе появились в 70-х годах новой эры, вместе с греками. Отец Марины хозяйничал в милом винном погребеке Аккермана, как по-прежнему продолжают называть город его жители, и тему «О древности иудейского народа на берегах Тираса» (древнее название Днестра) мы продолжили в его душевной компании...

Однако главными нашими гидами по Белгороду стали раввин Юга Одесской области Фишл Чичельницкий и председатель местной иудейской общины Владимир Маркович Кричевский. Два «столпа», на которых держится еврейская жизнь этого города. А одним из первых «объектов» нашей экскурсии стало... старое еврейское кладбище.

...Слово «погром» вошло во многие языки мира – это факт, которым «великий и могучий» вряд ли может гордиться. Впрочем, виноват в этом скорее не русский язык, а российская история... Погромы не обошли стороной и солнечную Бессарабию, и Белый город – Аккерман.

Первые еврейские погромы в России произошли в 1821, 1859, 1871 годах в Одессе и уже в 1862 году – в Аккермане. Основными их участниками были местные греки, основной причиной погромов – банальная конкуренция, поводы же для них измышлялись самые разные и удивительно нелепые. 1903-й – год страшного кишиневского погрома... 1905 год вписан в черные страницы истории Ростова-на-Дону, Одессы и Аккермана. Жертвы этого погрома были похоронены на местном еврейском кладбище.

Владимир Кричевский по образованию историк, ему скоро 80 лет, 52 из которых он проработал директором школы, преподавал историю, право... Он показывает могилы погибших во время погрома 1905 года. Установленные на них памятники – в форме спиленного дерева. Здесь же захоронен и оскверненный во время погрома свиток Торы...

«Городу нашему больше 25 веков, а еврейскому кладбищу – порядка 2000 лет, оно одно из древнейших на Украине, – рассказывает Владимир Маркович. – Сохранились очень древние захоронения. Например, здесь похоронен советник турецкого паши».

Кладбище занимает территорию больше 4 гектаров. Многие годы пребывавшее в запущенном состоянии, постепенно оно обретает «цивилизованный вид». Спасибо землякам, живущим в Израиле. Оказывается, там существует общество бывших жителей Аккермана, именно его члены собрали небольшую

Реб Яков окончил «Талмуд-Тору» и «Гарбут», знает иврит, приходит на каждую молитву... Когда впервые спустя много-много лет рав Фишл надел тфилин Якову Кельмановичу, тот плакал: в этой синагоге, на этом самом месте, у него была бар-мицва... Вплоть до недавнего времени реб Яков был старостой старого аккерманского кладбища, по еврейскому обряду хоронил многих, кто сейчас лежит в этой древней земле...

В общении он очень прост, спокоен и доброжелателен. Яков Кельманович производит впечатление человека, который много лет назад понял несколько важных вещей, которые и помогли ему пережить румын, Советы, войну и послевоенное лихолетье. Наверное, произошло это важное событие где-то здесь, в старой синагоге на Еврейской улице. И наверное, об этих вещах он узнал от какой-то очень значимой в его жизни личности: может, от отца, а может, от такого же уважаемого и мудрого, как отец, человека. Именно это знание помогало ему жить так, что никакие страхи и никакие власти не могли замутнить его сознания, его понимания жизни – ее приоритетов и духовных ценностей...

Рассказывает Яков Фрехтер: «В том дворе, где мы сейчас молимся, было три синагоги, две из них снесли. Сохранилась Хоральная синагога – конечно, она уже не такая, как была, здесь был женский балкон, другая планировка. При советской власти сделали пристройки и теперь требуют, чтобы мы отдали им бешеные деньги за эти пристройки, которые никому не нужны!

Когда мне было лет 14–15, я пел в хоре этой синагоги. Я еще помню, как в 1930-х годах мы выезжали с хазаном по селам, на еврейские праздники, – в Сарату, Староказачье и другие. У нас был хор мальчиков, мы были в капюшонах, подпевали хазану... А так мы пели здесь, в Аккермане, в синагоге. Это было при румынах. При советской власти никаких религиозных мероприятий не было.

Здесь я прошел бар-мицву: специально наняли меламеда, который меня готовил, как и что нужно исполнять... Тогда в синагоге собирался полный зал. Несколько синагог было в городе, и в каждой – полно народу...

Синагогу отобрали сразу, когда пришла советская власть, – в 1940 году, в августе месяце, я тогда окончил ремесленную гимназию. Как раз когда нас, как они говорили, “освободили”. А через год началась война. В общем, нас от румын “освободили” и сразу отобрали синагогу! И тогда все стали собираться у нас дома, мы жили на частной квартире. Это продолжалось все годы после войны».

Отец реб Якова был уважаемым в общине человеком, сидел на почетном месте у восточной стены. Когда пришла советская власть, он стал собирать евреев у себя и, по сути, организовал молельный дом.

«В 1975 году он умер, но там жила сестра, и люди продолжали ходить в наш дом и молиться. Это было довольно опасно – могли донести... Миньян был всегда. На той квартире собирались, пока сестра не уехала в Израиль. Она уже умерла, в Израиле похоронена...»

Якова Фрехтера война застала во Львове, где он учился на курсах киномехаников. «Только через два года я случайно встретил своих родителей на Кавказе, в Орджоникидзе – они там работали в колхозе. Потом мы были в Марийской АССР. Там я заработал “Доблестный труд”. В 1947 году вернулся в Аккерман. В военном госпитале проработал киномехаником 20 лет. Потом перешел работать в типографию, где проработал фотоцинографом тоже ровно 20 лет. Травил цинк, портил здоровье... И тут и там стал ветераном. А сейчас я имею одну синагогу, пенсионер».

Яков Кельманович говорит, что в Аккермане было очень много еврейских зданий. Его слова подтверждает и председатель общины Владимир Маркович: до 1940 года еврейской общине принадлежало 11 зданий! Однако у двух уважаемых людей Белгорода – разные взгляды на бывшую еврейскую собственность.

«Я четыре года учился в “Талмуд-Торе” – сейчас там средняя школа № 2. Ну ведь не отберешь у детей школу! – говорит реб Яков. – Затем я учился в еврейской гимназии “Гарбут”, сейчас в этом здании районная больница. Но ведь не будешь больницу закрывать! Здание еврейской больницы Аккермана тоже построено на еврейские деньги. На ее открытие в 1938 году приезжал сам румынский король Карол II. Было очень торжественно, маккабисты с флагами, с оркестром прошли колонной к этой больнице, а после открытия больницы король поехал в Шабо смотреть виноградники. Так вот, сейчас в замечательном здании

Наше знакомство с Белым городом продолжалось, и, конечно, рав Фишл не мог не включить в маршрут экскурсии предмет своей особой гордости – еврейскую школу и детсад «Ор Авнер». Утопающее в цветах и зелени симпатичное здание «стало еврейским» около шести лет назад.

Рассказывает раввин Фишл Чичельницкий: «Мы с женой Леей приехали сюда в декабре 1999 года на Хануку – это был мой первый праздник здесь, как раз третья свечка Хануки. Сразу это стало нашей мечтой – открыть детский сад и школу! Познакомился с мэром города, руководителем горно. Город Белгород-Днестровский традиционно многонациональный, не антисемитски настроенный, поэтому нам дали хорошее здание – бывшего ведомственного сада местного Завода сопротивления. Ему всего 11 лет, очень повезло, что именно оно нам досталось. До лета 2000 года мы решали вопросы с помещением, документами, и всего за полгода открылись. Я считаю, что в этом сыграли роль не мои силы – помогли силы Ребе и Всевышний...»

Здесь есть своя охрана, кухня, дети находятся целый день, учатся, играют, гуляют, спят. Школа и садик являются филиалом одесского негосударственного учебно-воспитательного объединения «Хабад Ор Авнер». Директор школы Владимир Сорокин и учителя в большинстве своем педагоги высшей квалификации, они участвуют во всех семинарах системы школ «Ор Авнер», методических объединениях одесского комплекса «Хабад Ор Авнер».

«У нас очень продуктивная совместная работа с одесской школой, ее директором Яковом Шостаком, – говорит рав Фишл. – Да и город нас поддерживает. В белгород-днестровской крепости проходит ежегодный праздник “Бессарабское подворье” – наши дети там выступают, мы представляем общину, готовим национальные еврейские блюда, бывает очень весело. Наши дети регулярно занимают первые места на всевозможных конкурсах – и городских, и областных. Летом, уже пять лет подряд, мы организуем совместный детский еврейский лагерь с другими общинами Юга Украины».

При школе работает хореографический, вокальный и другие кружки, на каждый праздник – своя программа с призами и подарками. «На все праздники, которые организует община, приход детей обязателен, причем не одних, а с родителями», – продолжает рав Фишл. У ребят 16-ти лет и старше – своя программа, они участвуют в выездных семинарах, праздничных мероприятиях.

При школе также работает воскресный клуб для тех детей, которые не смогли попасть в школу. Аккерман – город многонациональный, здесь очень много смешанных браков, надо к тому же учитывать и «интернациональное» атеистическое воспитание советской поры. Случается, что бабушки и дедушки ходят в синагогу, активно участвуют в жизни общины, а их внуки, по Алохе, уже не могут учиться в этой школе или ходить в садик. Таким бабушкам и дедушкам бывает очень трудно объяснить, почему всю жизнь им в лицо бросали «жидовская морда», а теперь их внуков не принимают в бесплатное еврейское учебное заведение... Для этих детишек и работает воскресный клуб – со своей программой обучения и развлечений, кружками и праздничными мероприятиями. И бабушек, и дедушек привлекают – они вместе с внуками приходят по воскресеньям в школу, занимаются в своих кружках и клубах.

В. Ошадд е шадд О. хе-ауи еоооо.

Занятия женского клуба тоже проводятся в помещении школы «Ор Авнер». Постоянно приходят около 35 женщин – занимаются изучением иврита, традиций, кулинарией, рукоделием...

«Школы и садики “Ор Авнер” в Белгороде и Измаиле открывались одновременно, почти шесть лет назад, – продолжает рассказ раввин. – Здесь всё работает и обеспечивается “от и до”. Дети, учителя, воспитатели, кухня, питание, автобусы – всё это единая система, которая, благодаря поддержке и продуманной политике фонда “Ор Авнер”, функционирует как единый организм».

...В древнем Белгороде бытует масса легенд: об отпечатке ступни Геракла на скале у реки Тирас; о могиле поэта Публия Овидия Назона, чье имя носит город на другой стороне Днестровского лимана, прямо против Аккермана – Овидиополь; о некрополе Тиры, хранящем несметные сокровища; о загадочном толмаче князя Олега, жившем в Белом городе; об острове Тирагетов, на месте которого появился Днестровский лиман...

Neiaaai

Об одном местном обычае рассказали нам другие добровольные экскурсоводы – актеры театра «Бейт лец» Юрий Панченко и Юлия Осадчая. «Раньше была здесь традиция: если человек хотел приехать в город, то он должен был привезти сюда камни, которыми мостили улицы, – на себя и на каждого из членов своей семьи. Этими “импортными” булыжниками и крыли аккерманские мостовые...»

Сейчас, к сожалению, в Белгороде всё происходит с точностью до наоборот: остатки древней крепости растаскивают все кому не лень. Причем, говорят, тащат не только камни, но даже ядра, засевшие в толстых стенах...

Aieueoa

Впрочем, всё меняется. Хочется верить, что трудные времена минут, и в Белый город на Днестре вновь начнут привозить камни – возродить его былое величие.

Раввин Ф. Чичельницкий.

È. Èað'áí èí

ÈÑÒÎ ÐÈ×ÁÑÊÀß ÑÏ ÐÀÁÊÀ

Бессарабия – область между реками Прут и Днестр. На западном берегу Днестровского лимана в VI веке до н. э. выходцы из Милета основали город Тира (от названия реки Тирас – «быстрая»), одну из первых греческих колоний в Северном Причерноморье. Во второй половине IV века до н. э. Тира поддерживала тесные торговые и культурные связи с эллинским миром. Город вынес немало разрушительных набегов. Во II–III веках н. э. здесь наряду с греками и римлянами жили представители многих племен – геты, даки, скифы, сарматы; были здесь и евреи. Рим предоставил местным купцам право беспошлинной торговли, защищал полис от нападений кочевников. Позже город стал важным пунктом на торговом пути «из варяг в греки». К V–VI векам н. э. Причерноморье заселяют славянские племена, он становится одним из южных форпостов Киевской Руси. В XII–XIII веках город входил в состав Галицко-Волынского княжества. Затем на 500 лет край стал местом кочевий Ногайской орды. К концу XIV века город становится крупным торгово-ремесленным центром и портом. Здесь была генуэзская фактория, недолго город находился под властью Великого княжества Литовского, а затем признал главенство молдавских господарей.

Почти столетие Белгород являлся столицей Южной Молдавии. Этот период был отмечен бурным развитием торговли, ремесел, заметным экономическим подъемом. Выдающийся ученый и писатель XV века Юрий Дрогобыч (Котермак), проживавший некоторое время в Белгороде, характеризует его как «довольно крупный ярмарочный центр». Господарь Молдовы Штефан Великий в середине XV – начале XVI века имел деловые и дружеские связи с евреями, жившими в Бессарабии. Один из советников господаря, а также его личный врач были евреями. Кроме того, Штефан Великий не один год боролся за торговый путь через Килию и Белгород, по которому проезжали негоцианты, и был заинтересован в экономических связях с местной еврейской диаспорой.

С конца XV века город в составе Османской империи. В 1770 году после сражения при Кагуле турецкий гарнизон сдался русским войскам, но окончательно в состав Российской империи город вошел, как и вся Бессарабия, в начале XIX века.

Еврейские общины образовались в Южной Бессарабии уже в XVI веке. К концу XVIII века большое количество евреев проживало во всех городах Бессарабии и во многих деревнях. Их численность в 1812 году оценивалась в 20 тыс. человек – в основном евреи-ашкеназы, но были среди них и сефарды. В XVIII–XIX веках евреи в Бессарабии занимались мелкой торговлей и шинкарством.

Бессарабский губернатор князь С. Д. Урусов писал: «В Бессарабии в 1903 году проживало около 250 тыс. евреев, составлявших примерно 11% всего населения губернии». По данным историка А. И. Зашука, в 1858/1859 учебном году из 399 школ, насчитывавшихся в Бессарабии, 129 были еврейскими.

В 1920 году в Бессарабии было 267 тыс. евреев. Как и в других частях Румынии, они испытывали на себе враждебное отношение основного населения и страдали от антиеврейских мероприятий, подозрительности правительства и придирок администрации. Ухудшилось и экономическое положение бессарабского еврейства. Всё это многих евреев побудило эмигрировать.

Разговорным языком большинства евреев Аккерманского и Измаильского уездов оставался идиш; значительным влиянием в этих местах пользовался хасидизм. Несмотря на противодействие румынских властей, культурная и общинная жизнь евреев Бессарабии в 1920–1930-х годах продолжала развиваться. Еврейские детские сады, школы «Тарбут», дома для престарелых, больницы функционировали в Измаиле, Аккермане и других городах. Однако к концу 1922 года политика правительства изменилась, и многие из этих школ были превращены в румынские.

28 июня 1940 года в Бессарабию вступили советские войска. Тогда здесь проживало около 300 тыс. евреев, включая беженцев из других районов Румынии. Еврейские общинные, партийные и общественные учреждения и организации, существовавшие в Бессарабии при румынской власти, были закрыты.

Немецко-румынские войска оккупировали Молдавию в конце июля 1941 года. Многим евреям удалось эвакуироваться. Большая часть Молдавии вошла в состав губернаторства Бессарабия, объявленного составной частью Румынского королевства, меньшая – в состав губернаторства Транснистрия (Заднестровье). В сентябре началась депортация евреев Бессарабии в концентрационные лагеря и гетто Транснистрии. Туда было отправлено около 75 тыс. евреев; тысячи из них были уничтожены по дороге, лишь треть осталась в живых к моменту освобождения.

Члены белгород-днестровской общины очень любят своего раввина, несмотря на то что большинство из них годятся ему в отцы и даже в дедушки. Людям импонируют его коммуникабельность, инициативность, трудолюбие, демократичность. Рав Фишл умеет быть «своим человеком» – может с удовольствием рассказать анекдот, сделать «лехаим».

Еврейский культурный центр.

Одесситы знают, что он всегда заботится о своих новых земляках: привозит в Одессу желающих совершить обряд брис-милы, устраивает в интернат молодых ребят, завершающих здесь среднее образование. Но главное, за что ценят евреи семью Чичельницких, – так это за особую атмосферу в их доме, которая позволяет «вернуться к своим корням», почувствовать вкус настоящей еврейской жизни, которой они так долго были лишены.

Сегодня рав Фишл с женой и четырьмя очаровательными дочками живет в Измаиле. На ПМЖ туда он перебрался в начале учебного (и конце еврейского) года. Тогда рав Фишл поделился с «Лехаимом» своими планами возрождения еврейской жизни в этом городе. Если бы он занимался политикой, его программу можно было бы назвать «предвыборной кампанией». Но, к счастью для жителей Измаила, рав Фишл политикой не занимается, поэтому продуктивность его работы гораздо выше, чем у авторов «100 дней», «500 дней», «1000 и 1 ночи» и прочих многообещающих проектов. Судите сами: всего за несколько месяцев пребывания в Измаиле раввин организовал новую кошерную кухню при синагоге (старая находилась в другом конце города, поэтому еду для школы и детского сада, расположенных там же, возле синагоги, приходилось возить). Несколько раз в неделю в синагоге собирается миньян (и есть надежда, что через месяц-другой он станет постоянным, ежедневным). На Шабос – настоящий Шабос с чтением Торы, рассказом о недельной главе и традиционной трапезой – собирается около 50 человек, – в то время как раньше и миньян был редкостью!

Настоящим событием в городе стали еврейские праздники. На Хануку, например, община собралась в самом большом ресторане Измаила «Кристалл», раввин зажег ханукию, а его жена провела большую викторину для детей. Кроме того, все присутствовавшие могли принять участие в лотерее, так что никто не ушел домой без подарка.

При синагоге работает детский клуб, где ребята изучают иврит, традицию, танцуют, делают оригинальные поделки на темы еврейских праздников, занимаются спортом. Клуб дает возможность ученикам еврейской школы даже в выходные дни не прерывать связь с «идишкайт», а тем, кто только собирается учениками стать, – сделать это как можно скорее и охотнее. Данные о потенциальных учениках школы раввин получает по результатам анкетирования: пожилые члены общины, приходящие в синагогу за гуманитарной помощью, сообщают информацию о своих еврейских детях, внуках и правнуках. Этот способ апробирован и в белгород-днестровской общине, где он дал ошутимый результат.

Привлечение всех еврейских детей в «стройные ряды» общины – очень важная сегодня задача. Рав Фишл уделяет много времени беседам с родителями, и большинство из них уже выразили согласие отдать своих детей именно в еврейскую школу. Людям импонирует «интерактивность» раввина, постоянно поддерживающего «обратную связь» и выясняющего, что еще хотели бы уважаемые родители увидеть в школе, чему еще научить малышей, как развлечь.

Именно внимание и забота, а не «дармовые» кормежка и развоз по домам (как это, к сожалению, часто бывает), играют решающую роль в их выборе. Ведь как бы ни были заняты современные родители, как бы больно ни «били» по семейному бюджету расходы на питание и транспорт, главная цель взрослых – обеспечить своим малышам качественное образование. И, как это ни банально звучит после стольких лет строительства коммунизма, – счастливое детство.

Оправдать их надежды изо всех сил стараются раввин Чичельницкий и коллектив школы. Поэтому в следующем учебном году ожидается такой «наплыв» новых учеников, что нынешнее школьное помещение вряд ли сможет вместить всех желающих. Община добивается увеличения школьной площади, и мэр Измаила С. Борисенко пообещал раввину поддержку в этом и других начинаниях.

Предметом заботы рава Фишла продолжает оставаться и белгород-днестровская община. Каждую неделю он навещает своих «бывших» земляков, время от времени проводит шабосы (постоянно это делают студенты одесской ешивы, направляемые сюда на практику), организует праздничные мероприятия, аналогичные измаильским. Также рав Фишл обеспечивает связь с «еврейским миром» представителей общин Арциза, Татарбунар, Сараты, Килии, Рени, Болграда – населенных пунктов, входящих в «подведомственный» ему юг Одесской области. Раввин Авроом Вольф при помощи Фишла Чичельницкого снабжает этих людей еврейскими календарями, подпиской на еврейские «масс-медиа» и даже оплачивает им дорогу в Белгород-Днестровский или Измаил на время праздников...

Действительно, Хабад есть везде, где есть Соса Сола. И даже там, где ее нет. Но раввин Фишл Чичельницкий, вопреки поговорке, старается сделать еврейскую жизнь непохожей на этот темный, пресный и не самый полезный напиток.

Дай Б-г ему успехов в этом благородном деле!

Ѓ.Ѓ. Аџџџ

ΔΟΜ ΑΚΤΕΡΑ ΠΟ-ΕΒΡΕΥΣΚΙ

*«Αἶτι οὐδὴ» – οὐδὲ ἀντιτάτῃ ἰαδαῖαεοῖν ἢ εἰδὲοῶ ἰαφαῖεῶ ἀεῖα δῖα-αἶ ἀνὸ δῖατῖα
ἰατῖεῖ ἰατῖ ὁ ἀὸ δῖα-πὸ ἀεῖ «Ἀεὸ εἶο». Ἐὰ ἰγού εἶο ἰαῖαῖ ἰαῖ ἀνὸ ἀῖαῖ εὔ ἰῖ ὀπῖ ἄε ἰὸ ἀὸ ἰ ἀδῖατῖε
ἀπὸ ἰ δῖε ἰ-ἀὸ ἀεῖ ἰπὸ ὤφ. Ἰ ἰπὸ δῖεε ἄα ἰὸ ὀ «αἶτι » ἀεδῖεοῖ δ ἀεῖα δῖα-αἶ ἀνὸ δῖατῖε οὐεῖ εὔ «Ὀἶαῖ
- Ἰ δ Ἀῖτ ἄ» Ἀεῖαεῖ εδ Νῖδῖεεῖ. Ἀῖαῖ ὀ ἰεῖ ἰ δῖαῖ ἀεῖαῖ ἄααῖ ὀ ἰεῖ ἰεῖφ.*

Ἀεὸ ἀῖ ὁ ἀὸ δῖα

– Название вашего театра вызывает интересные ассоциации. С одной стороны, «бейс» («дом») – это нечто основательное, патриархальное. Достаточно вспомнить название нашего Храма (Бейс а-микдаш), Дома собрания, или синагоги (бейс кнессет), Дома книги, или школы (бейс сейфер). Египет в Торе называется «домом рабства», а еврейский народ – «домом Израиля». С другой стороны, шут, лицедей («лец») – нечто прямо противоположное. В одном названии – сочетание «сакрального» и «профанного». Вы – любитель парадоксов?

– Нет, наверное, я просто веселый человек. Поэтому не обошлось без «шута». А по поводу «дома» вы правильно отметили: это весьма распространенная еврейская (точнее, ивритская) языковая формула, дошедшая к нам со времен Синайского Откровения. Обратите внимание, сколько организаций носят сегодня названия подобного типа: «Бейт Менахем», «Бейт Хана», «Бейт Циндлихт»...

Если серьезно, настоящий наш дом – это Белгород-Днестровский. Здесь у нас много друзей, составляющих нашу «группу поддержки». Это представитель раввина Одессы и Юга Украины Авроома Вольфа раввин Фишл Чичельницкий, директор городского Центра культуры и досуга Нина Швачка, председатель белгород-днестровской еврейской общины Владимир Кричевский, мэр нашего города Николай Чербаджи, представители городского отдела культуры и многие другие.

– С чего началась история «Дома шута»?

– Театр возник в 2001 году при белгород-днестровском обществе еврейской культуры «Шалом» на базе народного театра «Прометей». Так получилось, что «Прометей» временно остался без руководителя и меня пригласили на эту должность. Так что, создавая «Бейт лец», я, можно сказать, воспользовался служебным положением. С 2002 года «Бейт лец» – самостоятельный коллектив. С октября 2003 по март 2004 года мы работали на базе одесского Израильского культурного центра и с тех пор вот уже два года снова находимся в «свободном плавании».

– Кто сегодня входит в вашу «команду»?

– Сейчас мы выступаем обновленным составом, так как две наши актрисы – Эсфирь Град и Юлия Храмова – совершили алию в Эрец Исраэль (мы поддерживаем с ними теплые отношения, и душой они всегда с нами). Основной «костяк» труппы на сегодня таков: Ю. Панченко (ведущий актер и второй режиссер), О. Миронюк («по совместительству» художник-костюмер), Г. и А. Красовские, Д. Уманец, А. Уманец (не только актер, но и осветитель), Е. Юдина, М. Алексеенко, Д. Чебан, Д. Жбанов (еще и звукооператор). Как видите, наши кадры «многофункциональны».

– Очевидно, вы подаете пример, являясь одновременно и актером, и режиссером.

– Я, конечно, в большей степени режиссер, чем актер. А поскольку для режиссера очень важно видеть происходящее «извне», охватывать целое, то сочетать оба эти занятия (режиссуру и актерскую игру) довольно непросто. Кстати, вы забыли упомянуть, что я еще исполняю обязанности драматурга нашего театра. Но быть еще и драматургом меня вынуждают обстоятельства. Ведь труппа наша, как вы убедились, невелика, к тому же состав ее время от времени меняется. Бюджетом мы тоже похвастаться не можем. Значит, приходится приводить наши желания в соответствие с нашими возможностями. Практически все произведения, которые мы инсценировали, нужно было адаптировать для нашей «маленькой и скромной компании». И делать это приходилось, как вы догадываетесь, вашему покорному слуге.

– И что же вы «адаптировали»?

– Наш первый спектакль – «451 градус еврейского счастья» – по мотивам произведений Шолом-Алейхема. В нашем репертуаре также есть спектакли «А был ли мальчик» («Мальчик Мотл» того же Шолом-Алейхема), «Йом Кипур» по Владимиру Короленко, «Чудо великое случилось» – по Башевису-Зингеру.

– То есть главный ваш «козырь» – классика?

– Не только. Хотя классика, безусловно, преобладает. Это связано с тем, что мы регулярно принимаем участие в международном фестивале театрального искусства «Блуждающие звезды», посвященном творчеству классика еврейской литературы Шолом-Алейхема. Естественно, от участников требуется показ пьесы этого автора либо его современников.

– Насколько мне известно, «Бейт лец» не только регулярно участвует в этом фестивале, но и не менее регулярно завоевывает лауреатские звания. Расскажите подробнее.

– Фестиваль «Блуждающие звезды» ежегодно проводится в Киеве. Среди его учредителей такие солидные организации, как Еврейский фонд Украины, Министерство культуры и искусств Украины (сегодняшнее Министерство культуры и туризма), Государственный комитет Украины по делам национальностей и миграции, не нуждающийся в представлении «Джойнт»... Мы участвовали с третьего по седьмой фестивали, и, надеюсь, эта своеобразная традиция будет продолжена. Без ложной скромности скажу, что наше первое появление стало для киевлян настоящей сенсацией. Ведь они привыкли иметь дело со столичными театрами, в распоряжении которых – большие труппы, роскошные костюмы, декорации, реквизит. А тут какой-то провинциальный коллектив (первое время они даже название нашего города

писали с ошибками – издержки перевода с русского на украинский язык) берется интерпретировать классику! Очевидно, мы им понравились, поскольку сегодня «Бейт лец» – пятикратный лауреат фестиваля «Блуждающие звезды», а также обладатель почетных грамот Министерства культуры и туризма.

– Значит, вы ни разу не возвращались домой без награды? Впечатляет! И всё-таки, как обстоят дела с современной тематикой? Ведь в жизни евреев сегодня – целое «море» сюжетов, так и просящихся на сцену...

– Конечно, у нас есть несколько проектов. Главная проблема с современниками – это вопрос авторских прав (ведь мне неизбежно придется «подгонять» пьесу под наш коллектив, то есть вносить изменения). Что касается «не-классики», у нас в репертуаре есть спектакль «Такая жизнь» – на темы одесского юмора. Другой спектакль – «И подними нас...» – поставлен по моей пьесе (уж я-то пока точно классиком не являюсь!). Он посвящен теме Холокоста, а точнее, трагедии в Бабьем Яру. Мы намеренно оттягивали его премьеру, чтобы она не совпала с 60-летием этого страшного события. Не хотелось, чтобы спектакль был воспринят как очередное «официальное мероприятие», конъюнктурная «дань памяти жертвам»... Для нас это слишком значимая тема. Мы вложили в спектакль всю душу и очень благодарны организаторам «Блуждающих звезд»: они пошли нам навстречу и разрешили, вопреки всем правилам, выступить с «неклассической» программой.

– В чем, на ваш взгляд, заключается специфика еврейского театра?

– Еврейский театр в чистом виде – это «Пурим-шпиль». Остальное – синтез разных театральных «школ», традиций, стилей. Это обусловлено историей: за столько веков существования в голусе еврейский театр успел, кажется, перепробовать всё. Ведь трудно представить того же Шолом-Алейхема вне контекста русской, украинской литературной традиции и культуры в целом. К тому же не стоит забывать, что еврейская тематика интересует не только евреев. «Бейт лец» – многонациональный коллектив, у нас многонациональная публика.

– Наверное, многие школы мечтали бы иметь директором театральным режиссером: и учителям, и ученикам, и родителям приятнее иметь дело с творческим человеком, чем с чинушей-бюрократом. Помогает ли вам, школьному директору, ваша театральная деятельность?

– Хотите неожиданный ответ? Мешает, мешает и еще раз мешает! Родителям очень трудно отделить одно мое «амплуа» от другого. То и дело я слышу просьбы: «Организуйте у нас в школе детский театр!», «Возьмите в труппу моего ребенка!» Конечно, все дети талантливы, а еврейские – так просто вундеркинды. Но заниматься со всеми я не могу, а кого-то выбирать... Сами понимаете. Я не хочу, чтобы школу сотрясали «закулисные» интриги! И без того забот хватает. Поэтому мечту о создании детской театральной студии я реализовал на «нейтральной территории» – в Одессе. Наш дебют состоялся на Хануку.

Алла Гайда О.-А. Адео

театр «Орфей», театр «Коллизей»... «Грандиозная историческая фильма “Маркиз де С.”, говорящая фильма “Поцелуй перед зеркалом”»... И объявление Кишиневской еврейской культурной лиги: «Сегодня состоится лекция д-ра М. Шлисселя на русском языке».

Словно чудом сохранившийся островок дореволюционной Одессы. Заповедник. На страницах «Бессарабского слова» – публикации Бунина и Ходасевича, Жаботинского и Дона Аминадо, Петра Пильского, Ильфа и Петрова. Подборки анекдотов – сколок времени, зеркальце раскованности и толерантности. Вот такой анекдот под названием «Еврей и гитлеровец»:

Èáàò áàðáé ïí íáííé èç áàðéííèèè òèèè. Ñèèù ùí áàòòíí ððààèí ó íáá ð áèíáí òèýí ó Ì òíòíàèò ì èí ì áèòèáðíáà è ð áàòíý í áá áàðáí :

- Òù, áèòí ùé áàðáé! Òáíá í ááí ì ðèáèèòù òáí èó è áèíáí áí çáýí è!

- В ì ðèáèè áù, - Ì ò áàòèè áàðáé, - áíèè áù ó ì áíý áùèà áàðáíý í áý áèíáá, èàè ó òááý.

С «Бессарабским словом» соревнуется в беспечности «Наша речь», помещая заметку, озаглавленную «Как мылись в старину»: «Мадам де Севинье почти никогда не умывалась. Г-жа Ментенон (морганатическая супруга Людовика XIV) мылась, по-видимому, еще реже» и т. д.

Прочтя всё это, можно было бы сказать: люди не понимали, на каком вулкане живут. Быть буфером между советским и германским монстрами – и помещать заметки о том, как часто мылась мадам де Ментенон! Это ли не верх недалковидности? Это ли не полное отсутствие чувства времени? Именно так. Нужно быть Жаботинским, чтобы предвидеть Катастрофу. А остальные как будто дразнились, шутили над пропастью, как шутил LOLO (Леон Григорьевич Мунштейн) в стихотворении «Три этапа» – задирая чудовищ и предполагая, что возмездие будет медлить:

х.È. - ááá áèéáí, ìí èàèèá!

Èò áíèá áàáàò áíí ìí èí àòù

Èò áá-íí áàáàò ì òíèèè àòù

Ì ðáí áíáèááí í áý ðííèý!

Ì í è ðáííáýèèíý èàè áùí :

Áçáðáèííèèè ð ðáðáòáí çíèíòùí

Ì ì òá.. Ì í-òèè áá òùááí ùáí

Ì ðèòí òááèèè áðáá Ì áèíèí -

È ðòáè «áàèèèèè ì áí» - ì òááí ùáí .

Ì òíèáàò ì èáýáà áí áè è èáò -

È πῆλαρό ἀνάστητέ ἱγὺ:

«X.È» - ἀὰ ἀσέαι ἐδαῖν ἰε αὐεε.

Ἰ ἀ πᾶθε πὸ ἱπῆρ: «αὐεε»,

Ἀ πᾶσῶν ἀσθῆ ἱπὸφ: - «È ἰὰ!»

Конечно, можно было так рискованно дразниться из Ниццы, где жил Мунштейн. Он понимал, что с такой степенью географической отдаленности история до него не доберется... Запредельная дерзость и уверенность в завтрашнем дне как раз и придает особый вкус газетам, имевшим хождение когда-то в малоизвестной ныне географической местности под названием «Бессарабия». Газетам, позволившим себе сочетать на одной странице имена Дона Аминадо, Ивана Бунина, Жаботинского, Ильфа и Петрова...

Ἀ. Ἐσθῆεῖα

